



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.  
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



p Slav 384.40



HARVARD  
COLLEGE  
LIBRARY









П 22

1983

# ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

## АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XIX, вып. 1.

### СОДЕРЖАНІЕ.

Бракъ учувань. Свящ. К. П. Прокошьева . . . . . 1—63.

Замѣтка проф. А. А. Штукенберга (съ рисункомъ) . . . 64—65.

О новой находки слѣдовъ доисторической разработки уральскихъ рудниковъ. Проф. П. И. Кротова (съ 3 рис. на отдѣльномъ листѣ). 66—68.

Памяти А. А. Дмитриева († 1 іюня 1902 г.). Проф. И. М. Покровскаго . . . . . 69—80.

Церковно-археологическіе вопросы

на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Д. В. Васильева 87—86.

Проектъ инструкціи для членовъ редакціонной комисіи Общества Археологii, Исторii и Этнографii при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ . . . . . 89—90.

### Приложеніе:

Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ окривахъ. Дѣйств. члена А. А. Алекторовъ . . . . . 433—464.



КАЗАНЬ.

ТИПО-ДИТОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1903.

Вышелъ 21 февраля.



△  
PSlav 384.40 (19,20-1)

HARVARD  
UNIVERSITY  
LIBRARY  
FEB 17 1965

WRAP W.

*Въ книжномъ складѣ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ могутъ быть приобретаемы слѣдующія книги:*

- 1) Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ I, 1878, выпуски 2—5, по 20 к. (прочіе выпуски 1-го тома, а равно томы II, VII и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII томовъ, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, ц. 2 руб. 50 коп. Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 2, 1890, ц. 2 руб. 25 коп.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 2, ц. 1 руб. 75 коп., вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2—6 по 1 руб. Томъ XII, 1894—1895, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 2 ц. 1 руб., — 3, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4 — 1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 1—3 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томъ XVI, вып. 1—3 по 1 руб., вып. 4—6 цѣна 2 руб. Томъ XVII, вып. 1 цѣна 1 руб., вып. 2—3, цѣна 2 руб., вып. 4 цѣна 1 руб., вып. 5—6 ц. 2 руб. Томъ XVIII, вып. 1, 2 и 3 цѣна 3 руб. — Томы I, II и VII, а равно и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ и 3-й вып. XIII. Извѣстій, Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.
- 2) Вотяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 352 стр. 8°. Цѣна 2 руб. 25 коп.
- 3) Перяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова, 1891. 289 стр. 8°. Цѣна 1 руб. 75 коп.
- 4) Мордва, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1895. 296 стр. 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- 5) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Веске. 1890. 324 стр. 8°. Цѣна 2 руб.
- 6) Спасскій монастырь въ г. Казани, историческое описаніе. Е. М. Лебедева. 1895. 215 стр. 8°. Цѣна 2 руб.
- 7) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани: томъ I и II (1884 и) 1891) по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891) — цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877 Цѣна 1 рубль.
- 8) Архивъ князя В. И. Бяшсва. Проф. Н. П. Загоскина. 1882. Часть I, 300 стр. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- 9) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стр. 8°. Цѣна 75 коп.
- 10) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стр. 12°. Цѣна 10 коп.
- 11) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стр. 12°. Цѣна 20 коп.
- 12) Овадачакъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Заѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваша, Н. И. Золотницкаго. 1884. 56 стр. 8°. Цѣна 45 коп.
- 13) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стр. 8°. Цѣна 45 коп.
- 14) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 20 коп.
- 15) Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка. А. И. Соколова. 1892. Цѣна 2 коп.
- 16) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стр. Цѣна 5 коп.
- 17) О древнемъ поселеніи около г. Спасска. А. Обрѣзкова. 1893. Цѣна 3 коп.
- 18) О сѣнокосныхъ и другихъ земельнымъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. 1895. Цѣна 20 коп.



Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и  
Этнографіи при Императорскомъ Каванскомъ Университетѣ.  
Секретарь Общества Н. Горгаловъ.

## БРАКЪ У ЧУВАШЪ.



Въ разное время и разными лицами написано не мало статей и замѣтокъ о бракѣ чувашъ. Краткія замѣтки по этому вопросу находятся въ этнографическихкихъ трудахъ исторіографа Миллера <sup>1)</sup>, академиковъ Палласа, Георги, Рычкова и Лепехина <sup>2)</sup>. Но эти замѣтки весьма кратки, неполны, при томъ—въ нихъ немало ошибокъ и неточностей. Это вполне понятно: указанные ученые пробыли въ Казанскомъ краѣ сравнительно не долго; языка мѣстныхъ инородцевъ они не понимали, поэтому знакомились съ бытомъ инородцевъ черезъ толмачей; нѣкоторые изъ нихъ сами лично не были даже ни въ одномъ инородческомъ селеніи и свои замѣтки писали на основаніи рассказовъ разныхъ служившихъ людей г. Казани. Болѣе подробныя описанія чувашскаго брака находимъ въ этнографическихкихъ трудахъ и замѣткахъ, от-

---

<sup>1)</sup> Возвращаясь въ 1743 г. изъ ученаго путешествія по Сибири, онъ остановился въ Казани, собралъ нѣсколько свѣдѣній объ инородцахъ здѣшней губерніи и составилъ сочиненіе „Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихкихъ народовъ“.

<sup>2)</sup> Въ 1768—1773 гг. по повелѣнію Императрицы Екатерины II многіе изъ членовъ Академіи Наукъ были отправлены въ ученое путешествіе для описанія Россіи. Изъ нихъ названные выше академики посѣтили и описали между прочимъ и Казанскій край. Они благосклонно удостоили своего вниманія и чувашъ.

посищихся къ прошлому вѣку, именно: у г-жи А. А. Фуксъ <sup>1)</sup>, у В. Сбоева <sup>2)</sup>, у Прот. В. П. Вишневецаго <sup>3)</sup>, у г. Нурмипскаго <sup>4)</sup>, у священника П. Каменскаго <sup>5)</sup>, у В. К. Магнитскаго <sup>6)</sup>, у свящ. Гр. Львова <sup>7)</sup>. Но всѣхъ указанныхъ трудахъ, за исключеніемъ статьи г. Магнитскаго (въ Каз. Губ. Вѣд.), чувашскій бракъ описывается только со стороны обрядовой, и то часто съ ошибками, и почти не затрагиваются вопросы юридическаго (правового) характера, какъ-то: о возрастѣ брачующихся, о родствѣ, о правахъ мужа и жены и др. При томъ, всѣ указанные авторы, говоря о бракѣ чувашъ, имѣли въ виду чувашъ только Казанской губ., преимущественно Чебоксарскаго и Идринскаго уѣздовъ, и совершенно не касаются чувашъ другихъ губерній. Между тѣмъ, насколько можно судить по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ <sup>8)</sup>, брачный ритуалъ въ наиболѣе полной формѣ сохранился у чувашъ Симбирской губ. Поэтому, кажется, не лишня и не безынтересна будетъ для желающихъ познакомиться съ бытомъ и положеніемъ инородцевъ наша попытка описанія и изслѣдованія брака чувашъ.

<sup>1)</sup> Записки о Чувашахъ; стр. 26—71; также въ сборн. „Этнографія и статистика Каз. Губ.“ 1834 г., стр. 162—170, 211—212.

<sup>2)</sup> Изслѣдованіе объ инород. Каз. губ. Казань, 1856 г., стр. 26—40; 75—76; 81, 158—162.

<sup>3)</sup> О религ. повѣрьяхъ чувашъ, стр. 20—25.

<sup>4)</sup> „Инор. приходы.“ Прав. Обзор. 1863 г., ноябрь.

<sup>5)</sup> Соврем. остат. языч. и проч. Казань, 1879 г., стр. 26—29.

<sup>6)</sup> „Очеркъ юридич. быта чувашъ“. Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., №№ 85—89, 93; его же „Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры., стр. 200—218.

<sup>7)</sup> „Языч. браки чув.“ Извѣст. по Каз. еп. 1898 г. № 10.

<sup>8)</sup> Осенью 1901 г. нами были разосланы вопросныя пункты относительно брака чувашъ къ знакомымъ инородческимъ священникамъ разныхъ губерній. на которые и получены отвѣты отъ слѣдующихъ священниковъ: с. Шемурши, Симбир. г. Ф. П. Иванова; с. Новыхъ Алгашей, Симб. г., В.

*Форма заключенія брака.* Брачный ритуалъ у чувашъ бываетъ полный и неполный. Первый—когда чувашиннъ женить сына „сураѣса“, т. е. по предварительному согласію и договору съ невѣстой и ея родителями. Второй—когда чувашиннъ женить сына „вѣрласа“, т. е. *похищая невѣсту*. Въ послѣднемъ случаѣ свадебный ритуалъ совершается паскоро, съ значительными сокращеніями. Опишемъ первый, предварительно замѣтивъ, что брачный ритуалъ совершается у чувашъ одинаково какъ у язычниковъ, такъ и у христіанъ.

*Сватовство.* Чувашская молодежь знакомится другъ съ другомъ чаще всего въ хороводахъ, которые начинаются недѣли за три до Троицы и продолжаются до „Семика“ <sup>1)</sup>, а мѣстами до сѣнокоса. Для знакомства съ молодежью чужихъ деревень служатъ „посидѣнки“ <sup>2)</sup>, катанья съ горъ, куда выходятъ и прїѣхавшія изъ чужихъ деревень на посидѣнки дѣвушки (ларма хѣрсем), и базары. „Едва-ли кто такъ любитъ посѣщать базары, какъ чуваша; нерѣдко они ѣздятъ на нихъ ни для чего болѣе, какъ, по ироническому выраженію русскихъ, „базаръ дѣлать“, и не отказываютъ въ этомъ удовольствіи обоюго пола молодежи, гдѣ послѣдняя и знакомится для будущихъ супружескихъ связей“ <sup>3)</sup>. Поэтому нисколько не удивительно, что самъ женихъ у чувашъ на сватовство не ѣздитъ. Родители, задумавшіе женить сына, спрашиваютъ его, есть-ли у него на примѣгѣ невѣста, и въ большинствѣ слу-

---

Д. Дмитриева; с. Табурданова, Каз. г., В. Е. Ефремова; с. Стюхина, Самар. г., А. С. Михайлова. Многое о бракѣ чувашъ извѣстно пишущему эти строки, какъ природному чувашину, изъ личныхъ наблюденій и разспросовъ чувашъ разныхъ мѣстностей.

<sup>1)</sup> Праздникъ, начинающійся въ четвергъ предъ Троицей.

<sup>2)</sup> Чуваш. дѣвушки очень любятъ ѣздить зимою къ родственникамъ съ пражей на посидѣнки.

<sup>3)</sup> Магнитскій, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 86.

чаевъ получаютъ утвердительный отвѣтъ. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта родители сами указываютъ ему невѣсту въ своей или въ одной изъ сосѣднихъ деревень, послѣ чего начинается сватовство. Родители ѣдутъ въ ту деревню, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у родственника или знакомаго, котораго намѣтили выбрать „сватуномъ“ (невѣ), ходатаемъ или посредникомъ въ дѣлѣ сватовства. Узнавъ о цѣли ихъ пріѣзда, сватунъ отправляется къ родителямъ невѣсты. Начинается бесѣда. Сначала идетъ рѣчь о постороннихъ предметахъ, потомъ постепенно и незамѣтно сватунъ сообщаетъ родителямъ невѣсты о цѣли своего прихода. Невѣста, смекнувъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же уходитъ или въ кѣтъ (лѣтомъ), или къ сосѣдямъ (зимой). Разспросивъ о состояніи родителей жениха, о ихъ роднѣ, родители невѣсты, если найдутъ возможнымъ принять предложеніе, посылаютъ къ дочери сноху (если есть таковая въ домѣ, а если нѣтъ, идетъ сама мать) спросить, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то. Въ случаѣ полученія утвердительнаго отвѣта между сватуномъ и родителями невѣсты начинается разговоръ относительно приданаго и калыма. Калымъ—денежная плата жениха за невѣсту—бываетъ, смотря по состоянію договаривающихся сторонъ, отъ 40 до 200 руб. и болѣе и соразмѣряется съ количествомъ и качествомъ приданаго. Въ составъ приданаго входятъ: лошадь (кобыла) или, по бѣдности, жеребенокъ, корова или телка, нѣсколько штукъ овецъ, шуба, кафтанъ, перина, подушки, войлокъ, женскія туалетныя, головныя и нагрудныя принадлежности изъ бусъ и серебряныхъ монетъ, какъ-то: хушпу, теветъ, алека, шелкеме и др. <sup>1)</sup> Всѣхъ туалетныхъ принадлежностей въ общей сложности бываетъ на сумму отъ 10 до 100 руб. и болѣе; кромѣ того выговаривается нѣсколько рубахъ и портовъ для жениха, подарки для жениховыхъ родителей, братьевъ и сестеръ, для родственни-

<sup>1)</sup> Подробное описаніе ихъ см. у г. Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 85.



ковъ его, на которыхъ во время свадьбы будутъ возложены тѣ или другія „должности“. Въ Казанской губ., по сообщенію г. Магнитскаго, кромѣ того выговаривается еще для жениха: шалба, кушакъ, рукавицы и лапти <sup>1)</sup>. Общая (приблизительная) стоимость приданого и составитъ размѣръ калыма, съ надбавкой нѣкоторой суммы на справленіе брачнаго пиршества. Кромѣ денежнаго калыма выговаривается еще съ жениха въ пользу невестинной стороны нѣсколько четвертей водки, немного краснаго вина (для непьющихъ водки), отъ 10 ф. до 1 п. меду. По окончаніи договора относительно калыма и приданого, назначается день для формальнаго празднованія сватовства (сураѣма). При этомъ строго наблюдается, чтобы сватовство не падало на тяжелый день, какъ-то: понедѣльникъ, среду. Иногда при этомъ совѣтуются даже съ „йомзей“ (знахарь, ворожея). Договорившись и условившись обо всемъ, сватуны уходятъ домой, гдѣ ждутъ его родители жениха. Уходя изъ дому невесты, онъ оставляетъ тамъ кнутъ, почему и самый этотъ актъ брачнаго ритуала—предварительнаго сговора—называется „пушй пѣрахни“—бросаніе или оставленіе кнута. Кнутъ этотъ служитъ внушительнымъ знакомъ того, что договоръ состоялся и что онъ не долженъ быть нарушенъ. Случаи нарушенія этого договора все-таки бываютъ, хотя и очень рѣдко. Въ такомъ случаѣ кнутъ возвращаютъ обратно сватуну, почему и самый разладъ дѣла обозначается терминомъ: „пушй тавѣрнй“—кнутъ возвращенъ.

Ко дню, назначенному для формальнаго сватовства, родители жениха и невесты варятъ пиво, покупаютъ вина, пекутъ „хѣпарту“ (хлѣбъ вродѣ ситнаго), припасаютъ „чигиты“ (сыръ). Въ назначенный день родители жениха, созвавши ближайшихъ родственниковъ и захвативши гостинцевъ: вина, пива, хлѣба и сыра, отправляются съ ними „сватать“ невесту (безъ жениха). При этомъ обращается вниманіе на то, чтобы число гостей, ѣдущихъ на сватовство, а равно и число

---

<sup>1)</sup> Тамъ-же.

хлѣбовъ и чигитовъ было никакъ не четное, такъ какъ женихъ и невѣста не составляютъ еще брачной *пары*. Исключеніе при этомъ дѣлается только для „йѣваѣ“<sup>1)</sup>, которыхъ берется очень много, безъ счету, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. „Предъ выѣздомъ со двора наблюдается, чѣмъ испражняются заложеныя лошади во время сборовъ—мочей или каломъ; если первой, то поѣздъ откладывается, потому что моча предвѣщаетъ преждевременную и непремѣнную смерть жениха или невѣсты“<sup>2)</sup>. По сообщенію г. Миллера чувашаи предъ выѣздомъ на сватовство колютъ пѣтуха: „Наипаче всего напередъ знать желаютъ, щастлива или несчастлива оная ѣзда будетъ; и того ради на дорогѣ предъ воротами колютъ пѣтуха и на землю бросаютъ. Если заколотый пѣтухъ не трепещется, то та ѣзда будетъ щастлива; буде-же онъ трепетаться будетъ, то они опасаются несчастія, и для того остерегаются“<sup>3)</sup>. „По выѣздѣ за ворота поѣзжане молятся на всѣ четыре стороны, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ (если брачующіеся—христіане); дорогой на перекресткахъ поѣздъ останавливается и бросаются мѣдные деньги, кусочки хлѣба и сыра изъ взятыхъ въ суму (чтобы „ырѣ-хайар сарѣлтѣр“—разсѣялись злые духи), монеты и хлѣбъ бросаютъ также въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости находятся „киремети“ (мѣста обитанія злыхъ духовъ)<sup>4)</sup>. По пріѣздѣ въ деревню невѣсты поѣздъ останавливается у сватуна и отражаетъ его въ роднителямъ невѣсты спросить: могутъ-ли и готовы-ли они принять гостей. Тѣ отвѣчаютъ: „если Богомъ суждено вмѣстѣ намъ жеть, пусть придуть, готовы мы“. Услышавъ согласіе, гости идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ уже къ тому времени собралась ближайшіе родственники невѣсты. Послед-

1) „Йѣваѣ“—четыреугольныя и ромбовидныя печенія.

2) Магнитскій, Каз. Губ. В. 1868 г., № 86.

3) Описан. живущ., въ Казан. губ. язычск. народовъ. СПб. 1791 г. стр. 75.

4) Вишневскій, стр. 24—25.

няя предъ приходомъ жениховой родни, нарядившись въ лучшее платье и дѣвичья украшенія, уходитъ опять въ амбаръ или къ сосѣдямъ. Жениховы родители, окончательно договорившись здѣсь предъ гостями о приданомъ и калымѣ, отдають тутъ же весь калымъ или часть его; въ послѣднемъ случаѣ недоданная часть калыма отдается послѣ, но непременно до свадьбы. Послѣ этого родители жениха выставляютъ на столъ всѣ гостинцы, привезенные изъ дому. Тѣмъ временемъ приходитъ сюда, по приглашенію, неvěста и начинаютъ варить „хѣр шурпи“ (дѣвичью похлебку) непременно съ яйцами, употребленіе которыхъ служитъ знакомъ пожеланія, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Похлебку варятъ не пожилыя женщины, а непременно дѣвушки. Когда похлебка будетъ готова, ее наливають въ блюдо и ставятъ на столъ. Дѣвушки разламываютъ (непременно разламываютъ, а не разрѣзають ножемъ, даже нельзя разламывать, надавливая ногтемъ) привезенные гостинцы на кусочки и кладутъ ихъ предъ гостями. Затѣмъ, пріотворивъ немножко дверь, всѣ присутствующіе встають на ноги, а родители жениха и неvěсты и нѣкоторые изъ гостей берутъ въ руки по ковшу пива и кто нибудь изъ присутствующихъ, болѣе свѣдущій въ молитвословіяхъ чувашъ, начинаетъ говорить молитву, обращаясь къ двери: „эй, бесмелле, аминь! на небѣ—Богъ, на землѣ—Царь: вамъ <sup>1)</sup> молимся благопрістойными устами, отъ чистой души и добраго сердца: да подасть имъ (молодымъ) Господь хорошее здоровье, знакомство съ добрыми людьми, да пошлетъ имъ многочадіе и долгоденствіе, чтобы дожить имъ до сѣдыхъ волосъ; да направитъ ихъ такъ, чтобы они при встрѣчѣ со старшими называли ихъ дядей, при встрѣчѣ съ младшими называли ихъ братцами, при встрѣчѣ со старухой—бабушкой, при встрѣчѣ съ дѣвушками—сестрицами“ <sup>2)</sup>...

<sup>1)</sup> У чувашъ личность Царя окружается почти ореоломъ Божества.

<sup>2)</sup> „Эй, пѣсмелле, аминь! сўлте—Турă, сёрте—Патша, сире кѣл-тăватпăр лайăх зїлхе-сăварпа, таса зунна, ырă

Нужно замѣтить, что у чувашъ нѣтъ однообразія въ молитвахъ: одна и та же молитва въ одной и той же мѣстности употребляется съ разными вариациями, съ сохраненіемъ лишь общаго смысла. Настоящая молитва записана въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буин. у. По совершеніи молитвы мать невѣсты по кусочку хлѣба и сыра бросаетъ на печь въ честь домового, часть пива пзъ ковша выливаетъ у двери и въ очагъ, остальное уже выливаетъ сама въ честь благополучно начатаго дѣла. Пьютъ и другіе, приговаривая: „Йўсё ёссе тутлѣ каласмалла пултѣр“ = пусть будетъ такъ, чтобы пить намъ горько, говорить сладко. Послѣ этого чиппо садятся за столъ и начинается угощеніе. Въ концѣ пива невѣста раздаетъ подарки: для жениха рубаху, отцу женихову и сватуну холста на рубаху, жениховой матери—сурбань <sup>1)</sup>, остальнымъ гостямъ по небольшому куску холста. Получивъ подарки, гости повязываютъ ихъ на руки повыше локтя или вѣшаютъ за кушакъ, чтобы всѣмъ было видно, и съ пѣснями возвращаются домой. Подарки они вѣшаютъ дома на видномъ мѣстѣ и показываютъ каждой посѣтительницѣ. Посѣтительницы съ интересомъ рассматриваютъ подарки и, потерявши ими губы, возвращаютъ хозяйкамъ со словами: „пусть живутъ до сѣдыхъ волосъ“. По качеству подарковъ онѣ составляютъ мнѣніе о достоинствахъ невѣсты, хорошо-ли она умѣетъ ткать и шить, или нѣтъ. Такъ заканчивается второй актъ брачнаго ритуала чувашъ.

кѣмѣлпа, ырѣлѣх-сывлѣх патѣр, лайлѣх сынпа палашма патѣр, аѣа-пѣлалѣ пултѣр, ватѣлса шурѣ сўсрѣ пултѣр пурѣвѣр; ватѣсене курсан пѣтѣ темелле пултѣр, самрѣксене курсан шѣллѣм темелле пултѣр, карѣлва курсан асанне темелле пултѣр, самрѣк хѣрсене курсан йѣмѣк темелле пултѣр“.

<sup>1)</sup> Сурбань—длинное полотенце съ красными каймами, которымъ замужнія женщины повязываютъ голову такъ аккуратно, чтобы ни пряди волосъ не видно было. Онѣ не снимаются даже въ самую жаркую пору, даже во время жнитва.

Въ Казанской губ., по описанію г. Магнитскаго, эти два акта—предварительный сговоръ и формальное сватовство—совершаются вмѣстѣ, въ первый же прїѣздъ <sup>1)</sup>). Но это, очевидно, ошибка. Формальному сватовству, по нашему мнѣнію, непременно долженъ предшествовать предварительный сговоръ въ такомъ или иномъ видѣ. Странно было-бы со стороны родителей жениха, если-бы они, не узнавши предварительно, принято будетъ ихъ предложеніе или нѣтъ, поѣхали къ нимъ прямо съ цѣлымъ поѣздомъ и съ гостинцами! Да и родители невѣсты должны же приготовиться заранѣе къ ихъ прїѣзду.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сватовства оба свата, отцы жениха и невѣсты, вмѣстѣ выѣзжаютъ на базаръ, взявши съ собой и жениха съ невѣстой. Родитель невѣсты покупаетъ тутъ приданое для невѣсты и разныхъ платковъ и тканей, которые должны идти въ подарокъ жениху и его роднѣ. Окончивъ покупку, сватья заходятъ въ кабакъ или на квартиру, гдѣ въ прїятной бесѣдѣ распиваютъ полштофъ водки, а женихъ съ невѣстой ходятъ въ это время по базару и знакомятся другъ съ дружкой, при чемъ женихъ угощаетъ невѣсту орѣхами и пряниками. Затѣмъ каждый ѣдетъ по своимъ домамъ. Изъ купленнаго товара невѣста со своими подругами начинаетъ шить приданое и подарки для жениховой родни. За нѣсколько дней до свадьбы родитель жениха еще разъ бываетъ у родителей невѣсты для окончательныхъ переговоровъ относительно свадьбы. Жениховъ родитель сообщаетъ будущему свату о томъ, сколько подводъ и верховыхъ будетъ у него въ свадебномъ поѣздѣ. Если женихъ и невѣста—христиане, то тутъ же назначается день вѣнчанія. Это свиданіе носитъ особое названіе: „кумуль чаль“—въ Казан. губ. <sup>2)</sup>), и „пѣлзав“—въ Симбир. г. <sup>3)</sup>) Смыслъ и того, и другого названія вамъ непонятенъ.

<sup>1)</sup> Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 86.

<sup>2)</sup> Тамъ-же.

<sup>3)</sup> Рукопись свящ. с. Шемурши о. Иванова.

Въ условленный для бракосочетанія день, обыкновенно за 3—4 дня до свадьбы, иногда и за недѣлю, невѣста съ кѣмъ нибудь изъ ближайшихъ своихъ родственницъ прїѣзжаетъ въ церковь того прихода, къ которому принадлежитъ женихъ. Женихъ является въ церковь со свидѣтелями. По окончаніи вѣчанія невѣста, ни слова не перемолвивъ съ женихомъ, ѣдетъ домой, а женихъ—въ свой домъ и не видится съ невѣстой <sup>1)</sup> до самой свадьбы.

По поводу этого обычая г. Сбоевъ пишетъ; „Въ настоящее время брачный поѣздъ совершается не вездѣ одинаково: видѣ бываютъ поѣзды *малый* и *большой*,—дѣленіе, которое прежде было вовсе неизвѣстно. Малый поѣздъ есть просто поѣздъ жениха и невѣсты со свидѣтелями въ церковь для бракосочетанія, поѣздъ тихій, скромный, трезвый, несопровождаящійся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ—въ свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этого малаго поѣзда, замѣтивъ въ большомъ нѣкоторые слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда и таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства о своей паствѣ“ <sup>2)</sup>. Конечно, обычай этотъ самъ по себѣ хорошъ и весьма похвальный, въ томъ отношеніи, что чуваши прїѣзжаютъ въ церковь къ бракосочетанію въ трезвомъ и благопристойномъ видѣ. Но источникъ его происхожденія, по нашему твердому убѣжденію, нельзя видѣть въ попечительности и заботливости нашего духовенства о своей паствѣ. Объясняется это тѣмъ, что чуваша, до сихъ поръ еще сильно приверженные къ прежнимъ

<sup>1)</sup> Собственно, она уже жена ему, но пока не сыграна свадьба и пока она не надѣла еще на голову сурбана, она у чувашъ не считается еще женою.

<sup>2)</sup> Изслѣдов. объ инородцахъ, стр. 31.

языческимъ обычаямъ, не придаютъ существеннаго значенія христіанскому таинству брака и совершаютъ его заблаговременно для того, чтобы послѣ, во время свадьбы, не хлопотать и не путаться съ нимъ. По ихъ убѣжденію, пока не выползнетъ еще отцами и прадѣлами установленный брачный ритуалъ и пока на голову молодой не возложенъ еще сурбанъ, молодые не могутъ вступить въ супружескія отношенія, хотя бы они были вѣнчаны. Поэтому молодая и послѣ вѣнчанія продолжаетъ пользоваться эпитетами, приличествующими только дѣвушкамъ. Наоборотъ, въ случаѣ заключенія брака черезъ похищеніе невѣсты, молодая, тотчасъ послѣ свадьбы вступаетъ въ супружескія связи съ мужемъ и живетъ въ его домѣ, хотя вѣнчаніе въ такихъ случаяхъ откладывается часто на мѣсяць, полгода, и даже на нѣсколько лѣтъ. И это чувашами вовсе не считается развратомъ, хотя развратъ сильно осуждается ими и встрѣчается между ними, какъ рѣдкое явленіе.

Въ Казан. губ. въ нѣкоторыхъ приходоухъ бракосочетаніе бываетъ въ самый день свадьбы и молодые послѣ вѣнца со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ тотчасъ отправляются въ домъ жениха <sup>1)</sup>).

Вернемся къ описанію брачнаго ритуала. Итакъ, день свадьбы уже назначенъ, христіанское бракосочетаніе совершено. Остается сыграть свадьбу. Свадьба у жениха и невѣсты начинается въ одинъ день, но совершаются отдѣльно и сходятся только на вторые сутки. Наканунѣ свадьбы одинъ мальчикъ или парень наряжается верхомъ для оповѣщенія родныхъ и односельчанъ о свадьбѣ. „Ихравсѣ“ (вѣстовой) ѣздитъ и выкрикиваетъ: „такой-то дочь выдаетъ, такой-то сына женить, пожалуйте на свадьбу: старые — пиво пить, молодые — свадьбу смотрѣть; всѣ, кто только въ состояніи дышать и ползать, идите свадьбу смотрѣть; „сарѣ“ <sup>2)</sup> привѣщивайте,

<sup>1)</sup> См. у Магнитскаго, Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 213.

<sup>2)</sup> Сарѣ — принадлежность туалета дѣвушки, привѣщивается свади.

порты надѣвайте, а рубахи выговорены оттуда<sup>1)</sup>, т. е. отъ невѣсты<sup>1)</sup>.

*Свадьба жениха.* На слѣдующій день родственники жениха, приблизительно около полудня, собираются въ домъ жениха. Прежде всего въ амбарѣ совершается одѣваніе жениха. Надѣваютъ на него новое и чистое бѣлье, новый кафтанъ или халатъ, подпоясываютъ кушакомъ, на руки — большія кожаныя рукавицы, сверхъ халата на слишъ пришиваютъ „кёрү сурпанс“<sup>2)</sup>, сверхъ него — „сулѣк“<sup>3)</sup>, на голову надѣвается мѣховая шапка, а въ руки дается ременная толстая нагайка (саламат). Въ Казан. губ. на шею ему надѣваютъ еще бисерное ожерелье<sup>4)</sup>. Въ этомъ одѣваніи женихъ остается до конца свадьбы, даже въ избѣ сидитъ онъ непремѣнно въ кафтанѣ и шапкѣ, хотя бы и въ самую жаркую пору. Нагайка дается для отогнанія злыхъ духовъ и предотвращения всякихъ наговоровъ злыхъ людей. Когда свадебный поѣздъ ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, женихъ при вѣздѣ въ каждый домъ ударяетъ нагайкой въ ворота, въ косяки дверей при входѣ въ сѣни и въ избу, и въ подушку, на которой онъ долженъ сидѣть во время пиршества. Пока женихъ одѣвается, скрипачъ<sup>5)</sup> играетъ на скрипкѣ. Одновременно съ женихомъ одѣваются тутъ же разныя должностныя лица: мѣн-кёрү, туй-пурсе, уртақса. Одѣваніе ихъ простое и состоитъ въ томъ, что сверхъ кафтана они подпоясываются ку-

<sup>1)</sup> Чув. текстъ: „Ҷав сын хёр парат, Ҷав сын нвѣл авлантарат, аѣр туйа: ваттисем сѣра еҶме, самрѣксем-туй курма. Самсине сывлан, куҶеҶе шѣван-пырѣр туй курма; сарѣ Ҷавѣр, йѣм тѣхѣнѣр, кѣне лерен калаҶнѣ“.

<sup>2)</sup> Это — короткое полотенце, съ вытканными на концахъ весьма красивыми узорами; дарится оно для жениха невѣстой во время сватовства.

<sup>3)</sup> Это — трехугольный платъ съ бахромами на концѣ.

<sup>4)</sup> Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

<sup>5)</sup> Въ Каз. г. вмѣсто скрипки употребляются пузырь и гусли.



шакомъ, къ кушаку привѣшиваютъ платокъ, а уртакъ съверхъ того перевѣшиваетъ черезъ правое плечо двѣ жоюаны сумки. Обязанности указанныхъ лицъ состоятъ въ слѣдующемъ. „Мѣн—кѣрѹ“,—церемоніймейстеръ, хлопотунъ; онъ произноситъ вездѣ рѣчи или спичи (такмак). Должность эта очень хлопотливая, требующая большой опытности. Онъ долженъ быть остроумень, находчивъ и хорошій знатокъ свадебныхъ церемоній. „Туй—пусѣ“,—начальникъ свадебнаго поѣзда, администраторъ. Онъ надзираетъ за свадебнымъ поѣздомъ, онъ сообщаетъ всѣмъ, къ кому долженъ заѣхать поѣздъ, слѣдить—всѣ-ли въ поѣздѣ цѣлы и невредимы. Ѣздитъ всегда предъ поѣздомъ. Онъ не долженъ быть пьянымъ. „Уртакъ“—носильщикъ сумокъ со съѣстными припасами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ бываетъ свадебный поѣздъ, онъ беретъ со стола понемногу сыра, жаренаго и засушеннаго мяса (шѣртган) и хлѣба. Когда поѣздъ переѣзжаетъ изъ одной деревни въ другую, начальникъ въ полѣ останавливаетъ поѣздъ и спрашиваетъ, не угодно-ли кому закусить. Желающіе и адресуются тогда къ уртакъ. Въ Казан. г. уртакъ называется „кѣсѣн—кѣрѹ. Кроме ношенія сумокъ на немъ лежитъ обязанность вести за поводъ лошадь музыканта при переѣздѣ поѣзда изъ дома въ домъ, такъ какъ музыкантъ долженъ и во время переѣздовъ, сидя верхомъ на лошади, играть на своемъ инструментѣ.

Пока женихъ одѣвается, въ избѣ всѣ гости сидятъ чинно и ждутъ. Родители жениха сидятъ за столомъ съ наполненными пивомъ ковшами. По окончаніи обряда одѣванія женихъ въ сопровожденіи „мѣн—кѣрѹ“ и „туй—пусѣ“, входитъ въ избу, подходитъ къ столу, дѣлаетъ земной поклонъ родителямъ и становится предъ ними на колѣни, собственно—на корточки. Отецъ благословляетъ его со словами: „дита мое! съ нынѣшняго дня ты отдѣляешься отъ нашей постели и отъ нашего бѣлья: да пошлетъ тебѣ Богъ здоровье, многочадіе, долгоденствіе, чтобы дожить вамъ съ подругой до сѣдыхъ волосъ, при встрѣчѣ со старшими—дядей ихъ называй, при встрѣчѣ съ младшими—братцами ихъ называй; отъ зла отвра-

щайся, къ добру павстрѣчу идн<sup>1</sup>). Тогда отецъ и мать жениха вышнвають имѣющееся въ ихъ ковшахъ пиво, наливають вновь и подаютъ, здравствуясь (тав—туса), одинъ—церемоніймейстеру, а другая—начальнику поѣзда. Первому подается пиво въ совершенно новомъ ковшѣ и, подавая ему, отецъ произноситъ слѣдующія слова; „ак сапа пѣр курка, йна йулташ тепѣр курка плсе кил“ — вотъ тебѣ одинъ ковшъ, привези обратно пару ковшей. Церемоніймейстеръ вышнваеть пиво, а ковшъ отдаетъ посыльнику, который прячетъ его въ кожаную сумку. Послѣ, мы увидимъ, онъ кладетъ туда другой ковшъ, которымъ отецъ невѣсты благословляетъ свою дочь. Взявъ другой ковшъ, отецъ подноситъ въ пемъ пиво жениху, посыльнику и скрипачу. Затѣмъ родители встають, а другіе все усаживаются: на самое почтное мѣсто—церемоніймейстеръ, рядомъ съ нимъ съ правой стороны женихъ, уртакъ, музыкантъ и другіе приглашенные гости (мужчины), а съ лѣвой стороны—начальникъ поѣзда съ женой, жена церемоніймейстера и жены другихъ гостей. Подаются кушанья и начивается угощеніе и веселіе, съ музыкой, пляской и пѣснями<sup>2</sup>). Давши немного

<sup>1</sup>) „Ей аѣам! папанхи куптан есѣ прртен уйрѣлатѣн, пррѣн вырѣнтѣн, пррѣн кѣпе-ѣмрен уйрѣлатѣн; Турѣ сана ырѣлѣх-сывлѣх патѣр, вѣрѣм ѣмерлѣ тутѣр, аѣа плѣѣа патѣр, мѣшарпа ватѣлвѣѣеп цурѣнмалла пултѣр; ваггисене курсан пѣѣѣ те, сѣхрѣкне курсан шѣлѣлѣм те; усала гѣрѣн пул, ырра хирѣс пул“.

<sup>2</sup>) По словамъ г. Миллера, „у чувашъ есть такое обыкновеніе, что у жениха и у невѣсты на пирушкахъ ставятъ на столъ блюдо съ хлѣбами, и въ оное вгикають сгѣбли. на которыя кладется голозной уборъ чувашскихъ бабъ, который у нихъ Тастаръ называется. У жениха на пирушкѣ кладутъ Тастаръ матери, или сестры его, а у невѣсты тогъ Тастаръ, который и послѣ на нее, какъ на жену, надѣвають. На оное блюдо каждой изъ гостей повобрачнымъ кладетъ по нѣскольку копеекъ“ (Описание живущ. въ Каз. г. языч. народовъ, стр. 72). Кажется, этого обычай существуетъ и теперь, хотя окончательно утверждать не можемъ.

повеселиться гостямъ, отецъ жениха даетъ уртакъ гостинцевъ со словами: „кайа ан псе кил, пргтерсе псе кил“ — привези не меньше того, что получаешь, а съ избыткомъ. Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы у молодыхъ было изобиліе въ земныхъ плодахъ. Затѣмъ, указывая гостямъ на церемоніймейстера, онъ говоритъ: „вотъ вамъ распорядитель: что онъ велитъ, исполняйте, изъ его словъ не выходите“. Послѣ этого вся свадебная свита отправляется въ другой домъ, къ родственникамъ жениха, а родители остаются дома. До вечера слѣдующаго дня свита ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, не исключая родственникововъ, живущихъ и въ другихъ деревняхъ. Ночуютъ у кого-нибудь изъ родственникововъ. Женихъ, мѣн-кѣрѹ, уртакъ и музыкантъ, а мѣстами и дружки жениха, ѣздятъ верхомъ. Начальникъ поѣзда съ женой и другіе поѣзжане—въ телѣжкахъ. Вышедши изъ дому родителей жениха, уртакъ съ ведромъ пива въ рукахъ становится посреди двора и свита, сидящая на лошадяхъ, объѣзжаетъ его кругомъ. Это повторяется на улицѣ у воротъ жениха и того родственника, къ которому первому пріѣзжаетъ брачный поѣздъ. Въ каждомъ домѣ хозяинъ встрѣчаетъ поѣздъ, стоя на крыльцѣ съ ведромъ пива. Подѣхавъ къ крыльцу, свита останавливается, церемоніймейстеръ говоритъ хозяину привѣтственную рѣчь (таѣмак), потомъ верховые всѣ дѣлаютъ кругъ на дворѣ, и опять церемоніймейстеръ говоритъ краткую рѣчь; хозяинъ подноситъ ему пива, затѣмъ всѣ гости входятъ въ избу и усаживаются въ томъ же порядкѣ, какъ въ домѣ жениха. Уѣзжая, мѣн-кѣрѹ опять говоритъ хозяину благодарственную рѣчь.

Объѣхавъ всѣхъ родныхъ жениха, вечеромъ слѣдующаго за началомъ свадьбы дня поѣздъ отправляется за невѣстой.

Пріѣхавъ въ деревню невѣсты, поѣздъ останавливается сначала у сватуна (пѣвѣ). Пока свита веселится въ домѣ сватуна, начальникъ поѣзда отправляется въ домъ невѣсты. Къ этому времени пріѣзжаютъ туда и родители жениха, захвативъ съ собою гостинцы, выговоренные во время сватов-

ства, какъ-то: вино, пиво въ боченкѣ ведерь въ восемь <sup>1)</sup> и медь. Потомъ туда же является сватунъ и спрашиваетъ у отца невесты: „все-ли выполнено? въ достаточной-ли степени оказана тебѣ честь?“ — ну те тулли пулѣ-и? сирѣн ъис ситрѣ-и? Тотъ отвѣчаетъ: „со стороны свата чести мнѣ оказано достаточно“ — (Мана хѣтараи ъис ситрѣ; подразумѣвается, что все выговоренное опъ получилъ). Потомъ сватунъ говоритъ: „ждете-ли и рады-ли принять свадебный поѣздъ этого свата?“ — сав хѣтанѣн туй халѣхве халѣл таватра, кѣтетре? Тотъ отвѣчаетъ: „по древнему обычаю ждемъ, рады принять“ — авалхи йѣлапа кѣтетпѣр, халѣл таватпѣр. Тогда сватунъ отправляется къ себѣ домой и приводитъ оттуда свиту въ домъ невесты. Родители невесты ждутъ на крыльцѣ. Поѣздъ останавливается предъ ними и церемоніймейстеръ говоритъ: „сватья! не оставляете-ли вы древнихъ обычаевъ? не вводите-ли новыхъ обычаевъ? Нашъ дядя (поминаетъ имя отца жениха) сорокъ женщинъ и пятьдесятъ мужчинъ привелъ на свадьбу: ни одного нѣтъ чужого, всѣ — наши братья и сестры. Ждете-ли ихъ? рады-ли принять ихъ“ <sup>2)</sup>. Тѣ отвѣчаютъ: „ждемъ, рады принять“, и тотчасъ вводятъ въ избу начальника поѣзда съ женой и посаженныхъ родителей молодыхъ <sup>3)</sup>. Вошедши въ избу, начальникъ становится посреди избы и кратвой рѣчью привѣтствуетъ невестина отца. Тотъ подноситъ ему въ громадномъ деревянномъ ковшѣ (алѣрпа, стакановъ на 15) пива, подслащеннаго

<sup>1)</sup> Но уже никакъ не въ *срокѣ*, какъ утверждаетъ г-жа Фуксъ. Столь почтенной величины бочекъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, никогда не бывало у чувашъ. Изслѣдованіе..., стр. 32.

<sup>2)</sup> „Ей хѣтаѣм! авалхи йѣлана пѣрахмастѣр—и? сѣнѣрен йѣла кѣлармастѣр—и? Пирѣн сав пѣѣе хѣрѣх арѣм, алѣй арсын пуѣтарса килѣѣ туйа: пѣри те йут мар, пурте хамѣр тавансем. Вѣсепе кѣтетре, халѣл таватра“?

<sup>3)</sup> У русскихъ посаженные родители бываютъ только тогда, когда у молодыхъ не бываетъ въ живыхъ своихъ родителей, а у чувашъ они бываютъ непременно, и при жизни родителей. Называютъ ихъ „хѣйматлѣх“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — „аталѣх“.

медомъ. Этотъ говоритъ ему: „нѣтъ, свать, этотъ ковшъ къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ“. Если онъ не догадается этого сказать, то въ наказаніе заставляють его выпить пиво до дна. Тогда невѣстникъ отецъ самъ сначала отвѣдаетъ пива, здоровствуясь съ начальникомъ, и потомъ подноситъ ему. Когда невѣстникъ отецъ пьетъ пиво, начальникъ дѣлаетъ ему земной поклонъ. Послѣ этой церемоніи эти гости усаживаются за столъ. Между тѣмъ остальные поѣзжане все еще стоятъ у крыльца, не слѣзая съ лошадей. Невѣстникъ отецъ выходитъ опять туда съ пивомъ и спрашиваетъ: „на коняхъ-ли пріѣхали, или пѣшкомъ пришли?“ Церемоніймейстеръ отвѣчаетъ: „на коняхъ мы пріѣхали: пѣшкомъ насъ не отпускайте отсюда, на коняхъ проводите“. Въ этихъ словахъ намекается на то, чтобы отецъ не отпустилъ своей дочери безъ приданого коня. Церемоніймейстеру подносится пиво въ новомъ ковшѣ, которымъ отецъ благословлялъ невѣсту. Пиво онъ выпиваетъ, а ковшъ вручаетъ „уртаксѣ“, который прячетъ его въ сумку. Послѣ этого церемоніймейстеръ говоритъ хозяину: „саламаликъ! привѣтствіе вамъ! пьете-ли, ѣдите-ли? веселитесь-ли, смѣетесь-ли? вы насъ ждете-ли?“—Ие саламалик, тав сире! ѳсетре, сийетре? выцатра, кулатра? еспир пире кѣтетре? Тотъ отвѣчаетъ: „наше жданье—вотъ въ этомъ“—=пирѣи кѣтнн—савѣ, т. е. чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Церемоніймейстеръ говоритъ: „тав—та пулин тавах, тата та пулин тавах“—благодаримъ васъ, благодаримъ, еще и еще благодаримъ. Послѣ этого со всѣми верховыми поѣзжанами онъ дѣлаетъ кругъ на дворѣ, опять подъѣзжаетъ къ крыльцу и повторяетъ тотъ же вопросъ и отвѣтъ. Это продѣлывается до трехъ разъ, а невѣстникъ отецъ все еще стоитъ на крыльцѣ съ пивомъ. Подъѣхавъ къ крыльцу въ третій разъ, церемоніймейстеръ произноситъ очень длинную рѣчь (такмак), въ которой въ пышныхъ поэтическихъ выраженіяхъ восхваляются богатство и добродѣтели хозяина и спрашивается у него позволеніе для свадебной свиты повеселиться въ его домѣ. Рѣчь эта въ разныхъ мѣстахъ употребляется съ разными вариациями и важна для

этнографа и историографа для характеристики чувашской поэзии и въ томъ отношеніи, что въ ней имѣются нѣкоторыя данныя, могущія пролить свѣтъ на историческое прошлое чувашскаго народа. Вотъ одинъ образчикъ такой рѣчи, записанной въ деревнѣ Три-Избы—Шемуршѣ.

«Семь дней (прошло съ тѣхъ поръ), какъ задумали выѣхать и три дня—какъ мы выѣхали. Коши наши оказались топкими, дороги оказались грязными: не успѣли мы ко времени, не осудите вы насъ, съ повинной головой стоимъ мы передъ вами (всѣ кланяются). Шестидесять верстъ ѣхали мы по дремучимъ лѣсамъ, семьдесятъ верстъ—по дикимъ степямъ. Проѣзжая шестидесять верстъ дремучимъ лѣсомъ, мы встрѣтили одного оленя: концы его роговъ золотые, а концы копытъ—серебряные; рогами царапаетъ—слѣдъ проложить, копытами ступить—дорогу проложить. Этой дорогой ѣхали мы. Это—поѣзжане мои: не осуждаете ли вы насъ? ждете ли насъ? рады-ли намъ? Встрѣчающій отвѣчаетъ: «ждемъ мы, рады мы вамъ». Тотъ опять продолжаетъ: «Проѣзжая семьдесятъ верстъ дикими степями, встрѣтили мы крылатаго армагака: голова его (чуть) неба не касается, ноги его земли не касаются; идетъ-ли, бѣжитъ-ли—и не примѣтно: течетъ, какъ вода, летитъ, какъ вѣтеръ. На этомъ армагакѣ верхомъ пріѣхали мы на эту свадьбу. Среди дикой степи—круглое озеро, по серединѣ озера—золотой столбъ, на золотомъ столбѣ—птица орелъ: ноги его мѣдныя, крылья серебряныя, клювъ золотой; ногами топаетъ, крыльями хлопаетъ, клювомъ наигрываетъ: подъ эту игру мы и пріѣхали сюда. Когда мы подѣзжали по этой дорогѣ, деревня этихъ сватовъ нашихъ показалась намъ съ цѣлымъ городомъ, выѣхали въ улицу—улица показалась съ цѣлымъ селомъ, подѣзжали къ дому—домъ показался съ конторою<sup>1)</sup>: ворота о четырехъ столбахъ съ тремя растворами, крыша желѣзная, ворота стеклянныя, петли мѣдныя, скобки серебряныя; эти ворота въ вѣтреную погоду стучать, въ солнечную погоду блестать. Нашъ свать, растворивши ворота, ждетъ насъ съ великимъ радушіемъ. Когда выѣдешь въ ворота—дворъ у нашего свата очень великъ: ширина его тридцать шаговъ, длина шестидесять шаговъ, на шестидесяти шагахъ шестидесять столбовъ, на каждомъ столбѣ шестидесять колець, изъ шестидесяти колець не уступить ли намъ свать одно кольцо, чтобы привязать намъ лошадей для отдыха: не я прошу, женихъ просить. Даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевельникъ (?) для отдыха. У свата нашего посреди двора шестисаженный домъ стоитъ: снаружы посмотришь—8 угловъ, внутрь войдешь—4 угла; изъ 4 угловъ не уступить ли нашъ хозяинъ нашимъ поѣзжанамъ хоть одинъ уголъ войти и постоять (Свать отвѣчаетъ: «съ нашей стороны нѣтъ запрета»). Внутри этого дома 99 половицъ и 88 лавокъ; изъ 99 половицъ не уступить ли намъ хоть одну,

<sup>1)</sup> Конторой чувашаи называютъ волостное правленіе.

чтобы по древнему обычаю поплясать и повеселиться намъ? Не я это говорю, а женихъ говоритъ; не только мы играемъ, даже и въ степи по Божьему повелѣнію зарница играетъ. Изъ 88 лавокъ хоть одна лавка не будетъ-ли уступлена нашимъ поѣзжанамъ посидѣть, отдохнуть. Не я прошу, женихъ проситъ: не только мы, даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевеликъ для отдыха. Въ шестисаженномъ домѣ стоитъ у свата столъ на шести ножкахъ; на одномъ концѣ этого стола стоитъ душистый медъ, на другомъ концѣ—сладкая сыта, между душистымъ медомъ и сладкой сытой стоитъ золотое блюдо, на золотомъ блюдѣ блестящій кубокъ такъ и играетъ: не будетъ ли позволено и намъ поиграть и повеселиться, подобно этому кубку? Нашъ свать къ пріѣзду этого свадебнаго поѣзда сварилъ, говорятъ, пиво, варилъ его, говорятъ, въ семь пріемовъ каждый разъ изъ семи батмановъ (солода). Въ погребѣ имѣется запечатанная бочка, бочка эта, говорятъ, съ сорока обручами и двумя желейками: изъ одной желейки течетъ душистый медъ, изъ другой—сладкая сыта. Выпьешь душистаго меда—пьянъ будешь, выпьешь сладкой сыты—сладкія рѣчи начнешь говорить. Къ этому пиршеству приготовлены кушанья: былъ у него семилѣтній быкъ, въ продолженіе семи лѣтъ и семь разъ не былъ онъ въ стадѣ, въ этомъ году закололи его къ свадебному столу въ честь нашего молодца. Для второго блюда у него имѣлся пятилѣтній черныи баранъ, въ продолженіе пяти лѣтъ онъ и пять разъ не былъ въ стадѣ, онъ бодался и головой и задомъ, а нынѣ закололи этого барана въ честь свадьбы нашего молодца. Для третьяго блюда имѣлся у него трехлѣтній пырень, въ продолженіе трехъ лѣтъ и три раза не слеталъ на землю, все ходилъ и леталъ онъ раскрывшись по коньку на строснѣи, а въ нынѣшнемъ году по Божьему опредѣленью этого пырена сшибло съ крыши бурей, свать закололъ и приготовилъ его къ свадебному столу. Къ тому времени, когда гости наѣдятся и напьются, имѣется у свата наготовѣ фруктовъ садъ, а въ томъ саду стоитъ баня, выстроена та баня изъ можжевелика (?), крыша желѣзная, полки хрустальныя, каменка коралловая, паръ сладокъ, какъ сыта, вѣнникъ изъ шелку, корыто мѣдное, ковшъ серебряный. Свать нашъ хочетъ, говорятъ, весь нашъ поѣздъ вымыть въ этой банѣ. Къ выходу изъ бани у свата нашего приготовлено угощеніе. Есть у него трехведерный самоваръ, стоитъ и шинить, какъ 12-тиголовая змѣя. Вокругъ самовара стоятъ 12 паръ чашекъ, наполненныхъ чаемъ, приготовлено это для угощенія нашихъ поѣзжанъ. Нашъ свать, оказывается, очень добродушенъ: у крыльца его стоитъ на привязи волотогривый, серебрянокопытый сѣро-яблочный конь, приготовленъ онъ для того, чтобы послать нарочнаго звать тѣхъ, которые не пріѣхали на свадьбу.

Довольно-ли съ тебя, сватушка? Больше этого нѣтъ у меня словъ, больше тебя нѣтъ для насъ милѣе человѣка. Если не достаточно, восполните, если лишнее, не осудите. Привѣтъ тебѣ, сватушка, кланяюсь тебѣ (кланяются). Поклонную (повинную) голову мечъ не сѣчегъ, мое слово вась не проймаетъ. Привѣтъ тебѣ и поклонъ! (кланяется)<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Чувашскій текстъ этой рѣчи см. въ концѣ, приложение № 1.

Послѣ этихъ церемоній поѣздане слѣзаютъ съ лошадей и входятъ въ избу. Начинается угощеніе <sup>1)</sup>. Сначала совершается молитва. Всѣ встаютъ на ноги и обирачиваются къ двери, которая немножко приотворяется. Начальникъ поѣзда держитъ на блюдѣ жаренаго, цѣльнаго гуся, невѣстипъ отецъ—ковшъ съ пивомъ, мать—хлѣбъ. Одинъ изъ присутствующихъ говоритъ молитву: „На небѣ—Богъ, на землѣ—Царь; благодаримъ, кланяемся: дай (молодымъ) доброе здорье и всякое благополучіе; дай этимъ сватьямъ вѣкъ дѣлиться другъ съ другомъ хлѣбомъ—солью, чтобы пить имъ горькое, говорить сладко. У гусей ( у каждой гусыни) чтобы было по 12-ти гусатъ, по одному—для ястреба, по 11-ти—для хозиевъ, для угощенія родныхъ, сосѣдей и односельчанъ“. По окончаніи молитвы хозяинъ подходитъ къ двери и дѣлаетъ земной поклонъ. Потомъ, подошедши къ столу, онъ предлагаетъ начальнику поѣзда разломить гуся. Тотъ, послѣ предварительнаго торжественнаго омовенія рукъ предъ всѣми гостями, разламываетъ гуся на части, но непременно на нечетное число частей. Невѣстинъ отецъ говоритъ ему: „почему это ты разломилъ на нечетное число частей“? Тотъ отвѣчаетъ: „человѣкъ сначала рождается *одинъ* (въ нечетномъ числѣ), потомъ дается ему отъ Бога подруга (*для пары*)“ <sup>2)</sup>. Если онъ не смеетъ связать это, то свать дергаетъ его за ухо. Въ такомъ случаѣ начальникъ для восстановленія своего колебленнаго престижа говоритъ свату; „свать! безъ того не бываетъ, чтобы добрый конь не спотыкнулся, чтобы и добрый человѣкъ не ошибся“ <sup>3)</sup>. Послѣ этого начинается угощеніе и

<sup>1)</sup> Въ Ядрин. и Козмодем. уѣздахъ предъ началомъ угощенія „кѣсѣн-кѣрѣ“ на дворѣ дѣлаетъ выстрѣлъ изъ лука. См. Каз. Губ. В. 1868, № 88.

<sup>2)</sup> „Турă малтан сынна *хйраххйн* суратай, унтан йна мйшйр парай.

<sup>3)</sup> „Хйта! ырй ут тахймасйр пулмѣ, ырй сын ййнйш-масйр пулмѣ“.



веселіе. Пока гости угощаются и веселятся, уртакѣ не забываетъ своей обязанности: онъ вынимаетъ изъ сумки сѣстные припасы, взятые изъ дому жениха, и на мѣсто ихъ кладетъ новые со стола неvěстина отца, но только въ бѣльшемъ количествѣ, чѣмъ было взято изъ дома жениха, чтобы у молодыхъ все болѣе и болѣе приумножалось изобиліе плодовъ земныхъ.

Все, описанное здѣсь, относится къ свадьбѣ жениха. Невѣста съ своей свитой въ это время справляетъ свою свадьбу самостоятельно.

*Свадьба неvěсты.* Свадьба неvěсты начинается одновременно со свадьбой жениха. Когда соберутся въ домъ неvěсты родственники и друзья ея (дѣвушки, ея подруги), неvěсту ведутъ въ амбаръ одѣвать. Въ избѣ остаются только ея родители и пожилые гости. Одѣвшись въ лучшее платье и украшенія, она сверху покрывается бѣлымъ покрываломъ съ расшитыми краями (пѣркенѣк) такъ, что оставляетъ только небольшое отверстіе предъ глазами. Тогда начинаютъ учить ее прощальнымъ причитаніямъ (йѣртме). Собственно, каждая дѣвушка знаетъ эти причитанія съ дѣтскаго же возраста, но въ данную минуту она не можетъ сразу начать отчасти вслѣдствіе стѣсненія, отчасти—вслѣдствіе волненія въ виду приближающейся разлуки съ родительскимъ домомъ. Одна изъ женщинъ садится рядомъ съ неvěстой подъ ея покрываломъ и начинаетъ причитаніе. Скрипачъ въ одинъ тонъ съ нею начинаетъ наигрывать то же самое на скрипкѣ. Потомъ женщина отстаетъ, а неvěста пристаетъ къ скрипачу, сначала тихо и робко, потомъ громче и смѣлѣе. Скрипачъ отстаетъ и неvěста причитаетъ одна. Сначала она поминаетъ своихъ односельчанъ, болѣе извѣстныхъ или по своему богатству, или скромностью и усердіемъ къ труду, или многоцадіемъ, а потомъ—присутствующихъ тутъ зрителей. Затѣмъ неvěсту ведутъ въ избу. Родители въ ожиданіи ея сидятъ у края стола съ ковшомъ пива въ рукахъ. Дочь подходитъ къ нимъ и становится предъ ними на колѣни. Родители благослов-

ляють <sup>1)</sup> ее приблизительно съ такими же словами, съ какими благословляли жениха его родители. Дочь съ непритворными слезами говоритъ имъ: „я, видно, стала вамъ лишняя“ <sup>2)</sup>. Тѣ отвѣчаютъ: „дитятко паше! не нами установленъ обычай этотъ, а изстари, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ идетъ этотъ порядокъ“ <sup>3)</sup>. Затѣмъ, здравствуясь съ дочерью, пьютъ пиво, сначала сами, а потомъ подносятъ дочери. При этомъ отецъ даетъ ей немного денегъ со словами: „дитятко! денегъ много не даю тебѣ, а даю большое благословеніе: да подастъ тебѣ много Богъ“ <sup>4)</sup>. Послѣ этого дочь съ друзьями садится на нарахъ предъ печкою (тѣпелте) и начинаетъ причитывать, поминая родителей, родственниковъ, друзей и односельчанъ своихъ въ римованныхъ стихахъ <sup>5)</sup>. Причитываетъ она съ небольшими паузами во все время свадьбы, такъ что къ концу свадьбы совсѣмъ почти лишается голоса. Каждому, или каждой, кого она поминаетъ, подносится при этомъ ковшъ пива. Тѣ выпьютъ пиво и кладутъ въ ковшъ (хотя не всѣ) небольшую монету денегъ для невесты. Когда гости угостятся и повеселятся немного въ домѣ невесты, поѣздъ отправляется по ея роднымъ, сначала въ своей деревнѣ, а потомъ и въ другія деревни. Во всѣхъ домахъ въ качествѣ обязательнаго блюда подается похлебка (шурпе) съ яйцами, для того, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Изъ должностныхъ лицъ въ свитѣ невесты бываетъ только началь-

<sup>1)</sup> Нужно замѣтить, что при благословеніи какъ жениха, такъ и невесты, хотя-бы они были и христіане, не употребляется ни иконъ, ни крестнаго знамени.

<sup>2)</sup> „Епѣ сиртен ыглаши пультѣмъ пулѣ“.

<sup>3)</sup> „Ей аѣам! пиртен тухнѣ ййла мар, авалтан ваттисем кѣларнѣ йѣрке-ше“.

<sup>4)</sup> „Аѣам! саиа укѣа нумай памастѣп, ппллѣх нумай паратѣп; Турѣ сала нумай патѣр.“

<sup>5)</sup> Одинъ образецъ такой пѣсни или причитанія, записанной въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. г., см. прилож. № 2 (чувашскій текстъ) и № 3 (русскій переводъ).

ипкѣ поѣзда, который руководитъ и надзираетъ за свитой и, кромѣ того, носить подушку, на которой сидитъ невѣста. Ѣздитъ невѣста съ дружкой въ кибиткѣ на тройкѣ, но не сидитъ, а стоя, прислонившись къ верху кибитки<sup>1)</sup>. Съ начала свадьбы до конца невѣста не дѣлаетъ ни шагу пѣшкомъ: изъ избы до кибитки и обратно вездѣ носить ее кто-нибудь изъ мужчинъ ея свиты.

Обѣхавъ всѣхъ своихъ родственниковъ, вечеромъ слѣдующаго дня невѣста со свитой возвращается въ свою деревню и останавливается у кого-нибудь изъ родныхъ. Въ это время женихъ со своей свитой сидитъ уже въ домѣ невѣсты. Дружки невѣсты отправляются туда „дразнить“ жениха. Дѣлается это такимъ образомъ. Одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ ведро пива, а хозяйка того дома, гдѣ остановилась невѣста, беретъ хлѣбъ на блюдо, на хлѣбъ кладется сыръ, сверхъ хлѣба и сыра—рубаша, предназначенная жениху, и невѣстинъ сурбанъ съ платкомъ. Начинается процессія: впереди идетъ человекъ съ ведромъ, за нимъ—хозяйка съ блюдомъ, а за ними уже—дружки. Вышедши на средину двора, человекъ съ пивомъ ставитъ ведро на землю, а самъ становится около него на одно колѣно, а дружки въ предшествіи женщины съ блюдомъ три раза обходятъ его (по солнцу) съ пѣснями, хлопая въ ладоши и приплясывая. То же самое продѣлывается у воротъ того дома и на дворѣ невѣсти-на отца. Вошедши въ избу, ведро и блюдо ставятъ на столъ предъ женихомъ. Дружки, хлопая въ ладоши, начинаютъ пѣть предъ нимъ пѣсни римованными стихами, всячески унижая жениха и восхваляя невѣсту<sup>2)</sup>. Потомъ уходятъ всѣ къ невѣстѣ. Немного погодя опять приходятъ такимъ же образомъ и дразнятъ жениха. Это дѣлается до трехъ разъ. Вернувшись

<sup>1)</sup> Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губ. невѣста ѣздитъ верхомъ на лошади въ сѣдлѣ.

<sup>2)</sup> Образчикъ такой пѣсни, записанной въ деревнѣ Три-Избы-Шемуршѣ, Симб. г., см. прилож. №№ 4 и 5.

къ невѣстѣ въ послѣдній разъ, дружки начинаютъ одѣвать невѣсту „бабой“. Спилаютъ съ нея всѣ принадлежности дѣвичьяго туалета и надѣваютъ на нее сурбанъ и хушпу вмѣсто тухи. Съ этого времени она уже становится женой, бабой, а до этого времени она считалась еще дѣвушкой, хотя-бы даже христіанское бракосочетаніе было совершенно надъ ней съ подѣлю тому назадъ или совершится много времени спустя послѣ свадьбы, какъ это бываетъ при „краденыхъ свадьбахъ“. Тогда всзутъ *молодую* въ кибиткѣ въ домъ отца. По приѣздѣ туда кибитка останавливается у крыльца. Молодой (уже не женихъ) съ своей свитой выходитъ встрѣчать свою жену. Дружки молодой, стоя въ кибиткѣ, поютъ пѣсни и требуютъ себѣ отъ молодого денегъ, „выкупа“ за невѣсту, приговаривая, что меньше сорока копѣекъ онѣ не примутъ, такъ какъ „хѣр сумѣ укѣи хѣрѣх пус“ = плата дружкамъ—сорокъ копѣекъ. Молодой парочно ломается и предлагаетъ меньше, напр. 5 коп. Тогда дружки, крайне обидѣвшись такою скупостью молодого, моментально поворачиваютъ оглобли назадъ и уѣзжаютъ съ молодой вонъ со двора. Вернувшись черезъ нѣсколько времени, онѣ опять начинаютъ требовать отъ молодого выкупа. Тотъ предлагаетъ уже немного больше, но опять не 40 коп. Опять дружки увозятъ молодую. И такъ—до трехъ разъ. Въ третій разъ, опять немного поломавшись, молодой соглашается и отдаетъ требуемый выкупъ. Тогда дружки допускаютъ его къ кибиткѣ. Молодой подходитъ къ своей женѣ и три раза цѣлуется съ ней подъ ея покрываломъ. Подъ покрываломъ же они три раза обмѣниваются кольцами. Потомъ, взявши другъ дружку за руки, они направляются въ избу. При этомъ строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь въ сутоловѣ печаяппо не очутился между ними, что служить нехорошимъ предзнаменованіемъ. Въ сѣняхъ молодые останавливаются. Здѣсь ждетъ ихъ церемоніймейстеръ съ пивомъ. Молодой беретъ ковшъ пива и пьетъ, поздоровавшись съ женою, но непременно называя ее по имени. То же самое дѣлаетъ потомъ и молодая. Собственно, эта церемонія и дѣлается только для того,

чтобы молодые привыкли звать другъ дружку по имени. Если здѣсь не осмѣлятся они назвать другъ дружку по имени, то, значитъ, всю жизнь не будутъ они называть другъ дружку по имени и жизнь ихъ будетъ нехорошая. Но молодые въ данный моментъ крайне стѣсняются и долго не рѣшаются назвать имя супруга или супруги, особенно это трудно для молодой. Только послѣ долгихъ и усиленныхъ наставлений она рѣшается назвать имя супруга. Встарину, говорятъ, дѣлалось даже такъ, что въ случаѣ, если молодая не будетъ называть по имени, мужъ уводилъ ее въ лѣсъ, заводилъ въ чащу и самъ быстро и незамѣтно убѣгалъ въ сторону и скрывался. Жена, натерпѣвшись страху, начинала умолять мужа откликнуться, но тотъ откликался только тогда, когда она назоветъ его по имени. Теперь дѣло до этого уже не доходитъ. Продѣлавъ эту церемонію, молодые входятъ въ избу, къ столу, гдѣ родители того и другой сидятъ съ пивомъ въ рукахъ, и становятся предъ ними на колѣни. Родители даютъ имъ благословеніе и наставленіе. Послѣ этого молодой садится за столъ въ передній уголъ, а молодая тоже за столъ, но предъ печкой, съ женщинами. Начинается шумное веселье. Дружки молодой пляшутъ и дразнятъ гостей жениха, приговаривая, что онѣ не отдадутъ и не уступятъ имъ своей подружки, а эти говорятъ, что „сколько-де вы не пѣтушитесь, а всетаки мы увеземъ вашу подружку“. Свита молодой и молодого стараются перещеголять и превзойти другъ дружку въ удалствѣ, въ пѣсняхъ и пляскахъ. Скрипачи съ той и другой стороны также вступаютъ въ споръ. Сиди рядомъ, они изо всей мочи пиятъ каждый на своей скрипкѣ, стараясь перещеголять другъ предъ другомъ. Часто пускаются даже на хитрости и на нечестныя средства. Лицо, нарочно подговоренное которымънибудь изъ скрипачей, беретъ у другого скрипача скрипку, яко-бы посмотреть, поворачиваетъ ее на рукахъ и нахваливаетъ, а самъ въ это время незамѣтно смажетъ скрипку саломъ. Послѣ того она начинаетъ уже издавать глухіе звуки. Иногда прибѣгаютъ даже для порчи скрипки къ помощи осо-

быхъ колдунѡвъ (асамсѡсем, зрѡмсѡсем). Къ утру выводятъ молодого въ амбаръ, гдѣ молодымъ собственноручно надѣваетъ на него рубаху своей работы, въ присутствіи зрягелей. Когда молодые входятъ въ избу, всѣмъ гостямъ подается горячее кушанье (йашка). Послѣ этого кушанья родители молодого отправляются домой, чтобы приготовиться тамъ ко встрѣчѣ повообрачныхъ. Остальная свита молодого тоже начинаетъ готовиться къ отъѣзду. Начальникъ поѣзда нагружаетъ на телегу приданое, при чемъ даетъ за него друзьямъ выкупъ. Затѣмъ молодой со всей своей свитой выжидаетъ и останавливается въ ожиданіи жены за околицей деревни, а если невѣста одной съ нимъ деревни, то—на улицѣ у двора невѣсты. Молодая между тѣмъ прощается дома съ своими {подругами и родными и потомъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, тоже выѣзжаетъ туда же въ кибиткѣ подъ покрываломъ. Прибывши туда, она въ кибиткѣ три раза объѣзжаетъ поѣздъ мужа. Затѣмъ мужъ со своимъ поѣздомъ три раза объѣзжаетъ кибитку жены и въ послѣдній разъ, остановившись около нея и распахнувъ ея покрывало, зорко смотритъ ей въ лицо, а потомъ трижды довольно плотно ударяетъ ее нагайкою. Это есть символическое дѣйствіе, выражающее ту мысль, что мужъ будетъ глядѣть въ глаза своей жены, т. е. любить ее, но за непослушаніе будетъ взыскивать съ нея строго, какъ ея господня и повелитель; кромѣ того, чтобы она забыла свою родину и привякла къ его. Послѣ этой церемоніи нареченный отецъ молодыхъ (хѡйматлѡх) беретъ молодую и сажаетъ въ свою кибитку, и свита молодого ѣдетъ въ его деревню, а невѣстина свита возвращается домой.

Въ Казанской губ. передача или выводъ молодой дѣлается въ ея же домѣ: невѣста стоитъ за занавѣсью, начальникъ женихова поѣзда начинаетъ пробираться за занавѣсь къ невѣстѣ, окруженной подругами, но послѣднія пытаются не выдавать ея. Начальникъ, схвативъ которую-либо изъ нихъ, выводитъ на середину избы и начинаетъ съ ней плясать; во вре-

мя паюса кидается снова къ невѣстѣ и, выхвативъ ее, передаетъ въ руки „хыйматлыха“. Послѣдній беретъ невѣсту въ охапку, скорѣе сажаетъ ее въ сѣдло на лошади и поѣздъ жениха тотчасъ же трогается въ путь. За околицей тоже производится церемонія „проучиванія“ молодой пагайкой<sup>1)</sup>).

Приѣхавъ въ домъ молодого, кибитка „хыйматлыха“ съ молодой останавливается у крыльца. Молодой подводитъ къ кибиткѣ обратанную лошадь. Онъ беретъ полой кафтана поводъ лошади и передаетъ молодой, эта принимаетъ его черезъ полу покрывала, стоя въ кибиткѣ. Такимъ образомъ они до трехъ разъ передаютъ другъ другу поводъ лошади. Потомъ молодой поворачиваетъ лошадь по солнцу, бросаетъ поводъ ей на спину и съ кѣмъ нибудь отсылаетъ ее въ конюшню. Обрядъ этотъ называется „тайанъѣк тыттарни“ и служитъ символическимъ указаніемъ на то, что съ этого времени имущество новобрачныхъ становится ихъ общей собственностью<sup>2)</sup>). Затѣмъ одна дѣвушка, сестра или родственница новобрачнаго, вскакиваетъ въ кибитку и три раза чуть-чуть приподнимаетъ правую ногу молодой. Это дѣлается, по словамъ Доброхотова, для того, чтобы хорошо родились у новобрачной лень и конопель<sup>3)</sup>). Обрядъ этотъ носитъ названіе „ѡран тѡпѡлтарни“. Послѣ этого молодую вносятъ въ избу и сажаютъ на нары передъ печкой (тѣпеле). Сидитъ она здѣсь молча, безъ причитаній. Дѣвушки начинаютъ варить салму<sup>4)</sup>). Когда салма сварится, ее ставятъ въ блюдо на столъ. Между тѣмъ ново-

1) См. у Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

2) Въ Ядрин. у. до совершенія этого обряда, какъ только кибитка подъѣдетъ къ крыльцу, молодой, какъ рассказывали мнѣ чувашини, дѣлаетъ *выстрѣлъ* изъ ружья надъ головой своей жены.

3) Магнитскій, Матеріалы къ объясн. стар. чув. вѣрн., стр. 212.

4) Салма—національное кушанье чувашъ и татаръ. Это—галушки изъ муки, варятся въ водѣ съ приправами.

брачные ставятся предъ печкой. Молодая, все еще находящаяся подъ покрываломъ, дѣлаетъ печкѣ пзкій поклонъ, привѣтствуя въ ней будущее поприще главнѣйшихъ своихъ занятій. Затѣмъ начинается церемоніаль снятія съ молодой покрывала. Одинъ мальчикъ, братъ или родственникъ новобрачнаго <sup>1)</sup>, беретъ въ руки яблоновую трехъ—зубчатую палочку <sup>2)</sup> съ салмишкой (галушкой) на каждомъ сучекѣ, и съ пею при музыкѣ, при единоголасномъ всѣхъ гостей гайканьѣ и хлопаньѣ въ ладоши, подходитъ къ молодой и дотрогивается этой палочкой до ея покрывала, приговаривая: „невѣстка! хочешь-ли салмы? ты поѣла-бы, да я не дамъ!“ <sup>3)</sup> Повторяется эта церемонія въ другой разъ; наконецъ, въ третій разъ, зацѣпивъ покрывало палочкой, стаскиваетъ его съ молодой и уходитъ съ нимъ въ амбаръ. Оттуда приносятъ опъ горсть муки и посыпаетъ ею новобрачныхъ, говоря: „живите до тѣхъ поръ, пока не будете бѣлы (сѣдые), какъ эта мука“ <sup>4)</sup>. Тогда новобрачныхъ сажать за столъ и покрываютъ ихъ головы войлокомъ; каждый изъ гостей подходитъ къ столу, на которомъ стоитъ блюдо съ салмой, и, почерпнувъ полную ложку салмы, да чуть прихлебнувъ, бросаетъ остальное на головы новобрачныхъ <sup>5)</sup>. Этотъ довольно странный обычай существуетъ, вѣроятно, только въ Казан. губ. Въ Симбир. губ. намъ не приходилось слышать про этотъ обычай. Здѣсь молодые, стоя около печки,

<sup>1)</sup> „А не дружка, какъ говоритъ А. А. Фуксъ“, замѣчаетъ г. Сбоевъ (Изслѣд., стр. 36). Но дружкой жениха бывають у чувашъ и родственники, даже преимущественно, т. ч. это замѣчаніе г. Сбоева противъ г-жи Фуксъ—напрасное.

<sup>2)</sup> У А. А. Фуксъ эта вѣтка превратилась въ *палку-саженной* величныи (Зап. о чуваш., стр. 66).—Да такой палкой, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, пляшущій и бѣснующійся родственникъ новобрачнаго могъ и молодой, и многимъ изъ гостей выколоть глаза. Изслѣдованія..., стр. 36.

<sup>3)</sup> „Инке! салма сийетне? есѣ сийен те, епѣ памѣп“.

<sup>4)</sup> „Сак сѣнѣх пек шуралытѣен пурѣнѣр“.

<sup>5)</sup> Сбоевъ. Изслѣдованія..., стр. 37.



покрываются войлокомъ, когда ихъ посыпаютъ мукой.—Затѣмъ слѣдуетъ новая церемонія. На молодую падѣвають мужнину шапку и ведутъ ее за водой. Подошедъ къ рѣчкѣ или ключу, она кланяется (рѣчкѣ или ключу). Золовка ея (а если ея нѣтъ, то ближайшая родственница мужа), почерпнувши воды, ставитъ ведро на землю, а молодая, толкнувъ его ногою, проливаетъ воду. Въ другой и третій разъ—также. Наконецъ, въ четвертый разъ она уже не проливаетъ, а беретъ ведро и несетъ его въ домъ мужа<sup>1)</sup>. Это—первая работа ея въ домѣ мужа. Часть принесенной воды идетъ на варку „йашки“, а часть—на угощеніе гостей. Пока варится йашка и пока другую часть воды подносятъ гостямъ, молодая стоитъ около печки, присѣдая на одномъ колѣнѣ и приставивъ ладонь къ рукѣ. Въ это время свекоръ и свекровь ея сидятъ за столомъ съ ковшомъ пива и, благословляя сноху, говорятъ: „невѣстуха наша! пусть будетъ на тебѣ благословеніе наше! будьте, дѣти наши, хозяевами этого дома“!<sup>2)</sup> Всѣ присутствующіе тоже спѣшаютъ высказать ей свои благожеланія, чтобы Господь благословилъ ихъ (молодыхъ) лошадьми, коровами, овцами, курами, гусями и т. д. Послѣ этого молодыхъ отводятъ въ амбаръ на брачное ложе (хѣве хупащѣ) и, продѣлавъ тамъ еще кое-какія церемоніи, оставляютъ ихъ однихъ. Пробывъ тамъ нѣсколько часовъ (а если ихъ отвели къ брачному ложу

<sup>1)</sup> Эта церемонія въ различныхъ мѣстахъ дѣлается различно. Мѣстами молодая проливаетъ воду *три* раза, а мѣстами—только *два* раза. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *золовка черпаетъ* воду, а молодая проливаетъ, а въ другихъ мѣстахъ—наоборотъ: *молодая черпаетъ*, а золовка проливаетъ. Не зная объ этой разницѣ, г. Сбоевъ (Ислѣд., стр. 37) дѣлаетъ слѣдующее, въ данномъ случаѣ несправедливое замѣчаніе: „У А. А. Фужъ все это рассказано превратно. Гдѣ у нея стоитъ: *молодая*, тамъ читай *золовка*, а гдѣ—*золовка*, тамъ читай *молодая*“.

<sup>2)</sup> „Ей кинѣмѣр! пехли сана: сак бил хушн пулѣр, азмѣрсем“!

вечеромъ, то до утра), молодые выходятъ изъ амбара и идутъ къ гостямъ. „Ежели невѣста сохранина, то пьютъ и веселятся весьма много; буде же не сохранина, то дружка, взявши чарку, проверчивасть на оной дыру, и зажавши оную пальцомъ изъ оной гостямъ подпосить: тогда питье, кто оное изъ гостей приметъ, изъ той чарки потечетъ на полъ, и тѣмъ приключившемуся несчастію каждому явно бываетъ. Невѣстѣ при томъ такъ стыдно бываетъ, что она потомъ гостямъ и глазъ своихъ не кажетъ; однакожъ мужъ за то ей ни чего не дѣлаетъ, по сносить равнодушно“ <sup>1)</sup>). Обычай этотъ мѣстами сохранился у чувашъ, кажется, и до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ на существованіе его среди чувашъ Казан. губ. указываетъ г. Магнитскій. Молодая несетъ съ собой подарки и одѣляетъ ими родителей своего мужа и его родственниковъ. Этимъ мы оканчиваемъ описаніе свадебнаго ритуала чувашъ. Пирушки продолжаются еще нѣсколько дней. Молодые дѣлаютъ визиты родственникамъ, а равно и сватья мѣняются взаимно визитами.

„Краденыя свадьбы“. Скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „краденыхъ свадьбахъ“ или о бракахъ, устроаемыхъ черезъ похищеніе невѣсты. Обычай устраивать браки черезъ насильственное умыканіе невѣсты не есть исключительно чувашскій обычай, но присущъ многимъ и другимъ народамъ, находящимся на болѣе или менѣе низкомъ уровнѣ культуры. Сохранились историческія свидѣтельства о существованіи этого обычая у грековъ, римлянъ, германцевъ, кельтовъ, славянъ <sup>2)</sup>). Обычай этотъ существуетъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и до настоящаго времени, напр.

<sup>1)</sup> Миллеръ. Описан. живущ. въ Каз. губ. языч. нар., стр. 77. На существованіе у чувашъ этого обычая указываетъ и Георги. См. его кн. „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“. Спб. 1799 г., ч. I, стр. 37—38.

<sup>2)</sup> И. Ст. Бердниковъ. Форма заключ. брака у европ. нар. Казань, 1887, стр. 6.

у черногорцевъ и болгаръ <sup>1)</sup>). Съ развитіемъ у извѣстнаго народа и племени социальныхъ формъ жизни и умыканіе невѣсть получаетъ болѣе мирную форму, производится съ косвеннаго или прямого согласія невѣсть и родственниковъ и представляетъ собою скорѣе обрядъ, чѣмъ дѣйствительное похищеніе. Съ характеромъ обряда умычка невѣсть существуетъ и доселѣ въ Босніи, Герцоговинѣ, Болгаріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр. въ Тверской, Пермской, Архангельской, Енисейской губерніяхъ и у Селенгинскихъ бурятъ въ Забайкальской области <sup>2)</sup>). Съ такимъ же характеромъ *обряди* практикуется умыканіе невѣсть при „краденыхъ свадьбахъ“ у чувашъ. Выше мы видѣли, что женитьба „сурса“, т. е. по предварительному сговору сторонъ и съ соблюденіемъ полного брачнаго ритуала, стоитъ и жениховой, и невѣстиной сторонѣ громаднхъ расходовъ и хлопотъ, поэтому эта форма заключенія брака доступна только для зажиточныхъ чувашъ. А, между тѣмъ, каждому нужна въ домашнемъ быту помощница и подруга жизни. Что тутъ дѣлать? какъ пособить горю? Отвѣтъ простъ: *украсть* невѣсту, устроить бракъ черезъ похищеніе невѣсты. Такіе браки практикуются чувашами съ незапамятныхъ временъ. Къ нимъ прибѣгаютъ чувашаи не только по экономическимъ расчетамъ, но и по другимъ мотивамъ, и потому самая форма устройства „краденыхъ свадебъ“ неодинакова.

Въ большинствѣ случаевъ такіе браки совершаются у чувашъ черезъ *кражу невѣсты по ея согласію*. Женихъ, любовавъ дѣвушку, упрощиваетъ ее выйти за него замужъ и, въ видахъ уменьшенія калыма и пзбѣжанія большихъ свадебныхъ расходовъ, уговариваетъ ее позволить ему украсть ее. Получивши ея согласіе, онъ условливается съ ней, когда и гдѣ схватить и увезти ее. При этомъ невѣста вручаетъ ему, въ знакъ прочности даннаго ею слова, сурбанъ. Въ условлен-

<sup>1)</sup> Ibid.

<sup>2)</sup> Ibid, стр. 8 и 9; см. Кроль, Брачное право инор. селен. окр., стр. 3—4.

ное время женихъ впрягаетъ пару хорошихъ лошадей, беретъ двоихъ—троихъ молодцовъ и поджидаетъ невѣсту въ указанномъ мѣстѣ. Какъ только она явится, ее схватываютъ, кладутъ въ телѣгу, при чемъ невѣста нарочно, для виду, кричить благимъ матомъ и барахтается. Везутъ ее куда-нибудь непременно въ другую деревню къ родственникамъ или знакомымъ. Здѣсь въ амбарѣ наскоро совершается обрядъ одѣванія невѣсты и приученія ея причитаніямъ <sup>1)</sup>, потомъ вносятъ ее въ избу и пачинается ширшество, само собой разумѣется—далеко не такое шумное, какъ бываетъ при полной свадьбѣ. Невѣста дѣлаетъ причитанія. Женихъ и самъ присутствуетъ здѣсь. Побывъ здѣсь три—четыре часа, поѣздъ прямо отправляется въ домъ жениха и въ тотъ же день заканчивается свадьбу. Ни дружекъ и другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ хайматлыха (нареченнаго отца), ни торжественныхъ рѣчей здѣсь не бываетъ. Обряды: передачи повода ло-

<sup>1)</sup> Это дало поводъ о. Львову сдѣлать слѣдующее, по нашему убѣжденію, несправедливое замѣчаніе: „Изъ амбара выходятъ они (женихъ и невѣста) уже мужемъ и женою. Нѣтъ никакого обряда, нѣтъ ничего такого, что могло-бы служить знакомъ брачнаго соединенія мужа съ женою, кромѣ сонтія. Самый процессъ кражи невѣсты есть нѣчто священное для чувашъ, замѣняющее всю обрядовую сторону брака. Жена безъ стыда, съ спокойной совѣстію, возвращается домой и входитъ въ домъ родителей мужа на правахъ законной жены, а родители мужа такъ же спокойно принимаютъ ее въ домъ, представляя ей всѣ права молодой хозяйки» (Извѣст. по Каз. еп. 1898 г., № 10, стр. 407). Смѣемъ увѣрить о. Львова, что въ случаяхъ устроенія брака черезъ умыканіе невѣсты по ея согласію женихъ и невѣста никогда не позволяютъ себѣ вступить въ супружескія связи въ амбарѣ до совершенія свадебнаго ритуала, ни общественное мнѣніе чувашъ не одобритъ и не позволитъ имъ этого. Насильственное нарушеніе дѣвства невѣсты въ амбарѣ до свадьбы бываетъ, но только не въ этомъ случаѣ, а только тогда, когда устраивается краденая свадьба насильственной умычкой невѣсты, помимо ея согласія. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

шади съ рукъ на руки, подниманія ноги молодой, благословенія молодыхъ, снятія покрывала съ молодой, посыпанія мукой и хожденія на воду,—соблюдаются, хотя совершаются паскоро. По окончаніи свадьбы торжественно провожаютъ молодыхъ въ амбаръ на брачное ложе. На другой или на третій день заявляется отецъ невѣсты и пачинаетъ „журить“ дочь, иногда даже съ потасовкой, за то, что она осмѣлилась уйти безъ воли родителей. Дочь поплачетъ немного и говоритъ въ свое оправданіе, что ее увезли насильно, что-де она кричала и отбивалась, но никто не явился на помощь; въ концѣ прибавляетъ, что дѣло-де уже сдѣлано и назадъ къ отцу она уже не пойдетъ. Отецъ пачинаетъ ломаться, что-де онъ не отдастъ ей вещей и что-де они все-таки не обойдутся безъ его воли, такъ какъ онъ не выдастъ имъ обыска, т. е. предбрачныхъ свѣдѣній. Но дѣло кончается тѣмъ, что онъ тутъ же или спустя нѣсколько дней или недѣль сдается на извѣстныя условія, при чемъ количество калыма сильно понижается. Но часто случается такъ, что отецъ невѣсты напуститъ на себя амбицію и не ѣдетъ вслѣдъ за дочерью, все равно-де не обойдутся безъ него, сами-же пріѣдутъ и поклонятся. Въ такомъ случаѣ женихъ или отецъ его самъ ѣдетъ къ отцу невѣсты и вступаетъ въ переговоры относительно калыма. Пока идутъ эти переговоры, молодые продолжаютъ жить на полныхъ правахъ мужа и жены безъ церковнаго благословенія. Священникъ вызываетъ жениха или отца его на „проборку“, но получается одинъ отвѣтъ: рады-бы, батюшка, вѣнчаться, да отецъ (невѣсты) не даетъ обыска; вѣнчай безъ обыска, тогда и денегъ тебѣ дамъ больше положеннаго“. Но, конечно, едва-ли кто изъ священниковъ согласится на такое предложеніе, хотя въ недалекомъ прошломъ, когда чуваши боялись какъ огня князъ и сутяжничества, нерѣдко бывали случаи, когда священники за приличный гонораръ (отъ 15 до 40 руб.) вѣнчали „краденныя свадьбы“ и безъ согласія родителей невѣсты. Эти времена, кажется, уже миновали. Теперь священникъ волей—неволей вынужденъ бываетъ



отложить вѣнчаніе до тѣхъ поръ, пока сватья не придутъ къ соглашенію. Вслѣдствіе этого сплошь и рядомъ молодые живутъ безъ вѣнчанія по нѣскольку мѣсяцевъ, даже по нѣсколь-  
ку лѣтъ. Когда я поступалъ въ приходъ, въ моемъ приходѣ было 21 пара невѣнчанныхъ, изъ нихъ 6—7 паръ прожившихъ болѣе года безъ вѣнчанія; у троихъ были даже дѣти. Духовенство по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья борется съ этимъ непригляднымъ явленіемъ въ жизни чувашъ; но сила вѣковаго азыческаго обычая такъ велика, что чуваша никакъ не могутъ отвыкнуть отъ него. Тѣмъ болѣе, этотъ обычай имѣетъ тѣсную связь съ бытовыми обычаями чувашъ, основанными главнымъ образомъ на матеріальныхъ интересахъ.

Краденныя свадьбы устраиваются иногда не только съ согласія невѣсты, но и съ вѣдома ея родителей. Женихъ, любовавъ извѣстную дѣвушку, черезъ кого-нибудь наводитъ справку, согласны ея родители выдать за него дочь или нѣтъ. Если получится утвердительный отвѣтъ и если будущіе сватья не желаютъ входить въ излишніе расходы по свадьбѣ, то отцы жениха и невѣсты гдѣ нибудь наединѣ условливаются о „кражѣ“ невѣсты. Конечно, это дѣлается безъ вѣдома родственниковъ, иначе пришлось-бы устроить бракъ съ полной свадьбой. Затѣмъ, въ условленный день происходитъ фиктивное похищеніе невѣсты и свадьба вышеуказаннымъ порядкомъ. При чемъ, во время поимки невѣста тоже дается не безъ того, чтобы не покричать и не побарахтаться. На другой или на третій день отецъ ея заявляется яко бы съ претензіей, но тутъ же дѣло улаживается и завершается попойкой „до безсмертія“. Въ такихъ случаяхъ браковѣнчаніе не откладывается надолго. Только въ нѣкоторыхъ приходяхъ сами священники задерживаютъ вѣнчаніе, требуя съ отца жениха недодапную ругу и другія недомки, или требуя за самую свадьбу гонорара болѣе положеннаго, въ наказаніе-де за то, что молодые позволили себѣ вступить въ супружескія связи до вѣнчанія, что закономъ возбраняется.

Устраиваются у чувашъ иногда, хотя и рѣдко, браки черезъ дѣйствительное и *насилъственное похищеніе* невѣсты.

Употребивъ всѣ усилія уговорить облюбованную дѣвушку и безуспѣшно, женихъ рѣшается украсть ее насильно. Составляется планъ кражи. Узнавши чрезъ какую-нибудь пособницу—дѣвушку или женщину—о мѣстѣ и времени, гдѣ удобнѣе схватить невѣсту, женихъ въ указанномъ мѣстѣ подкарауливаетъ ее съ двумя—тремя молодцами. Какъ только она полагается, схватываютъ и тащатъ къ телѣгѣ. Какъ бы несчастная дѣвушка (наильно похищаютъ въ большинствѣ случаевъ дѣвушку сироту или дочь бѣдныхъ, смиренныхъ и робкихъ родителей) ни кричала и ни билась, все равно помощи ей ждать не откуда, потому что всякая украденная невѣста, по обычаю чувашъ, должна кричать и биться. Поэтому всякій, встрѣчающійся съ похитителями, не обращаетъ особеннаго вниманія на крикъ дѣвушки. Иногда, впрочемъ, въ видахъ предосторожности похитители накрываютъ ротъ дѣвушки подушкой до выѣзда изъ деревни, чтобы не слыхать было ея крика. Когда привезутъ дѣвушку въ какую-нибудь деревню къ родственнику или знакомому жениха, то запираютъ ее съ женихомъ въ амбаръ, и здѣсь уже совершается полнѣйшее насиліе надъ беззащитной дѣвушкой, чтобы вынудить у нея согласіе на бракъ. Бываютъ при этомъ и такіе случаи, что если самъ женихъ не изъ удалыхъ и если ему не удалось побороть дѣвушку въ амбарѣ, то онъ выпускаетъ вмѣсто себя одного болѣе удалаго изъ сопровождающихъ его молодцовъ. Такимъ-то образомъ вынуждаютъ у невѣсты согласіе на бракъ. Потомъ обычно совершается свадьба и, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, христіанское бракосочетаніе. Но бываетъ и такъ, что не могутъ вынудить у невѣсты согласія на бракъ. Въ то время, когда въ амбарѣ женихъ или подставленное имъ лицо старается совершить надъ ней насиліе, она такъ упицнеть его за ова, что тотъ съ визгомъ отъкакиваетъ отъ нея. Въ такомъ случаѣ везутъ ее въ какую-нибудь другую деревню и бросаютъ ее, измученную и обезспленную, на улицѣ. Жаловаться въ такихъ случаяхъ судебной власти не принято у чувашъ.

Теперь коснемся вопросовъ, имѣющихъ юридическій характеръ.

*Возрастъ.* Определеннаго возраста для вступленія въ бракъ у чувашъ не существуетъ. Чуваша (парни) вообще женятся въ самой ранней юности, тотчасъ какъ выйдутъ имъ положенныя для того закономъ лѣта. Чувашскія красоти, напротивъ, засиживаются въ дѣвкахъ очень долго, до 28 и 30 лѣтъ. Вотъ причина: каждая изъ нихъ съ 12-ти или 13-ти лѣтъ уже болѣе или менѣе порядочная помощница и работница въ домашнемъ хозяйствѣ и полевыхъ работахъ. Отецъ и не торопится выдавать дочь замужъ. По этой же причинѣ, кому нужно женить сына, старается найти для него невѣсту не молодую, а вполнѣ зрѣлую и способную къ работѣ. „До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невѣста, пятнадцатилѣтніе мальчики сплошь-да-рядомъ женились на тридцатилѣтнихъ дульдиняхъ <sup>1)</sup>... Богатые чуваша женили своихъ сыновей пяти или шести лѣтъ“ <sup>2)</sup>. По словамъ Лепехина, чуваша въ такихъ раннихъ лѣтахъ собственно *не женили* своихъ сыновей, а только совершали *помолвку*. „Случается у нихъ, — пишетъ онъ, — что обрученіе или помолвка бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей. Когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтныя дѣти и лѣтами и имуществомъ между собою равны, то во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите добрые люди, что мы между собою сватовья; а какъ сіе засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до возраста своихъ дѣтей. Если же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшій договоръ не понравится, напр.: если женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другого: напротивъ того, есть ли невѣстину отцу не

<sup>1)</sup> Сбоевъ. Исслѣдованія..., стр. 27.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 75. У Миллера стр. 67.



понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублей“<sup>1)</sup>). Вѣроятно, существовалъ у чувашъ и тотъ и другой обычай, т. е. какъ женить, такъ и совершать помолвку во время малолѣтства дѣтей. „Едва-ли не это обстоятельство, замѣчаетъ г. Магнитскій по поводу женитьбы у чувашъ малолѣтнихъ сыновей, порождаетъ и нынѣ просьбы обвѣнчать въполовину, что значитъ: обрядъ бракосочетанія совершить въ желаемое просителемъ время, а въ метрикахъ записать его по наступленіи брачному брачному совершеннолѣтію. Такія просьбы, какъ намъ извѣстно, перѣдко за приличный гонораріумъ и исполняются“<sup>2)</sup>). Чувашини—язычники и отступники—и теперь женятъ сыновей въ возрастѣ 12—18 лѣтъ. Такъ, въ дер. Среднихъ-Алгашахъ, Симбирскаго уѣзда, въ 1900 г. язычникъ Исливанъ женилъ 14 лѣтняго сына; Ишметъ женилъ сына 15 лѣтъ. Черезъ годъ у обоихъ родились дѣти. Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ лѣтъ шесть тому назадъ чувашинъ-отступникъ Матвѣй Васильевъ женилъ сына Хамнта 14 лѣтъ, съ 16-лѣтняго возраста у послѣдняго стали рождаться дѣти. Дѣдушка этого самаго Хамнта женился будто 12 лѣтъ. Даже православные иногда женятся 14—15 лѣтъ. У меня въ приходѣ было два такихъ случая. Это бываетъ тогда, когда въ семьѣ не бываетъ хозяйки-работницы.

Конечно, до достиженія мужемъ 18-ти лѣтняго возраста такія пары живутъ безъ вѣнчанія (Когда я этихъ молодыхъ, пятнадцатилѣтнихъ „мужей“, вызвалъ къ себѣ на увѣщаніе, то одинъ изъ нихъ заявилъ мнѣ: „ты, батюшка, не думай, что я живу съ ней, какъ съ женой; она живетъ у меня стражкой“). Дѣти язычниковъ, родившіяся до достиженія отцомъ 18-ти лѣтняго возраста, признаются законными, на основаніи обычнаго народнаго права. Причину происхожденія обычая

<sup>1)</sup> Лепехинъ. Дневныя записки путешествія. СПб. 1795 г., ч. I, стр. 172.

<sup>2)</sup> Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 87.

чуваши женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвцахъ нѣкоторые видятъ въ снохачествѣ. Но, намъ кажется, это мнѣніе невѣрно. Во первыхъ, снохачество сильно осуждается общественнымъ мнѣніемъ чуваши, а потому встрѣчается у нихъ, какъ явленіе весьма рѣдкое; во вторыхъ, когда чуваши женили очень малолѣтнихъ сыновей своихъ (8 и 10 лѣтъ) на взрослыхъ дѣвушкахъ, почти никогда не наблюдалось, чтобы у такой брачной пары начинали рождаться дѣти до достиженія мужемъ 15-ти, 16-ти или 17 ти лѣтъ; не можетъ быть, чтобы не рождались дѣти отъ такихъ браковъ до достиженія мужемъ половой зрѣлости, если чуваши дѣйствительно устраивали такіе браки въ видахъ снохачества. Гораздо зѣроятнѣе мнѣніе другихъ, объясняющихъ обычай женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвцахъ экономическими соображеніями: съ женитьбой сына въ домъ прибавляется молодая, полная силъ, работница. Справедливость послѣдняго мнѣнія подтверждается и тѣмъ фактомъ, что чуваши даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда женятъ вполне зрѣлыхъ сыновей, не берутъ за нихъ молоденькихъ невѣстъ 14—17 лѣтъ, а берутъ непременно вполне зрѣлыхъ невѣстъ, лѣтъ 22-хъ и болѣе.

*Родство.* Браки по прямой восходящей и нисходящей линіи кровнаго родства запрещаются у чуваши (язычниковъ) безусловно. По боковымъ линіямъ кровнаго родства бракъ запрещается до 6-й степени, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 7-й степени. Такъ, не позволяется жениться: 1) на родной сестрѣ, 2) на двоюродной и троюродной сестрѣ по отцу (но на двоюродной и троюродной сестрѣ по *матери* можно жениться), на племянницѣ до троюродной включительно. Въ другихъ видахъ родства (двухъкровнаго и трехъкровнаго) браки допускаются въ близкихъ степеняхъ. Такъ, позволяется жениться на женѣ своего умершаго брата <sup>1)</sup>, на свояченицѣ

<sup>1)</sup> Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буинскаго уѣзда, чувашина-отступника Исая Егорова сынъ Аксянъ женатъ на женѣ своего умершаго роднаго брата, также: язычникъ Узбекъ въ

послѣ смерти первой жены <sup>2)</sup>, но жениться на свояченицѣ при жизни жены не дозволяется, а равно не дозволяется жениться двумъ братьямъ на двухъ родныхъ сестрахъ. Позволяется жениться на племянницахъ своей умершей жены <sup>3)</sup>. При указанныхъ бракахъ дѣти отъ первой жены зовутъ маичиху, по сообщенію свящ. с. Новыхъ Алгашей, Симбир. у. о. Дмитріева, не мамою (анне), а сестрой или теткой (акка, аппа). Браки въ такихъ близкихъ степеняхъ родства допускаются у чувашъ по слѣдующимъ мотивамъ: во первыхъ—потому, что родственница-де лучше будетъ относиться къ сиротамъ, остающимся послѣ смерти первой жены; во-вторыхъ, потому, что пусть-де приданое первой жены достанется не чужому, а своему же человѣку, родственницѣ своей жены. Эти мотивы заставляютъ иногда и православныхъ чувашъ обращаться къ священнику съ просьбой повѣнчать на свояченицѣ, или племянницѣ умершей жены. Такіе факты наблюдались во

дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбирск. уѣзда; отступникъ Алексѣй Удвѣгинъ въ Стюхинскомъ приходѣ, Бугурусл. у.

Г. Миллеръ (см. стр. 68 вышеуказ. соч.) по поводу обычая чувашъ жениться на женѣ своего умершаго брата замѣчаетъ, что у чувашъ только меньшому брату дозволяется жениться на женѣ своего умершаго старшаго брата, а старшему брату не дозволяется жениться на женѣ умершаго меньшаго брата.

<sup>2)</sup> Примѣры: отпадшій Теодоръ Архиповъ—въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ; язычникъ Селендей въ Стюхинскомъ приходѣ, Самар. губ.; язычникъ Пильмурза Пиколовъ въ дер. Уты-Камаево поле Вудаяль, Цивильск. у.; въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбир. у., когда у язычника Хунтѣ померла замужняя дочь, онъ выдалъ за зятя другую дочь.

Миллеръ по поводу обычая чувашъ жениться на свояченицѣ замѣчаетъ, что чуваша „особливо любятъ жениться на двухъ, или на трехъ сестрахъ по одинакѣ (стр. 68), имѣютъ къ тому особливую склонность“ (стр. 70). Этотъ обычай чувашъ былъ замѣченъ и Лепехинымъ. См. Дневн. Записки, ч. I, стр. 173.

<sup>3)</sup> Напр., язычникъ Ахмать въ дер. Среднихъ Алгашахъ женатъ на родной племянницѣ своей умершей жены.

многихъ приходахъ, былъ и у меня въ приходѣ<sup>1)</sup>). Но хорошо, если чуваши догадаются въ такихъ случаяхъ обратиться за совѣтомъ предварительно къ священнику. А то бываетъ иногда и такъ: чувашинъ—вдовецъ жепится на свояченицѣ или на племянницѣ умершей жены, а потомъ уже заявляется къ священнику съ просьбой повѣнчать ихъ. Причтъ на оглашеніи спрашиваетъ, не имѣется-ли между жепихомъ и невѣстой родства, *возбраняющаго* бракъ. Слушатели молчатъ или же отвѣчаютъ, что родства, *возбраняющаго* бракъ, не имѣется между ними, такъ какъ по понятію ихъ жениться на свояченицѣ не *возбранительно*. Причтъ спокойно вѣнчаетъ ихъ. Послѣ случайно обнаруживается ошибка, но уже поздно. Подобный случай былъ у причта села Шемурши, Буинскаго уѣзда, въ 1894 году. Браки чувашъ-язычниковъ и въ близкихъ степеняхъ родства признаются законными.

*Число браковъ.* По брачному праву чувашъ можно жениться сколько угодно разъ, лишь-бы въ одно время не имѣть нѣскольکو женъ. Многоженство, хотя и не запрещается безусловно, считается грѣховнымъ, неприличнымъ и почти не встрѣчается среди чувашъ. Двоеженство допускается только въ случаѣ бездѣтства первой жены и въ случаѣ отсутствія сыновей отъ первой жены, и то только при томъ условіи, если первая жена изъявитъ на это свое согласіе. У татаръ-магометанъ въ случаяхъ двоеженства и многоженства главную роль въ домѣ присваиваетъ молодая жена, но у чувашъ—наоборотъ: главная роль въ домѣ остается въ такихъ случаяхъ за первой женой. Но, говоря вообще, двоеженство встрѣчается среди чувашъ очень рѣдко. Въ четырехъ языческихъ деревняхъ, о которыхъ доставили намъ свѣдѣнія, оказалось только трое двоеженцевъ. Въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. у., одинъ двоеженецъ, Гуйметъ. Въ Три-Избы-Шемуршѣ, Буинск. у.,

---

<sup>1)</sup> Съ такой просьбой обращались ко мнѣ крестьяне села Рунги, Буинск. у., Семенъ Петровъ Шемми и Михаилъ Андреевъ Сайкинъ.

тоже одинъ, Денисъ Даниловъ, изъ отпадшихъ. По рассказамъ стариковъ, предокъ Три-Избинскихъ чувашъ Мтрнъ имѣлъ въ одно время 7 женъ, его сыновья Паргунъ и Исливанъ имѣли по двѣ жены, послѣ этого уже прошло около 200 лѣтъ и за все это время не было больше двоеженцевъ въ ихъ деревнѣ. Только теперь вотъ Денисъ Даниловъ женился на второй, и то только потому, что отъ первой жены не было у него дѣтей. Отъ второй жены у него имѣется сынъ, который обѣихъ его женъ зоветъ мамой (анне) и котораго обѣ его жены любятъ совершенно одинаково. Въ деревнѣ Уты-Камаево, Цивильскаго уѣзда, язычникъ Авсянъ Аетимировъ по бездѣтности своей первой жены Элемше Шебѣевой взялъ другую жену Шернесъ Ахматову, но чрезъ годъ почему-то прогналъ ее и вмѣсто нея взялъ другую, Селюкъ Ильметову. Последняя родила ему сына и дочь. Но послѣ женитьбы его на Ильметовой и первая жена подарила ему сына и дочку.

Такъ какъ крещенные чуваша и до сихъ поръ еще крѣпко держатся прежнихъ языческихъ обычаевъ, то и въ брачныхъ дѣлахъ они часто руководствуются старыми традиціонными обычаями. Такъ, послѣ смерти трехъ законныхъ женъ они часто женятся на четвертой и пятой, такъ какъ общественное мнѣніе совсѣмъ не осуждаетъ такихъ браковъ. Одинъ изъ моихъ бывшихъ прихожанъ, крестьянинъ села Рунги, Буинск. у., Илья Васильевъ былъ женатъ 6 разъ. Похоронивъ трехъ законныхъ женъ, онъ женился на четвертой, но чрезъ нѣсколько времени одинъ вдовецъ переманилъ ее отъ него и повѣнчался съ нею. Онъ женился на пятой, но ее у него опять отняли. Также и шестую. Тогда онъ явился ко мнѣ съ претензіей и горько сталъ жаловаться на своихъ обидчиковъ, при этомъ просилъ меня, чтобы я повѣнчалъ его „хоть для формы, хоть не полнымъ или не настоящимъ вѣнчаніемъ“, когда онъ найдеть себѣ седьмую жену. Я, конечно, не только не согласился исполнить его просьбу, но побранилъ его за старые грѣшки и убѣждалъ его впредь не дѣлать такого соблазна. Мужикъ мой ушелъ отъ меня страшно недовольнымъ. Вскорѣ послѣ

этого онъ взялъ да и женилъ 15-ти лѣтняго своего сынишку, оправдываясь тѣмъ, что въ домѣ нельзя обойтись безъ женщины, а панячь страпву онъ не въ состояніи. Нужно замѣтить, что за 4-й, 5-й и 6-й браки никто изъ мопхъ прихожанъ и не думалъ осуждать Плью Васильева, и всѣ относились къ его сожительницѣ не какъ къ сожительницѣ, а какъ къ законной и полноправной женѣ его.

*Изоодъ.* Развода въ собственномъ смыслѣ, какъ формальнаго акта, подчиненнаго извѣстнымъ правиламъ и сопряженнаго съ такой или иной обрядностію, у чувашь-язычниковъ не существуетъ. Случаи ухода жены по несогласію съ мужемъ бывають, но очень и очесъ рѣдко. Удивляемся, замѣчаетъ о. Дмитріевъ, какъ не уходятъ у чувашь-язычниковъ ничѣмъ не связанныя жены, тогда какъ среди православныхъ жены стали убѣгать отъ мужей довольно частенько! Это объясняется тѣмъ, что разводъ не одобряется брачнымъ правомъ чувашь и понимается, какъ нѣчто безнравственное. Но, какъ мы выше замѣтили, случаи ухода женъ отъ мужей все-таки бывають, но мужья сами не могутъ прогнать женъ. Жена при уходѣ отъ мужа беретъ свое приданое, дѣтей дѣлятъ по соглашенію. По сообщенію историографа Миллера, у чувашь при разводѣ супруговъ и прежде не существовало никакихъ формальностей. Недовольный своею женою чувашиня лишалъ ее своего ложа, дѣлалъ ее своею работницей,—и вся недолга. Но по сообщенію писателей Екатерининской эпохи у чувашь существовала будто нѣкоторая обрядность въ дѣлѣ развода. Такъ, академикъ Палласъ рассказываетъ, что „если мужъ былъ недоволенъ своею женою, то разрывалъ ея сарпанъ (головную повязку изъ длиннаго полотенца) на двѣ части; одну бралъ себѣ, а другую отдавалъ женѣ, которая вслѣдъ затѣмъ должна была оставить домъ своего мужа“ <sup>1)</sup>. По сообщенію г. Магнитскаго, этотъ

<sup>1)</sup> У г. Сбоева, см. Изслѣд., стр. 81. Этотъ обычай былъ замѣченъ и Георги. См. Описаніе всѣхъ живущ. въ Рос. гос. народовъ, ч. I, стр. 38.

обычай, только съ большими подробностями, соблюдается и въ настоящее время чувашами Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. Именно, у уфимскихъ чувашъ разводъ дѣлается такъ: „мужъ и жена приглашаютъ, каждый съ своей стороны, въ посредники стариковъ для разбора обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ разводу, что называется шаригать. Шаригатчики до приступленія къ дѣлу рядятъ себѣ вина съ виновной стороны. Сдѣлавъ подобныя условія, они первоначально раздѣляютъ между недовольными супругами дѣтей, если они есть, и имѣнїе, потомъ выводятъ супруговъ на средину улицы, ставятъ другъ къ другу спинами и связываютъ ихъ кушакомъ. Затѣмъ шаригатчики со стороны мужа ставятся въ линію по правую сторону, а со стороны жены—по лѣвую и дѣлается условіе, чтобы не жить вмѣстѣ. Одинъ изъ шаригатчиковъ острымъ ножомъ перерѣзываетъ поясъ, связывавшій мужа съ женою, и недовольные супруги, въ знакъ презрѣнія, въ то самое время стараются пятами ногъ пнуть другъ друга въ задъ и бѣгутъ на рѣчку умываться, приговаривая: „какъ берега рѣки никогда не сходятся, такъ-бы и мы не сошлись“<sup>1</sup>. Послѣ того шаригатчики принимаются за попойку и тѣмъ разводъ не ужившихся супруговъ оканчивается и всѣ супружескія отношенія ихъ прекращаются“<sup>1</sup>). Есть данныя предполагать, что подобный обычай существовалъ прежде и у чувашъ Казанской губ. Такъ, одна женщина въ дер. Масловой рассказывала, что развестись съ мужемъ можно, только на судѣ нужно въ одинъ махъ разорвать сорбанъ сперва попережь, а потомъ каждую половину вдоль<sup>2</sup>). Можетъ быть, въ прежнее время этотъ обычай былъ общепринятъ у чувашъ, но въ настоящее время, насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ даннымъ, этотъ обычай неизвѣстенъ чувашамъ, кромѣ чувашъ Белебейскаго уѣзда. Нельзя также ничего положитель-

<sup>1</sup>) Магнитскій. Матеріалы, стр. 218. Это описаніе заимствовано г. Магнитскимъ изъ этнограф. очерка Меньшова.

<sup>2</sup>) Ibid.

наго утверждать относительно того, чисто-ли чувашскій это обычай, или онъ заимствованъ чувашами у другихъ народностей. Можно думать, что онъ заимствованъ у татаръ-мусульманъ, на что указываетъ и самое слово шаригать = شریعت (практическая, обрядовая часть вѣроученія мусульманъ). Но есть основаніе предполагать, что онъ заимствованъ чувашами у русскихъ. Въ старину при разводахъ разрывъ холста имѣлъ важную роль и у русскихъ. Рафаилъ Барберини въ XVI вѣкѣ описываетъ древній обрядъ развода въ Россіи, который состоялъ въ томъ, что мужъ съ женою приходили къ проточной водѣ, становились каждый на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока не разрывали, такъ что у каждаго изъ нихъ оставалось по половинѣ холстины въ рукахъ. Послѣ того мужъ и жена расходились и дѣлались совершенными свободными <sup>1)</sup>. По словамъ о. Смѣловскаго, чуваша въ старину также отправлялись на ключъ, протягивали черезъ него сурбанъ и, разорвавъ его на части, расходились; нынѣ, по его же словамъ, иногда супруги разрываютъ сурбанъ черезъ порогъ кѣти <sup>2)</sup>.

*Запись.* Для записи браковъ язычниковъ-чувашъ не существуетъ специальныхъ документальныхъ книгъ, вродѣ нашихъ метрическихъ. Прибыль и убыль въ чувашскихъ семьяхъ отмѣчается волостнымъ писаремъ или его помощниками въ „посемейномъ эпискѣ“ при его провѣркѣ, которая производится одинъ разъ въ годъ. Самая запись производится просто, безъ свидѣтелей, безъ всякихъ формальностей. Время рожденія, смерти и бракосочетанія показывается приблизительно.

*Семейныя отношенія.* Нѣкоторыя подробности чувашскаго брачнаго ритуала, какъ то: ѣзда верхомъ, обязательное употребленіе нагайки, стрѣляніе изъ ружья или изъ лука, обрядъ якобы насильственнаго вывода неvěсты изъ ея дома,—

<sup>1)</sup> И. М. Спигиревъ. Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. II, стр. 63.

<sup>2)</sup> Каз. Губ. Вѣд. 1868 г. № 93.



указываютъ на то, что въ отдаленномъ прошломъ браки чувашъ всегда заключались чрезъ насильственное похищеніе невѣсты. Въ эту эпоху, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было правахъ женщины въ семьѣ: она была полной и безличной рабыней предъ мужемъ. Съ теченіемъ времени, когда чуваша стали усваивать болѣе или менѣе культурныя понятія и мирный образъ жизни, бракъ чрезъ похищеніе смѣнился у нихъ покупнымъ бракомъ: женщина уже приобреталась не чрезъ похищеніе, а покупалась за извѣстную плату или калымъ. Но и тогда еще женщина, какъ купленная вещь, не могла пользоваться никакими ни личными, ни имущественными правами. Съ теченіемъ времени, когда чуваша стали усваивать взглядъ на женщину, какъ на правоспособную личность, калымъ въ брачномъ дѣлѣ потерялъ у нихъ свой первоначальный смыслъ. Въ настоящее время онъ не опредѣляетъ уже собою стоимости безличной рабы-женщины, а является скорѣе матеріальной помощью, оказываемой родными жениха роднымъ невѣстѣ для снаряженія ея приданого. Весь калымъ уходитъ на это приданое, часто его даже не хватаетъ. Въ этомъ видѣ калымъ является не оскорбленіемъ личности женщины, а скорѣе—гарантіею ея личныхъ и имущественныхъ правъ. Теперь уже мужъ въ чувашской семьѣ не можетъ деспотически обращаться съ женою, какъ съ вещью или безправной рабыней. Въ такомъ случаѣ жена можетъ уйти отъ него, взявши все свое имущество: свои наряды, стоящіе не дешево, свою скотину—лошадь, корову, овецъ и птицъ, даже можетъ взять и приплодъ отъ нихъ, полученный уже въ домѣ мужа. Кромѣ того, она можетъ даже, въ случаѣ развода по винѣ мужа, предъявить искъ и на ту часть имущества, которую она, какъ равноправная рабочая единица, приобрѣла за время совмѣстной жизни съ мужемъ. Но этими правами женщинамъ-чувашкамъ приходится пользоваться весьма рѣдко. Благодаря кроткому и миролюбивому характеру чувашъ, ихъ семейная жизнь течетъ тихо и мирно, безъ ссоръ и дракъ. Внешне-распределительная власть въ семьѣ принадлежитъ отцу-хозяину, а внутренняя,

контрольно-исполнительная—матери-хозяйкѣ. На обязанности отца лежитъ изысканіе средствъ для пропитанія семьи и уплаты податей, централизація и распредѣленіе продуктовъ труда между членами семьи, а на обязанности матери—надзоръ за дѣтьми, приготовленіе для нихъ и мужа пищи, обшиваніе и обмываніе ихъ. Уходъ за скотомъ главнымъ образомъ лежитъ на обязанности отца и мужскихъ членовъ семьи. Исполненіе религиозныхъ обязанностей принадлежитъ <sup>1)</sup> старшему члену семьи—мужчинѣ, но домашнія моленія сплесь и рядомъ совершаются и хозяйками. Въ послѣднемъ случаѣ хозяйка во время моленій надѣваетъ на голову мужнину шапку или держитъ ее подъ мышкой или за пазухой. Этимъ, вѣроятно, выражается идея, что исполненіе религиозныхъ обязанностей въ принципѣ принадлежитъ мужчинѣ-хозяину. Всѣ заработки матери съ дочерьми отъ продажи холста, нитокъ, стараго тряпья, масла, шерсти и яицъ, остающихся въ излишкѣ отъ домашняго употребленія, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и идутъ на удовлетвореніе ихъ женскихъ нуждъ: наряды, приданое и проч. Глава семьи посягаетъ на ихъ собственность только въ крайней необходимости или при недобропорядочности его жизни. Послѣ женитьбы сыпоевъ въ семьѣ образуются новыя ячейки съ имущественными правами: прежняя скотина остается собственностью матери и дочерей ея, а приданная скотина и птица снохъ—ихъ собственностью (собинкой, или сунинке, какъ говорятъ чуваша). Лошади ихъ работаютъ на семью, а равно и продукты отъ коровъ: молоко и масло—идутъ на удовлетвореніе семейныхъ нуждъ. Но приплоды, получаемые отъ приданныхъ снопивыхъ лошадей, коровъ, приплоды и шерсть отъ приданныхъ овецъ, пухъ и перья отъ птицъ—снимаются непрякосювенной собственностью снохъ. Это обстоятельство обуславливаетъ возникновеніе двухъ неприглядныхъ явленій въ жизни чувашъ: из-

<sup>1)</sup> Какъ извѣстно, у чувашъ-язычниковъ нѣтъ особаго жреческаго класса; религиозныя обязанности исполняются въ каждой семьѣ старшимъ членомъ семьи.

мельчанія породы скота и семейныхъ раздоровъ. Каждой снохѣ выгодно имѣть больше скота, поэтому каждая изъ нихъ старается не позволять продавать своихъ жеребятъ, телокъ и ярокъ, а старается оставлять ихъ на-племя. Поэтому въ каждой многочисленной семьѣ накапливается полонъ дворъ скота. А такъ какъ порядочнаго корму для такой аравы не напасешься, то чуваши кормятъ скотъ кое-какъ. Вслѣдствіе этого скотъ дряхлѣетъ и мельчаетъ. Это весьма невыгодно отражается на экономическомъ положеніи чувашъ: чувашская овца даетъ въ годъ 3—4 фун. шерсти, тогда какъ у русскихъ даетъ 8—10 фунтовъ; чувашская корова даетъ въ сутки 1 или 2 кружки молока, тогда какъ у русскихъ корова даетъ 2—3 горшка въ сутки. Поэтому и дѣти чувашъ, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не видятъ молока: имъ дается только простокваша (уйран), получаемая послѣ пахтанья. Это, конечно, скверно отражается на здоровьѣ чувашъ. Такъ какъ все таки невозможно оставить на племя всѣхъ жеребятъ, телокъ и ярокъ отъ приданнаго скота снохѣ, то возникаетъ въ семьѣ вопросъ: чьихъ жеребятъ или телокъ колоть или продать, чьихъ—оставлять на племя. И вотъ, на этой почвѣ возникаютъ часто семейные нелады, оканчивающіеся раздѣломъ семьи. Говоря о семейныхъ отношеніяхъ чувашъ, нельзя не упомянуть объ одномъ характерномъ обычаѣ чувашъ, именно: чувашки-снохи никогда не показываютъ своему свекору и женатымъ деверямъ, а равно и нареченнымъ отцамъ (хыйматлыхамъ) волосъ и босыхъ ногъ. Если случайно, по неосторожности, онѣ провинятся въ этомъ предъ кѣмъ-нибудь, то должны искупить свою оплошность штрафомъ: подарить ему полотенце или кисеть, или что-нибудь другое. Въ этомъ обычаѣ г. Жиро-Теленъ видитъ остатокъ реакціи противъ существовавшаго въ первобытныя времена коммунизма половъ и кровосмѣшенія <sup>1)</sup>. Это очень вѣроятно.

<sup>1)</sup> Происхожденіе семьи. О состояніи общества до патриархальнаго періода. Прилож. къ журн. Знаніе за 1876 г., стр. 53.

## Приложение.

### № 1. Такмак.

„Асйини ситѣ кун, тухпи вищѣ кун; утсем ырхан пулѣс, сулсем хура пулѣс: ситеймерѣмѣр вѣхѣта, айѣп тумасѣрѣнѣе есир нире, тайѣп пуѣѣм сире (пур те пуѣѣсапѣсѣ). Утмѣл сухрѣм хура вѣрман урлѣ килтѣмѣр, ситмѣл сухрѣм сѣсен хир урлѣ килтѣмѣр. Утмѣл сухрѣм хура вѣрман урлѣ каснѣ ъухне пѣр пѣлан куртѣмѣр: унѣн мѣйраки вѣсѣ ылтѣн иккен, ъѣрни вѣсѣ кемѣл иккен, мѣйракипе шѣйѣраѣ те йѣр тѣват, ъѣрнипе пусаѣ те сул тѣват. Савѣн сѣлѣпе килтѣмѣр. Савѣ туй халѣхѣ: айѣп тумастра? вѣтетре? хапѣл тѣватра?“ тет. Тухса иккен калаѣ: „вѣтетпѣр, хапѣл тѣватпѣр“. тет. Леш калаѣ: „Ситмѣл сухрѣм сѣсен хир урлѣ килнѣ ъух куртѣмѣр епир сил—суватлѣ урхамах: унѣн пуѣѣ пѣлѣте тимест, ури сѣре тимест; утни—йуртни сисѣнмесѣ: шыв нек йухат, сил нек вѣсет, сав урхамах сине утланса килтѣмѣр епир сав туйѣ. Сѣсен хир варринѣе савра кѣлѣ, кѣлѣ варринѣе ылтѣн йупѣ, ылтѣн йупѣ тѣрринѣе ѣмѣрт кайѣк; унѣн ури пѣхѣр, сунаѣѣ кѣмѣл, сѣмси ылтѣн; урипе тапаѣ, сунаѣѣпе супаѣ, сѣмсипе вѣйѣ калаѣ; сав вѣйѣ сассипе килтѣмѣр епир. Сав сулпа килнѣ ъухне сав хѣтѣсен йалѣ курѣнѣе хула нек, сурѣѣ умне ситрѣмѣр, сурѣѣ курѣнѣе кантур нек: хапхи тѣват йупалѣ, вищѣ хупѣлѣ, сивѣ калай, йупи мѣрѣн, хуппи кѣленѣе, тѣпси пѣхѣр, тытѣйѣѣи кѣмѣл; вѣл хапха сил—хѣвелпе шалтѣртатаѣ, хѣрѣ хѣвелпе йалтѣртатаѣ; сав хѣта нире хапхине уѣсса вѣтсе хапѣл туса тѣраѣ; вѣл хапхаран кѣрсен, хѣтанѣн карташ пѣт пыѣк иккен: урлѣшѣ вѣтѣр утѣм, тѣрѣшшѣ утмѣл утѣмѣл утѣмра утмѣл йупѣ, вашни йупара утмѣл унѣл, утмѣл утѣм, унѣран пѣр унѣине утсене кѣкарса кантарма памѣ-ши? епѣ ытмастѣп, кѣрѣ ытаѣ. Вѣсѣе пыракан ѣмѣрт кайѣк та уртѣш йывѣсѣ сине ларса канаѣ. Сав хѣтанѣн карташ варринѣе ултѣ хѣлаѣлѣ пѣрѣѣ пур: тултан пѣхсан сакѣр кѣтес, ѣшне кѣрсен тѣват кѣтес, тѣват кѣтессинѣн пѣр кѣтессине пирѣн сав туй халѣхне кѣрсе тѣма ирѣк пулмѣ—ши? (Хѣта калаѣ: пиртен ирѣк, тет.) Вѣл пѣртѣн ѣшѣнѣе

99 хӓми пур иккен, 88 сакки пур иккен, 99 хӓминӓн пӓр хӓминне пире авалхи йӓлапа выӓаса вулма ирӓк пулмӓ-ши? Епӓ каламастаӓ, сак кӓрӓ калаӓ, епир кӓна мар, Турӓ хуш-нипе сесен хир те шевле выӓаӓ. 88 саккинӓн пӓр сакки сак туй халӓхне ларса канма ирӓк пулмӓ-ши? Епӓ ытма-стаӓ, кӓрӓ ытӓаӓ: епир кӓна мар, вӓссе пыракан ӓмӓрт кайӓк та уртӓаш йывӓсӓ сине ларса канаӓ. Ултӓ хӓласлӓ пӓрт ӓшӓн-ӓе хӓтанӓн ултӓ хӓласлӓ сӓтел пур иккен; вӓл ултӓ уралӓ сӓтел синӓе пӓр пусӓнӓе сирсе сирӓлми сим пыл лараӓ, тепӓр пусӓнӓе тутлӓ шерпет лараӓ, сим пылапа тутлӓ шерпет хуш-шинӓе ылтӓн тиркӓ лараӓ, ылтӓн тиркӓ синӓе сурхат выӓаӓ, сав сурхат пек пире выӓаса вулма ирӓк пулмӓ-ши? Сак хӓта пирӓн сак туй халӓхне кӓтсе сӓра тунӓ иккен; сӓрине ситӓе хут тунӓ, ситӓе хут туса ситӓе пасманаран тунӓ. Нӓхрепре пиӓетлесе хунӓ пиӓӓеке пур иккен, пиӓӓеки хӓрӓх кӓшӓллӓ, ивӓ пӓккӓллӓ тет; пӓр пӓвкинӓн сим-пыл йухаӓ, тепӓр пӓвкинӓн тутлӓ шерпет йухаӓ. Сим—пылне ӓссен ӓсӓр пулмалла, тутлӓ шерпетне ӓссен тутлӓ каласмалла. Вӓл ӓске ӓснӓ сӓре симӓс хатӓрленӓ: ситӓе сулхи вӓкӓрӓ пулнӓ, ситӓе султанпа ситӓӓе кӓтӓе кӓмен, кӓсӓлхи сул сав вӓкӓра пирӓн аӓа туйӓ хатӓрне тытса пуснӓ иккен. Унӓн пеккӓмӓш ӓыса хатӓрленӓ пилӓк сулхи хура така пулнӓ, пилӓк султа пилӓк кӓтӓе кӓмен, вӓл пусӓне те сӓкнӓ, куӓне те сӓкнӓ, сав тавана кӓсӓлхи сул сак пирӓн аӓанӓн туйӓшӓн тытса пуснӓ. Тата виӓсӓмӓш ӓыса хатӓрленӓ виӓсӓ сулхи кӓрӓкки пулнӓ, виӓсӓ султа виӓсӓ сӓре анман, шав хуралтӓ тӓрринӓе шулап тӓрӓх сунатланса вӓссе сӓренӓ, сав кӓрӓккана Турӓ хушнипе кӓсӓлхи сул ситӓ-тӓвӓл тӓртсе антарнӓ, хӓта ӓна сак туй халӓхӓшӓн тытса пусса пӓсӓрсе хатӓрленӓ. Вӓл ӓске-сике сирсе-ӓссе тӓраннӓ сӓре сак хӓтанӓн улма саӓӓ пур иккен, улма саӓӓ варринӓе мунӓа пур, мунӓи уртӓаш йывӓсӓнӓн, сийӓ калаӓ, лапки кӓленӓе, ӓулӓ мерӓн, ӓшши шерпет, милӓкӓ пурсӓн, валашки пӓхӓр, курки кӓмӓл. Сак хӓга пур туй халӓхне сав мунӓана кӓртсе сӓвӓнтарасшӓн тет. Сав мунӓаран тухнӓ сӓре сак хӓта ӓис хатӓрлет. Унӓн виӓсӓ витре кӓрекен сӓмавар пур, вуник пуслӓ

ѳелеп нек ѳашкърса ларат. Сѳамавар таврашѳенѳе вун-икѳе парѳа ѳашкѳа ѳине ѳей тултарса хунѳа, ѳав туй халѳхне ларса ѳѳме хатерленѳе. ѳав пирѳен хѳта лайѳх кѳмѳллѳа неккен, кам туйѳа килменвинне тепѳр хут шилѳк йѳхѳрма йама крыльца умне ылтѳан ѳилхелѳе, кемѳл ѳѳрпелѳе улма—ѳѳпар ут кѳварса хунѳа неккен. Ей хѳта, тулѳѳе-и кѳмѳлѳр? Кунтав ыгла сѳамахѳм ѳук, сиртеп ыгла савнѳа ѳыннѳм ѳук. ѳлтмен пулсан ѳитерѳр, ыгла пулсан ан айѳплѳр. Ей хѳта, тав сана, тайма пуѳѳм! (пуѳѳсанаѳ): Тайма пуѳа хѳѳ витмен, мап сѳамахѳм спре витес ѳук. Тав сана, тайма пуѳѳм! (пуѳѳсанаѳ).

## № 2. Хѳр йѳрри.

1. Хура вѳрман ѳшѳенѳе  
Хурлѳхан татаѳ пѳр аѳа;  
Лшшѳе—амѳш парсассѳн  
Йѳрет те кайѳт хѳр—аѳа.

2. Йрѳа ут килег ытѳанса  
Йрѳа урхамах йѳрѳе;  
Ман туй килет шавласа  
Атте—анне йѳѳе.

3. Вѳрене тутѳа сыпѳанѳа,  
Хурѳн тутѳа хуѳлаѳ;  
Атте ѳемнѳи катѳлаѳ,  
ѳиѳѳе йут ѳемнѳи хутшѳанѳа.

4. Тимѳр ѳуна, йѳс тупан,  
ѳути йулѳр ѳул ѳине;  
Йѳс шѳнкрав нек сассѳмѳѳм  
Йанѳара йулѳр ѳрама.

5. Кемѳл кѳпер ѳрешетѳине  
Хамѳр хурса касрѳмѳр;  
Атте ханѳи вырѳсла,  
Хамѳр уѳса кѳтѳмѳр.

6. Хура вѳрман вуттине  
Еп касмасѳр кам касас;

Хамѳр кассѳн аѳине  
Еп каймасѳр кам кайас.

7. Атѳл улѳх улма-нек,  
Ман тѳвансем улпут нек;  
Тѳвансем пур те лайѳхран  
Йурн туйла тутартѳм.

8. Йенѳѳек тулли пѳхѳр укѳа,  
Пѳтѳм пасара ѳав пуѳаѳ;  
Вун-тѳхѳр ѳулхи пуѳѳмпа  
Пѳтѳм тѳвана хам пуѳрѳм.

9. Хура курак килнѳ-ѳе,  
ѳѳпѳе йѳтма килнѳ пулѳ.  
Улхаш ѳѳваш, хура ѳѳваш  
Мана плме килнѳ пулѳ.

10. Спирѳм касрѳм пахѳана,  
Мѳкѳѳ ѳѳзек пулѳ тесе,  
Мѳкѳѳ ѳѳзек пулмарѳ.  
ѳупрѳм тухрѳм ѳрама  
Хамѳр савнѳи пулѳ тесе;  
Хамѳр савнѳи пулмарѳ,  
Турѳ ѳырнѳи пулаѳрѳ.

11. ѳупрѳм антѳм ѳырмана

Кѣмѣл сѣрѣ пулѣ тесе;  
Тѣхлан сѣрѣ пулайрѣ,  
Кѣмѣл сѣрѣ пулмарѣ;  
Љупрѣм кѣтѣм пѣр пѣрте,  
Хамѣр сѣмѣе пулѣ тесе,  
Хамѣр сѣмѣе пулмарѣ,  
Йут сын сѣмѣи пулайрѣ.

12. Љупрѣм антѣм сырмана,  
Шѣма кѣпси пулѣ тесе,  
Шѣма кѣпси пулмарѣ,  
Шѣрѣшлѣ кѣпсе пулайрѣ.  
Тѣван тесе щупрѣм та,  
Спѣѣ йут аѣи пулайрѣ.

13. Икѣ вптре шыв ѣсрѣм,  
Пусма умне лартайрѣм,  
Ахах йатѣм—путмарѣ,  
Кѣмѣл йатѣм—йухмарѣ,  
Сав Кив-Улхаш аѣние  
Пѣр те щунѣм савмарѣ;  
Турѣ сырни йамарѣ,  
Турѣ сырни—сѣс сыхни:  
Сивѣтсен те сивѣнмест.  
Пѣр те Турѣ сырманни  
Сивѣтмесен те сивѣнет.

14. Шѣнкѣр-шѣнкѣр шыв  
йухаѣ,  
Хѣмѣшпа хѣйах хушшинѣ;  
Хѣр ѣмѣрѣ пртет-сѣе.  
Шурѣ пѣркенѣк ѣйѣнѣе.

15. Мамѣк минтер, хѣмаѣѣ пѣт,  
Ан хур, нике, лармастѣп;  
Атте хапхи вырѣсла.  
Ан ус, теге, тухмастѣп.

16. Спѣсѣ кѣпе тѣсѣмсѣр,  
Самрѣк пуѣм телейсѣр.

17. Хура вѣрмантѣ хурѣѣма  
Хире тухман, уй курман;  
Сав Кив-Улхаш аѣисем  
Вѣйѣпа тухман, хѣр курман,  
Манран пуѣне хѣр тухман.

18. Шѣпѣр-шѣпѣр сѣмѣр сѣваѣ,  
Љѣреѣе витѣр курѣнаѣ;  
Епѣ ырѣ курмасси

Пѣхса витѣр курѣнаѣ-

19. Шѣпѣр-шѣпѣр сѣмѣр-  
сѣваѣ,

Мана сѣран кам парас;  
Спѣѣ йут йышлѣ, еп пѣѣѣен,  
Манѣн хута кам кѣрес.

30. Кѣмѣл сѣрѣ пысѣк мар,  
Унѣн куѣѣ ахах мар;  
Епир сын пек пысѣк мар.  
Епир сынна йурас сѣк.

21. Вѣл-вѣл ѣѣек, вѣл ѣѣек,  
Вѣлле сѣнѣи сар ѣѣек,  
Љѣѣек вѣсѣе кайсассѣн  
Вѣлле илемѣ кайаѣ-сѣе,  
Ах, аннеѣѣм, аттеѣѣм!  
Епѣ тухса кайсассѣн  
Кил илемѣ кайаѣ-сѣе.

22. Икѣ талир, пѣр талир,  
Пѣтѣм пасара сав пухаѣ:  
Вунтѣхѣрти пуѣсѣмпа  
Пур тѣвана хам пухрѣм.

23. Хура вѣрман варринѣе  
Вѣрене тутка сѣрет-сѣе;  
Ай-хѣй, сѣмрѣк пуѣсѣмѣм  
Спѣѣ йут килѣнѣѣ йѣрет-сѣе.

24. Атте лаши—турѣ лаша,  
Йури тѣпе вѣлтертѣм;

Хурънташ-ару лайах тесе  
Иури туйла тутартам.

25. Ах, аннеџем, аннеџем!  
Маван ыра тусамџам!

Пурънтамар иксемер  
Иер йавари кайав пек.

26. Сырма таръх тетере:  
Кайав вџсни вурънмаџ;  
Атте-анне вилевџе

Емер пртия сасенмест.

27. Пасар йевн—џенџ йеве;

Петермесер сасси џуж;

Епџ нырас кил анџџ:

Пымасарах сасй пур;

Йџс тужунлай урапър,

Йерџ йултар џул џине,

Йџс ханкрав пек сассамџам

Панара йултар џак пала.

28. Ахъ, аннеџем, аннеџем:

Хуран тулли сџт џакрџ,

Верене вутти хџџе те,

Верџ татър терџ пулџ;

џиџџ йута паџџе те,

Йерсе татър терџ пулџ.

29. Кавак-кавак кавакарџџинЕпџ кайас аџана

Шавџџлаџ таръх вускалаџ,

Шавџџлаџ вџсне џитсесџн

Иџ џунаџџе шап џапаџ;

Ах, аннеџем, аннеџем!

Мана парса парсасџн

Иџ аллине шарт џапаџ.

30. Сърла-сърла веленџе

џър-џър туса кайрџ-џе,

џул џитмесер паџџџ те,

Ас вџмесер ан кайрџ.

31. И йур џурџ, йур џурџ,  
џерџ йепле џатрџ—ши;

Мана кџџал џмн џирџ,

Турри йепле тџсрџ—ши.

32. Пирџн атте пулан мар,

Виџ куп туни сџрни пур;

Ватти пулџ, џамрџв пулџ,

Иур те пырър сџра џџме.

33. Пуртрџн тухрџм, тайџлтџм,

Кил-йышсенџен уйџрџлтџм,

Пџлтџртџн тухрџм, тайџлтџм,

Тџвансенџен уйџрџлтџм,

Хапхарап тухрџм, тайџлтџм,

Тантџшсенџен уйџрџлтџм;

Йџлтан тухрџм, тайџлтџм,

Йџл-йышсенџен уйџрџлтџм;

џикрен тухрџм, тайџлтџм:

џер-шывсенџен уйџрџлтџм.

34. Хура сџкман џелетрџм;

Кџске тесе ан калър;

Курса пџлсе илетџр,

Наџар тесе ан калър.

35. Хура лаша џилхине

Йџс турапа тураџџџ:

Епџ кайас аџана

Кам вурни мџн хурлаџџџ.

36. Пусса-пусса пынџ џух

Урам шуса каймин-џџ;

Уссе—џссе пынџ џух

Пусџм саџа каймин—џџ.

37. Шџнкър-шџнкър шыџ йу-  
хаџ,

џер џинџен мар, џул џинтен,

Еџер, џипџер тџвансем,

џуж џинџен мар, пур џинџен.



38. Хура вѣрман хуххине  
Хурлѣ татаѣ пѣр аѣа,  
Ашшѣ—амѣш парсассѣн,  
Пѣрет те каѣаѣ хѣр-аѣа.

39. Тѣватѣл кѣсѣсе, шур вѣсѣсе,  
Ах, ан сарѣр, лармастѣп;  
Ах, аттесѣм, аннесѣм!  
Тѣватѣл минтер ан тытѣр,  
Еп лармастѣп ун сине,  
Ан усѣрах хашхѣра,  
Еп тухмастѣп ку вилтен.

40. Атѣл хѣррине ситмесѣр  
Атта хывса хурас мар;  
Сиѣѣ йут килне ситмесѣр  
Сиѣѣ йут ѣсне тытас мар.

41. Вун-ик мерѣен шыв синѣе,  
Пухса илес-ѣѣ, шыв аслѣ;  
Кѣсѣл мана сын сини,  
Тавѣрас-ѣѣ, йал аслѣ.

42. Кѣске саран утине  
Сулас теттѣм пѣр-ик куя;  
Атте анне ырѣлѣхне  
Ларас теттѣм пѣр-ик сул.

43. Шурѣ ѣлѣха сырмарѣм,  
Ѧрама тухса лармарѣм,  
Йѣла тухса сѣремерѣм,  
Атте пите пѣсермерѣм,  
Хамѣн йатѣма йамарѣм.

44. Епѣ кайрѣм пасара  
Икѣ пуслѣх йѣп илме:  
Илессине илтѣм те,  
Сип тиркемини йурѣ-ѣѣ;  
Сиѣѣ йутѣн аѣине  
Кайсассине кайрѣм та,  
Сын тиркемини лайѣх-ѣѣ.

45. Епѣ пырас сул сине  
Пѣтѣн акса тултарнѣ,  
Епѣ пырас киле те  
Елек парса тултарнѣ.

Пешле пырас вѣрем-ши,  
Пусѣма йывар килмѣ-ши?  
46. Атѣл урлѣ касмѣттѣм,  
Касарайѣѣс килмѣе,  
Атте килѣнѣен тухмѣттѣм,  
Сиѣѣ йут мулѣ кѣларѣѣ,  
Пылѣпеле улталарѣ.

47. Кѣмѣл сѣрѣ пулѣттѣм,  
Атте аллинѣе пулѣттѣм,  
Атте ивлѣ пулѣттѣм,  
Атте суртне тытѣттѣм.

47. Икѣ тугѣр пѣр вѣсрен,  
Хѣѣѣ касрѣ, уйѣрѣѣ;  
Епир-иккѣн пите тус-ѣѣ,  
Сырни тухрѣ, уйѣрѣѣ.

49. Сѣрма тулли шыв йухѣѣ,  
Сѣранне йывѣр килмѣ-ши;  
Сиѣѣ йута кайсассѣн,  
Пусѣма йывѣр килмѣ-ши?

50. Сѣранѣ сѣлѣ, сѣрт лутра,  
Улѣхаймарѣм, мѣн тѣвас;  
Турѣ Пулѣх сѣрнинѣен  
Иртеймерѣм, мѣн тѣвас!

51. Тупѣлѣха турта, турѣ лаша,  
Турти кѣске пулмин-ѣѣ;  
Кайнѣ выранѣм ѣнмасан  
Емерѣм кѣске пулмин-ѣѣ.

52. Турѣран сывѣлѣх ытатѣп,  
Патшаран ырѣлѣх кѣтетѣп.

53. Авкѣш вѣсѣсе пынѣ зух  
Кам курни пур урине;

Џиѣ йута кайсассан  
Кам курни пур иррине.

54. Улѣх тѣрѣх утѣ сѣлтѣм,  
Улма йывѣс тѣл пултѣм;  
Улма йывѣс сулѣсѣр,  
Ман сѣмрѣк пус телейсѣр.

55. Турѣ лашам тулѣксѣр,  
Сул сук сѣре сул хыврѣ,  
Пирѣн аттен пѣлменпи:  
Пѣр вѣхтсѣр хѣр паѣѣ.

56. Хура-хура куравсем.  
Хура сѣр сивѣе тѣранман,  
Хуралтѣ сине сѣрса илнѣ;  
Џиѣ йутѣн туй халѣх  
Йевѣѣ вилѣнѣе тѣранман,  
Атте килне сѣрса пилнѣ,  
Ман пус сине тѣрѣннѣ.

57. Џупрѣм антѣм сырмана.  
Йухрѣ тухрѣ шерепем.  
Пур пур тѣслѣ шѣрсам пур,  
Ылтѣн тѣслѣ шѣрсам сук;  
Пур пур тѣван пур те пур,  
Енѣ ыран кунта сук.

58. Йухлѣх тѣрѣх шыв йухат,  
Алѣ сума йурамаст,  
Алѣ сума йурасан,  
Мѣшѣн питеме сумѣл-ши.  
Атте-анне вилѣнѣе  
Емѣр ларма йурамаст,  
Емѣр ларма йурасан,  
Мѣшѣн емѣр лармѣл-ши?

59. Атте пѣрѣѣ пысѣк пѣрт,  
Џиѣ йут пусса пѣтерѣѣ;  
Еп тухмѣттѣм сѣк пѣртрен,  
Џиѣ йут мулѣ кѣларѣѣ.

60. Атте сурѣѣ шѣшвѣлѣх,  
Шѣшвѣлѣхре мѣйѣрлѣх,  
Анаттѣм та тататтѣм;  
Џиѣ йут сурѣѣ йуманлѣх,  
Йуманлѣхра сѣленлѣх,  
Кѣрсессѣн те тѣш тѣват,  
Тухсассан та тѣш тѣват,  
Йепле пырса вѣрем-ши?

61. Сар сѣмарта кустартѣм,  
Йушкѣн айне путрѣ-сѣе;  
Џиѣ йут килне кайсассан  
Сѣмах айне пулѣл-сѣе.

62. Ах, аннесѣм, аннесѣм!  
Купѣста акрѣн, ѣстертѣн,  
Лартма ырѣн тупмарѣн;  
Пукане пек хѣр турѣн,  
Пама ырѣн тупмарѣн.

63. Прех тѣтѣм ирѣксѣр,  
Питме сурѣм супѣлѣсѣр;  
Еп каймарѣм ирѣкпѣ,  
Атте паѣѣ ирѣксѣр.

64. Кѣмѣл сѣрѣ пѣрахса,  
Пѣхѣр сѣрѣ тѣхѣнайрѣм;  
Йал аѣине пѣрахса,  
Йал йал урлѣ кайайрѣм.

65. Мамѣк минтер хѣпармас,  
Џиѣлти пиѣѣ тѣвѣртан,  
Манѣн кѣкѣрѣм сѣврѣнмас,  
Кѣсѣнтен хуйхѣлѣ ѣснѣрен.

66. Кѣске сѣран утине  
Џѣлтѣм ывѣс тулиѣѣен,  
Лартѣм атте вилѣнѣе.  
Атте кѣмѣл тулиѣѣен.

67. Улаѣа кѣпе сѣлерѣм,  
Кѣске тесе ан калѣр,

Çиçĕ йута йурарăм,  
Наçар тесе ан калăр.

68. Тăхăр така усаракан  
Пĕр вĕрĕксĕр йулакан,  
Хĕр суйласа сÿрекен  
Инке арăмсăр йулакан,  
Инке арăма Турă куртăр,  
Усал та пулсан хĕр пултăр,  
Хĕр пултăр та пур пултăр,  
Пурçăн вĕпе тăхăнтăр,  
Пурçăн вĕпи ан пĕттĕр,  
Çак йалта хĕр ан пĕттĕр.

69. Вĕл-вĕл çеçек, вĕл çеçек,  
Вĕлле çинçи сар çеçек,  
Вĕçсе анассăн туйăнаĕ,  
Атте килĕнçен тухнă çух  
Çун тухассăн туйăнаĕ.

70. Çулĕ ту çине хăпарма  
Йĕс таканлă ут кирлĕ:  
Çиçĕ йута йурама  
Çеçек çĕлхелĕ сын кирлĕ.

71. Шурă тутăр пĕтертĕм,  
Çăварни кун сыхас пек,  
Çинçе пĕме ўстертĕм  
Йал аçине кайас пек.

72. Авкăш билет картипе,  
Кам курни пур урине?  
Çын савпине кайакан  
Кам курни пур ырине?

73. Ушкăн ушкăн тупăлха,  
Хăшĕ шупка çав ытла  
Мĕн пур тăван хушшинче  
Пайанхи кун еп ытла.

74. Сарлăх сиçе сар кайăк,  
Сасси пур та хăйсем çук;

Ах, аттеçĕм, аннеçĕм.

Паçĕ пур та хăйсем çук.

75. Çул ту çине хăпартăм;  
Емĕр кайми йур куртăм;  
Ах, авкаçăм, авкаçăм!  
Пĕрре ларма килтĕм те,  
Çупрăр тухрăр йрама,  
Хамăр тăван пулĕ тесе.

76. Хура вăрманти хурçăка  
Хăне сÿреме сул тупман,  
Çак сиçĕ йут аңисем  
Манран пуçне хĕр тупман.

77. Улăх ути улмз пек,  
Манăн йысна улпук пек;  
Çĕрти сырла шăрса пек,  
Манăн акка пике пек.

78. Ман аттене мул кирлĕ.  
Çиçĕ йута йыш кирлĕ.

79. Атте сурçĕ угмăл хăлас,  
Ут пек çупса сÿреттĕм,  
Атте—анне йурарăм;  
Çиçĕ йут картиш çитмĕл хăлас,  
Çил пек вĕçсе сÿресен те,  
Çиçĕ йута йурас çук.

80. Кайăк—кавакал астетĕте?

Çиçĕ сырма хушшинче?  
Кайăк-хур аста какала?  
Çиçĕ хула хушшинче;  
Ах, аннеçĕм, аннеçĕм!

Сан хĕр сасси астетĕте?  
Çиçĕ йугăн килĕнче.

81. Хура пурçăн пиçихи  
Пилĕвĕм тавра çаврăнчĕ,  
Вун-пек çаврăнан ат-сыххи  
Алăм тавра çаврăнчĕ;

Ситѣ йутѣи аѣипе  
Сѣдемъ перѣи сѣхланѣсѣ.

82. Утмѣл хѣма тѣрѣшне  
Утса тухса пулмарѣ,

Сѣтмѣл хѣма тѣрѣшне

Сѣтсе курса пулмарѣ,

Тѣунѣм савман аѣаран  
Пуѣсма хѣтарса пулмарѣ.

### № 3. Прощальныя пѣспи певѣсты.

1. Въ темномъ (дремучемъ) лѣсу смородину собираетъ паренекъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

2. Несется вскачь добрый конь по сѣдлѣмъ добраго аргамака; ѣдутъ съ шумомъ поѣзжане моего жениха, чувствуя моихъ родителей.

3. Кленовые бруски <sup>1)</sup> наставляются, березовые бруски обламываются; семья моего отца убавляется, чужая семья прибавляется.

4. Желѣзные сани, мѣдныя полозья; пусть блескъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный колокольчикъ, пусть звукъ его останется на улицѣ.

5. Мы сами устроили мѣдныя перила на мосту и сами переѣхали (по нему); ворота моего отца (сдѣланы) порусски, мы сами отворили ихъ и въѣхали.

6. Въ дремучемъ лѣсу кому рубить дрова, кромѣ меня? За парня изъ нашей улицы кому выйти кромѣ меня?

7. Волжскій островъ какъ яблоко, мои родственники какъ господа, такъ какъ всѣ родственники у меня хороши, нарочно я велѣла сдѣлать полную свадьбу.

8. Полный кисетъ мѣдныхъ денегъ собираетъ цѣлый базаръ; я, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, собрала всю свою родню.

9. Ахъ, прилетѣла злая ворона, видно, за цыпленкомъ она прилетѣла! Алгашинскій чувашинъ—недобрый чувашинъ: видно, за мной онъ пріѣхалъ.

10. Я взяла и перепрыгнула въ огородъ, думала, что тамъ макъ цвѣтетъ, но не оказалось тамъ маковаго цвѣтка. Встала и побѣжала на улицу, думала, тамъ мой милый дружокъ; милаго моего дружка не оказалось, а оказался Богомъ суженный.

11. Я встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ серебряное колечко, серебрянаго колечка не оказалось, а оказалась оловянное кольцо; встала и побѣжала въ одинъ домъ, думала, что тамъ своя семья, но не своя семья оказалась, а оказалась чужая семья.

12. Встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ коровка (растеніе), коровки тамъ не оказалось, а оказалась вонючая дудка (вѣхъ); побѣжала, думая встрѣтить родного, а оказалась чужъ—чужаиницъ.

<sup>1)</sup> Въ чув. текстѣ «тутка», слово для насъ непонятное.

13. Я почерпнула два ведерка водички, поставила ихъ передъ крилечкомъ; сердоликъ (туда) пустила—не тонетъ, серебро пустила—не плава-етъ; къ этому Старо-Алгашинскому молодцу не асжало совѣтъ мое сердце, но отъ Божьяго опредѣленія не пришлось уйти: Божье опредѣленіе—все равно какъ запутавшіеся волосы, (Богомъ суженаго) никакими наговорами не отгадаешь, а вовсе Богомъ не суженный и безъ наговариваній отстанетъ.

14. Съ журчаніемъ течетъ вода между камышемъ и осокой; ахъ, кон-частся вѣкъ дѣвичій подъ бѣлой фатой!

15. Пуховая подушка, кумачовая наволочка. Лучше я не клади ся, не вѣстка, не сяду я на нее; ворота моего батюшки по русски (сдѣланы) луч-ше я не отворяй, братецъ, не выйду я.

16. Ситцевая рубаха не ноская, молодая моя головушка безталанная!

17. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, ни разу въ поле не выле-талъ, поля не видалъ; эти Старо-Алгашинскіе парни ни разу въ играхъ не бывали, дѣвушекъ не видали, кромѣ меня будто я дѣвушекъ не нашла.

18. Дождь идетъ, накрапываетъ, сквозь окошко вижу я; что не ви-дать мнѣ добра (замужемъ), это ясно вижу я.

19. Дождь идетъ, накрапываетъ, кто дастъ мнѣ кожу (накрыться)? чужь-чужанинъ не одинъ, я одна: кто вступится за меня?

20. Серебряное колечко не велико, главокъ его не изъ сердолика; мн не большіе люди, какъ другіе, мн не сможемъ понравиться людямъ.

21. Тихо—тихо колыхнется цвѣточекъ, желтый цвѣточекъ на улесчкѣ; когда съ улья слетитъ цвѣточекъ, красоту свою потеряетъ улей; ахъ, батюш-ка, ахъ матушка! Когда я уйду изъ нашего дома, онъ потеряетъ свою красоту.

22. Два—талера съ талеромъ (?) собираютъ цѣлмй базаръ, будучи девят-надцатилѣтней дѣвушкой, я собрала всю родню.

23. Среди дремучаго лѣса гнѣтъ кленовый брусокъ; ахъ, молодая моя головушка плачетъ—убивается въ чужомъ домѣ.

24. Батюшкинъ конь—гнѣдой конь, я нарочно велѣла его въ корень запрячь; зная, что родня у меня хорошая, я нарочно велѣла сдѣлать пол-ную свадьбу.

25. Ахъ, матушка моя, матушка, милый мой дружокъ! Живи мн съ тобою какъ двѣ птички въ одномъ гнѣздѣ.

26. По рѣчкѣ (стелется) туманъ: не разглядишь летающихъ птицъ; въ домѣ батюшки и матушки я не замѣтишь, какъ проходитъ вѣкъ.

27. Базарное веретено—новое веретено: пока не прядешь, не слышно его жужжанья; хорошъ-же оказался домъ, куда я иду: не успѣла еще я войти въ него, а обо мнѣ уже идутъ пересуды; съ мѣдными ободьями у васъ колеса, пусть слѣдъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный бубенчикъ, пусть звукъ его останется въ этой деревнѣ.

28. Ахъ, матушка моя, матушка: полонъ котелъ молока она повѣса-ла (кипятить), кленовыхъ дровъ подложила она, «пустъ кипитъ» думала

видно, она; за совѣтъ чужого выдала она меня, «пусть плачетъ» думала, видно, она.

29. Сизый—сизый голубочекъ, по крышѣ онъ бѣгаетъ, когда добѣжить до края крыши, «хлопъ!» ударяетъ обоими крыльями; ахъ, матушка моя, матушка! Когда выдастъ меня замужъ, «хлопъ!» ударитъ она обѣими руками (съ горя).

30. Равноцвѣтное стекло растрескалось вдоль и поперекъ; выдала (меня), пока я не успѣла подрости и войти въ разумъ, и не знаю я теперь, что мнѣ дѣлать.

31. Долго, долго шелъ снѣгъ, какъ это только стерпѣла земля! Ёли, ёли (осуждали) меня нынче люди, какъ это только стерпѣлъ Богъ!

32. Нашъ батюшка не богатый человекъ, а (все таки) есть у него пиво, которое варили цѣлыхъ три дня; старые-ли, молодые-ли, всѣ идите пиво пить.

33. Вышла изъ избы, поклонилась, отъ семьи своей отдѣлилась; изъ сѣней вышла, поклонилась, отъ родни своей отдѣлилась; изъ воротъ выѣхала, поклонилась, отъ сверстниковъ своихъ отдѣлилась; изъ деревни выѣхала, поклонилась, отъ одиосельчанъ своихъ отдѣлилась, за грань (родной земли) выѣхала, поклонилась, отъ родной земли отдѣлилась.

34. Черный кафтанъ сшила я, не говорите, что коротокъ. Видя и зная берете (меня), не говорите (послѣ), что плохая я.

35. Гриву вороного коня мѣднымъ гребнемъ расчесываютъ; суженаго моего молодца кто ни увидитъ, всѣ расхиваютъ.

36. Пока я идю, пока шагаю, какъ-бы ноженьки мои не поскользнулись; пока я прихожу въ возрастъ, какъ-бы головушка моя не пропала даромъ.

37. Течеть, журчить рѣченька, не по землѣ, а по камешкамъ. Ёшьте, пейте, родные, не въ такой мы бѣднотѣ, чгобы нечѣмъ было угощать васъ.

38. Во дремучемъ лѣсу грустно ходитъ молодецъ и дудки<sup>1)</sup> рветъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

39. Четырехугольнаго войлока, бѣлаго войлока<sup>2)</sup>, лучше не стелите, не сяду я; ахъ, батюшка, ахъ матушка! лучше и не берите четырехугольной подушки, я не сяду на нее, лучше и не отворяйте воротъ вашихъ, я не выѣду изъ этого дома.

40. Пока къ Волгѣ не доѣхала, сапогъ снимать не буду я; пока въ чужой домъ не приѣхала, чужимъ умомъ не буду я жить.

41. Двѣнадцать коралловъ въ водѣ, надо-бы ихъ собрать, но вода велика; ахъ, чего чего не говорила нынче про меня: отомстить-бы, но деревня велика!

42. На маленькомъ зугу два-три дня хотѣлось мнѣ покосить травки;

<sup>1)</sup> Общее названіе растений съ полыми стеблемъ.

<sup>2)</sup> Чуваши для гостей кладутъ на нарѣ войлокъ.

по милости батюшки и матушки хотѣлось посидѣть (въ двѣмцахъ) еще двѣ три годика.

43. Бѣлыхъ чулокъ не надѣвала я, по деревнѣ не шаталась я, родителей краснѣть не заставляла я, (добраго) имени своего не потеряла я.

44. Ходила я на базаръ, чтобы на двѣ копейки иголокъ купить, купить-то купила я, хорошо, какъ онѣ будутъ подходящи къ ниткамъ; выйти-то вышла я (замужъ) за чужого молодца, хорошо, какъ онъ не будетъ мною пренебрегать.

45. По всему моему пути—дороженькѣ льну понасыяно; домъ моего жениха наполненъ клеветой (на меня); ахъ, какъ только мнѣ войти въ него! Не пришлось-бы тяжеленько моей головушкѣ.

46. Не перешла-бы я черезъ Волгу, да на лодкѣ переправилъ меня, медомъ обманули (моего батюшку).

47. Если-бъ была я серебрянымъ колечкомъ, была-бы (всегда) на рукѣ своего батюшки, если-бы я была батюшкинымъ сыномъ, управляла-бы я батюшкинымъ домою.

48. Два платка въ одномъ кускѣ, ножницы разрѣзали, раздѣлили; неразрывные друзья мы были съ тобою, судьба вышла, раздѣлила.

49. Течеть рѣка полна воды, какъ-бы тяжеленько не пришлось берегамъ; иду за чужого молодца: какъ-бы трудненько не пришлось моей головушкѣ.

50. Холмъ низокъ, берега высоки, что дѣлать: не смогла я взойти. Отъ того, что суждено Богомъ и Равдѣлантелемъ, не смогла я уйти, что мнѣ дѣлать?

51. Оглобли ивъ таволги, конь гнѣдой, какъ-бы не оказались коротки оглобли; если домъ, куда я иду, окажется неудачнымъ, какъ-бы не оказался коротокъ мой вѣкъ.

52. Прошу здоровья у Бога, жду милости отъ Царя.

53. Когда летитъ лебедь, кому удавалось видѣть его ноги? Когда выходятъ (замужъ) за чужого парня, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

54. Косила сѣно я на островѣ, встрѣтила тамъ яблонное дерево, яблонное дерево безъ листьевъ, молодая моя головушка безаламна.

55. Гнѣдой мой конь безтолковый: тамъ, гдѣ не было дороги, дорогу проложилъ. Ахъ, эта несправедливость нашего батюшки: совѣтъ не во время дочь выдаетъ!

56. Черные, черные грачи на черной землѣ не насытились, обложили кругомъ нашъ домъ. Ну ужъ и люди поѣжжаны моего жениха: въ домѣ сватуна не насытились, заполонили домъ моего батюшки, головушки моей захотѣли.

57. Побѣжала я на рѣченьку, рассыпался у меня бисеръ; всякихъ бусъ у меня достаточно, нѣтъ только золотистыхъ бусъ; всякой родня здѣсь достаточно, только меня завтра здѣсь не будетъ.

58. По засоренному (?) мѣсту вода течетъ, для мытья рукъ она не годится, если-бы годилась для рукъ, отчего-бы не умытъ и лица? Въ домѣ

Батюшки и матушки вѣкъ сидѣть не годится: если-бы можно было сидѣть вѣкъ, отчего-бы не сидѣть мнѣ вѣкъ?

59. Батюшкинъ домъ—большой домъ, чужь—чужанинъ одолѣлъ его, я не вышла-бы изъ него, чужое богатство вывело меня.

60. Батюшкинъ домъ—орѣшникъ, въ орѣшникѣ орѣхи, подойду, бывало, и сорву (орѣшковъ); чужой домъ—дубрава, а въ дубравѣ змѣи: войдешь—шипять, выйдешь—шипять; какъ только войду я (въ этотъ домъ)?

61. Желтое ямчко покатила я, въ тинѣ оно потонуло; когда я войду въ чужой домъ, отъ влхъ рѣчей погибну я.

62. Ахъ, матушка моя, матушка! Капусту ты посадила, выростила, посади мѣста не нашла; дочь родила ты ровно куколку, выдать (замужъ) мѣста не нашла.

63. Встала рано не своей охотой, умыла личико не съ мыломъ, я выхожу не по своей волѣ, а по волѣ батюшки.

64. Снявши серебряное колечко, мѣдное колечко надѣла я; бросивъ молодца изъ своей деревни, за тридцать земель иду я.

65. Не взбивается куховая подушка, оттого, что наволочка тѣсна; не округляются мои груди, сттого, что въ горѣ росла съ малыхъ лѣтъ.

66. Я дергала на лугу невысокую травку, пока горсть моя не наполнилась; сидѣла я въ домѣ батюшки, пока душа его не насмѣялась.

67. Пестрядиную рубаху спида я, не скажите, что коротка; чужому парню угодила я, не скажите, что плоха.

68. Девять барановъ имѣвшій, безъ шубы часто остается; невѣсть строго выбирающій, безъ вдовы часто остается; Богъ съ немъ, со вдовой: хоть плохая, да пусть будетъ дѣвушка; пусть будетъ дѣвушка, да не бѣдная, пусть она ходитъ въ шелковѣ; пусть не будетъ износу шелковой рубахѣ, пусть не будетъ недостатка въ невѣстахъ въ этой деревнѣ.

69. Тихо-тихо колышется пѣточекъ, желтый цвѣточекъ на улесчкѣ, кажется, сейчасъ готовъ слетѣть; когда выходила я изъ дома батюшки, кажется, душа моя была готова вылетѣть.

70. Чтобы взлѣхать на крутую гору, надо имѣть коня съ мѣдными подковами, чтобы угодить чужимъ людямъ, надо чловѣка съ язькомъ ласточки.

71. Бѣлый платокъ okayмила я, думала, повяжу на масленицу; выростила я свой тонкій станъ, думала, выйду за своего деревенскаго молодца.

72. Летитъ стая лебедей, кому удалось видѣть ихъ ноги? когда выхлѣать за чужого милаго, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

73. Кустами растеть таволга, которая бѣлѣе, та и лучше; изъ всей родни въ этотъ день одна я больше всѣхъ.

74. Сидятъ желтая птичка (?) на крылечкѣ, голосъ ея слышно, но самой не видать; ахъ, батюшка, ахъ, матушка! поминуются ихъ имена, но самихъ не видать.

75. На высокую гору поднялась я, вѣчные снѣга видѣла я; ахъ, сестрица моя, сестрица! разъ на послѣдники прѣехала я, выбѣжали вы на улицу, желая встрѣтить сестричку свою.



76. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, не нашелъ себѣ дороги; эти чужіе молодыя не нашли дѣвушки, кромѣ меня.

77. Поемное стѣно словно яблоко, вятюшка мой словно баринъ; ягодки на лугу словно бусы, сестричка моя словно барыня.

78. Батюшкѣ моему деньги нужны, чужимъ людямъ—лишній человекъ для семьи нуженъ.

79. Батюшкинъ домъ шестидесятисаженный; бывало, не быстрѣе коня въ немъ бѣгаю, и все-таки угождала родителямъ; чужой домъ семидесятисаженный: хоть съ быстротою вѣтра бѣгай ты въ немъ, и все-таки не угодишь чужимъ людямъ.

80. Гдѣ-же это дикія утки? А между семью рѣками. Гдѣ-же это гогочутъ дикіе гуси? А между семью городами. Ахъ, матушка ты, моя матушка! Гдѣ-же это слышится голосъ твоей дочери? А въ домѣ чужихъ людей.

81. Черный шелковый поясокъ вокругъ талии обвился; въ двѣнадцать оборотовъ запястье вокругъ руки моей обвилось; съ волосами чужого молодца моя голова спуталась.

82. Шестьдесятъ досокъ, положенныхъ одна за другой вдоль, не удалось мнѣ пройти; семьдесятъ досокъ положенныхъ вдоль, не удалось мнѣ пройти; отъ немилаго молодца не удалось мнѣ избавиться.

#### № 4. Хёр суммисен йурри.

Ей хѣтаѣмъ, хѣтаѣмъ!  
 Ситѣ капан ыраш пур,  
 Аѣна сапма кин илет,  
 Савна сапса пѣтерсен  
 Кинне калле йарѣп тет.  
 Ну, тѣхлаѣѣмъ, тахлаѣѣ!  
 Ситѣ валашка вѣши пур,  
 Тѣват валашки хуртланнѣ,  
 Виѣ валашки шѣршланнѣ.  
 Савна сума кин илет,  
 Савна суса пѣтерсен,  
 Кинне вѣрсе йарѣп тет.  
 Уѣ—ха, ивѣ, пахѣѣна,  
 Куѣѣсту пуѣне курар-ха,  
 Ил-ха, йисна, сѣлѣвѣне,  
 Кукша пуѣна курар-ха;

Сѣлѣвѣне илсе пѣхсасѣн,  
 Навус сѣнѣп кѣмпа пек.  
 Арпалѣхра ларас-сѣе,  
 Арпа ѣавса ларас-сѣе,  
 Ах, йиснаѣмъ, йиснаѣмъ!  
 Куѣна ѣавса ларас-сѣе!  
 Куѣ хѣрпаххи пѣт вѣрѣмъ,  
 Савѣнна куѣне уѣаймаѣт.  
 Пуртѣ аври пек манки пур,  
 Хурт—пуѣси пек пыѣти пур;  
 Манки мѣш-мѣш тѣваѣ-сѣе,  
 Пыѣти вѣш-вѣш тѣваѣ-сѣе.  
 Ах, йиснаѣмъ, йиснаѣмъ!  
 Виѣѣ тѣрке пушѣтраи  
 Хѣрах сѣпата кѣларѣѣ,  
 Вѣл та пулин сулахай;

Сулахаѣ тарам-ѣѣ,  
 Вѣл та нулли пасарѣн.  
 Ах, анпаѣм, анпаѣм!  
 (*Хѣрѣн ѣатне асѣнасѣѣ*)  
 Виѣѣ пѣрѣѣ ѣѣтѣпрен  
 Керѣѣ бѣни кѣларѣѣ,  
 Вѣл та нулли шѣтѣкѣлѣ  
 (*Кѣрѣ ѣѣклесе тумѣ*)  
 Ана ѣѣрапѣ кукѣѣр,  
 Ппрѣн ѣѣсна сукѣѣр;  
 Суни пултѣр сѣрлѣ,  
 Ппрѣ сѣрсѣр кпрлѣ мар,  
 Ыѣсни пултѣр кукѣлѣ,  
 Ппрѣ сукѣѣр кпрлѣ мар.

Путѣр, путѣр! путене  
 Урпа ани пуѣѣнѣѣ,  
 Урпа пуѣсахѣ пит вѣрѣм,  
 Ѣавѣнна пуѣсне ѣлтаймаѣт;  
 Ах, ѣѣснаѣм, ѣѣснаѣм!  
 Кукѣ хѣрпаххѣ пит вѣрѣм,  
 Ѣавѣнна кукѣсне уѣсаймаѣт.  
 Путѣр! путер! путене  
 Ыѣвни тѣлне тупмаѣсѣр  
 Ѣерем сѣнѣѣ сѣр кѣснѣ;  
 Ах, ѣѣснаѣм, ѣѣснаѣм!  
 Ашшѣ кплѣ тупмаѣсѣр  
 Ѣѣр мунѣѣара сѣр кѣснѣ...

### № 5. Пѣсня дружѣѣѣ.

Ахъ, свѣтушка нашъ, свѣтушка! семь копѣнъ ржи у него, чтобы ихъ обмолотить, онъ беретъ себѣ сноху, а обмоловивши ихъ, назадъ онъ думаетъ прогнать сноху. Ну а свѣшенка наша, свѣшенка! семь корытъ немитаго бѣлья у нея, четыре корыта зачервивѣля, три корыта протухли, для стирки этого бѣлья сноху она беретъ, а выстиравши его, сноху думаетъ назадъ прогнать. Отопри-ка, тѣтенка, огородъ твой, мы посмотримъ на вилки твоей капусты, а снимки-ка ты, зятюшка, шапку твою, мы посмотримъ на плѣшивую твою голову, если снять шапку да посмотрѣть на твою голову, то она у тебя какъ грибокъ на п.возной кучѣ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! сидѣть-бы тебѣ въ мякинникѣхъ и шевыряться въ мякинѣхъ, продирая глаза свои! Рѣсницы у него очень длинны, потому онъ не можетъ открыть глазъ. Сопли у него съ топоряше, а виши величиной съ раковину; соплями своими онъ шмыгаетъ, а виши у него кишмя—кишать. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! изъ трехъ пучковъ лыка вышелъ у него всего одинъ лапотъ, да и тотъ на лѣвую ногу, да наплевать-бы, что на лѣвую, а главнос—вышелъ, точно на базарѣ сработанъ. Ахъ, сестричка ты наша, сестричка! (здѣсь поминають имя невѣсты) изъ трехъ волоконъ льна вышла у нея рубашка для молодого мужа, да не простая, а узорчатая (выткана съ узорами). Борозды на загонѣ кривыя, и зятюшка нашъ кривой. Сани (у нашего зятя) пусть будутъ крашенныя, намъ некрашенныхъ не надо, зять нашъ пусть будетъ зрячій, намъ кривого не надо. Пыть! пыть! (кричить) перепелка у ячменнаго загона, у ячменя колось очень длинный, потому не можетъ онъ поднять своихъ ко-

лосьевъ. Ахъ, аятюшка ты нашъ, зятюшка! рѣсницим у него очень длинным, потому не можетъ онъ открыть глазъ. Пыть! пыть! перепелка, не нашедши гнѣздышка, провела ночь на лужайкѣ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! не нашедши родительскаго дома, въ банѣ, вырмтой въ землѣ, провела ночь.

Необходимо замѣтить, что чувашская поэзія при переводѣ на русскій языкъ совершенно утрачиваетъ свою красоту. Извѣстно, что чувашскій языкъ, какъ языки и другихъ инородцевъ Волжско-Камскаго края, по своей конструкции не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ языкомъ, поэтому при переводѣ на русскій языкъ почти невозможно передать отгѣнки и идиотизмы чувашской поэзіи.

Въ чувашской поэзіи часто бросаются въ глаза отрывочность изложенія, безсвязность, неясность сравненій, странные переходы отъ одной мысли къ другой. Иногда встрѣчаются выраженія, не имѣющія дѣйствительнаго смысла. Объясняется это тѣмъ, что чувашаи весьма любятъ въ стихахъ созвучіе въ словахъ (аллитерація) и риму; при чемъ подъ риму они подгоняютъ слова не только въ концѣ, но часто и въ началѣ стиха. Изъ любви къ римѣ и созвучію они часто жертвуютъ и смысломъ пѣсни, и связностью построения.

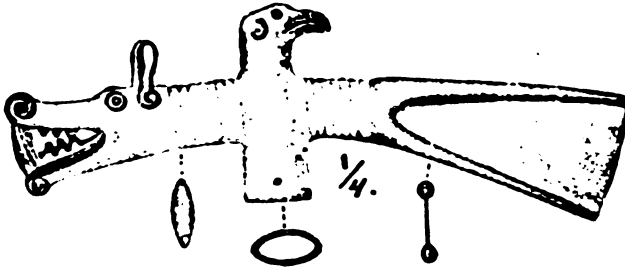
Священникъ *К. Прокопьевъ.*

# ЗАМѢТКА

Профессора А. А. Штукенберга.

Въ 1881 году мнѣ былъ доставленъ изъ Воткинскаго завода, находящагося въ Вятской губерніи, недалеко отъ праваго берега р. Камы, очень интересный боевой топоръ, украшенный изображеніями головъ хищной птицы и дракона. Я откладывалъ описаніе этого топора въ ожиданіи болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой находкѣ, но, къ сожалѣнію, мои ожиданія не оправдались до настоящаго времени. Теперь, какъ и тогда, мнѣ остаются неизвѣстными условія, при которыхъ былъ найденъ этотъ топоръ.

Боевой топоръ, доставленный изъ Воткинскаго завода, отлитъ изъ мѣди; онъ имѣетъ довольно значительные размѣры и раздѣленъ средней осью на переднюю и заднюю части. Средняя, осевая часть этого боеваго топора оканчивается книзу втулкой, которой онъ насаживался на деревянную палку. Для болѣе прочнаго прикрѣпленія къ деревянной палкѣ, длина которой, вѣроятно, достигала 1, 25 или 1, 5 аршина, на втулкѣ съ правой и лѣвой стороны сдѣланы отверстія, въ которыхъ могли быть вбиваемы гвозди. Кверху средняя, осевая часть оканчивается головой хищной птицы съ рѣзко загнутымъ клювомъ. Голова птицы украшена съ обѣихъ сторонъ выдающимися кружками, долженствующими изображать глаза,



и выпуклыми спиральками, представляющими уши. Передняя часть топора, 17 см. длиною, постепенно уширяется и оканчивается лезвиемъ длиною въ 7 см.; она ограничена съ верхней и нижней сторонъ нѣскольکو уширяющимися валиками. Задняя часть топора—обухъ, длиною 12 см., изображаетъ голову дракона съ открытой пастью, вооруженной спереди двумя клыковидными зубами, а сзади тремя плоскими зубами. Голова дракона украшена, кромѣ того, стоящими торчкомъ ушами и большими круглыми глазами. Въмѣсто носа и подбородка съ обѣихъ сторонъ передней части головы дракона помѣщены двѣ плоскія спирали. Эти спирали соединены валикомъ, ограничивающимъ пасть дракона. На передней и задней частяхъ съ обѣихъ сторонъ, около средней осевой части, имѣющей въ ширину 3 см., проходятъ по 7 параллельныхъ бороздъ. Втулка для насаживанія этого топора на древо имѣетъ эллипсоидальное очертаніе. Продольный діаметръ ея 3, 5 см. Общая длина боевого топора, найденнаго около Воткинскаго завода, около 32 см., а длина средней осевой части 10 см.

Насколько мнѣ извѣстно, подобные боевые топоры были находимы въ Архангельской губерніи. Какъ боевое оружіе, они, конечно, не могли имѣть серьезнаго значенія. Очень вѣроятно, что эти топоры представляли въ то же время знаки власти. На прилагаемомъ рисункѣ боевой топоръ, найденный въ Воткинскомъ заводѣ, изображенъ въ  $\frac{1}{4}$  натуральной величины.

# О НОВОЙ НАХОДКѢ СЛѢДОВЪ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ УРАЛЬ- СКИХЪ РУДНИКОВЪ.

И. Кротова.

Слѣды доисторической разработки минеральныхъ богатствъ Урала, Алтая и другихъ мѣстностей Сибири уже давно извѣстны. Относительно Алтая, напр., извѣстно, что когда русскіе въ 16 столѣтіи ознакомились съ металлическими богатствами его, неизвѣстными мѣстнымъ жителямъ того времени, то они нашли, что нѣкоторыя мѣсторожденія рудъ на Алтаѣ уже разработаны до глубины 10—15 метровъ и самыя разработки ихъ уже завалены. При расчисткѣ этихъ старыхъ рудничныхъ работъ были найдены и самыя инструменты, которыми производились прежде рудничныя работы. Это—кивья и долота изъ камня и оленьяго рога, своего рода заступы и кирки изъ того же матеріала. Тутъ же находимы были и мѣдныя орудія этого рода, а также кучи старыхъ шлаковъ съ содержаніемъ въ нихъ до 2%, мѣди и плавильныя тигли. Такого рода слѣды древнихъ подземныхъ работъ доисторическаго человѣка въ Россіи получили названіе *чудскихъ копей*, по имени полуменческой чуди, которой приписывается доисторическая разработка рудъ на Уралѣ и Алтаѣ. По общему мнѣнію, при этихъ работахъ чуда добывала нужную для нихъ культурныхъ потребностей *мѣдь*.

Подобнаго рода указанія на доисторическую разработку минеральныхъ богатствъ Урала были найдены минувшимъ лѣтомъ

въ Кыштымской горпозаводской дачѣ, въ среднемъ Уралѣ. Въ этой дачѣ, верстахъ въ 10—12 къ юго-западу отъ Кыштымскаго завода находится Кыштымскій желѣзный рудникъ, на которомъ добывается бурый желѣзнякъ. При горныхъ работахъ на этомъ рудникѣ минувшимъ лѣтомъ былъ найденъ въ поверхностной глинѣ, на глубинѣ  $3\frac{1}{2}$ , арш. своеобразный предметъ, который и былъ доставленъ управляющему Кыштымскими горными заводами П. М. Карпинскому, давшему мнѣ возможность познакомиться съ этой находкой, въ бытность мою въ то время въ Кыштымѣ. Этотъ предметъ имѣетъ удлиненную, неправильную четырехъ—угольную форму, до 46 сант. длины и 28 сант. ширины, а толщина его около 0,5 сант. Хотя край его въ цѣлости не сохранился, но тѣмъ не менѣе ясно видно, что одинъ длинный конецъ его имѣлъ довольно правильно полукруглую форму, а противоположный конецъ въ средней своей части имѣлъ довольно широкій отростокъ, въ настоящее время отчасти обломанный. Ближе къ этому концу, въ среднихъ частяхъ этого предмета находится четыре небольшихъ отверстія, хорошо высверленные и расположенныя по два въ симметрическомъ порядкѣ. Все вышесказанное дало мнѣ основаніе предположить, что эта находка представляетъ лопату, имѣвшую прежде длинную, можетъ быть, деревянную рукоятку, которая привязывалась нптями или жилами, продѣвавшимися въ четыре вышеупомянутыя отверстія. Одна широкая поверхность этой лопаты была едва замѣтно плоско вогнутая и довольно гладкая, а противоположная широкая сторона имѣетъ всѣ свойства поверхности рога лося, въ чемъ я убѣдился непосредственнымъ сличеніемъ этой находки съ лосинымъ рогомъ.

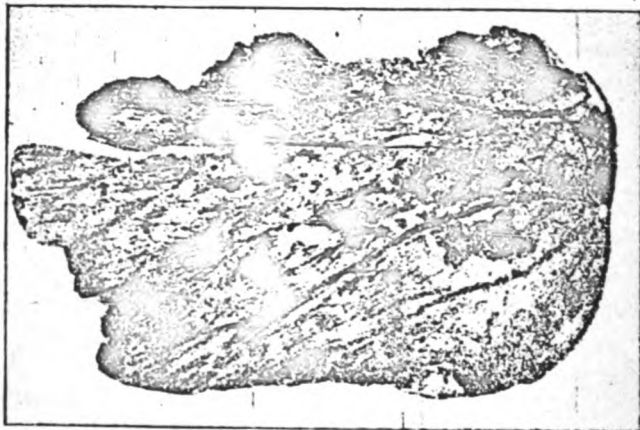
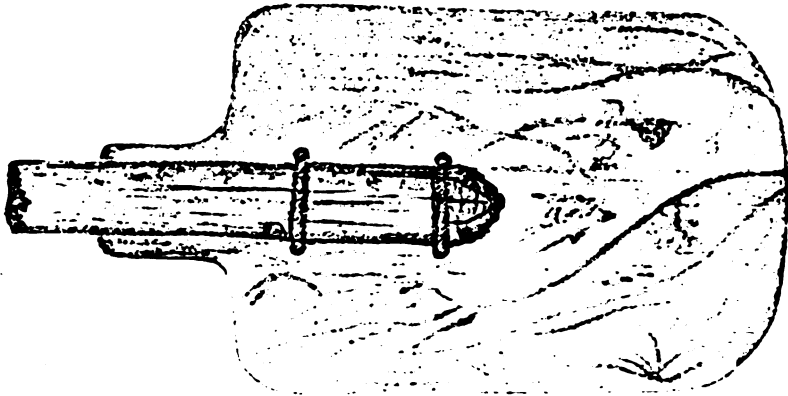
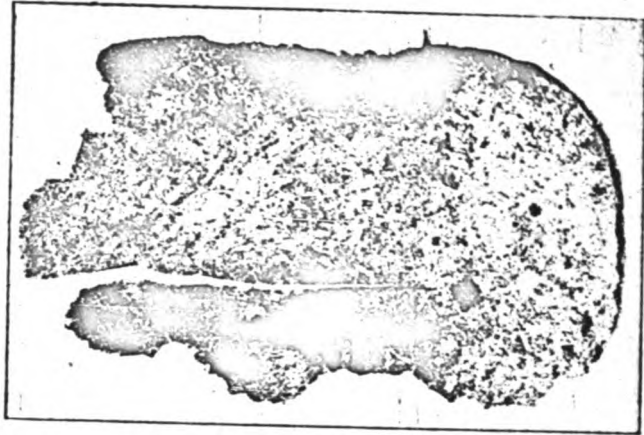
Итакъ это — лопата изъ лосиного рога, очевидно, судя по мѣсту и условіямъ находки ея, употреблявшаяся при былой разработкѣ выѣшняго Кыштымскаго рудника. Я не вижу основаній полагать, что есть или была нужда теперь или недавно употреблять при разработкѣ уральскихъ желѣзныхъ рудниковъ подобныя роговыя лопаты. Напротивъ, въ виду нахождения подобныхъ роговыхъ орудій въ другихъ мѣстностяхъ, при аналогичныхъ же условіяхъ, позволительно думать, что здѣсь

мы имѣемъ дѣло съ орудіемъ довольно древнимъ, употреблявшимся въ былое, доисторическое время при рудничныхъ работахъ въ мѣстности нынѣшняго Кыштымскаго рудника. Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ на Уралѣ была рудная копь, аналогичная чудскимъ копиямъ Алтая и проч.

Но здѣсь есть одна сторона, которая довольно существенно отличаетъ вновь открытую копь отъ такъ называемыхъ чудскихъ копей. По общему мнѣнію, въ чудскихъ копияхъ добывалась мѣдь, здѣсь же, повидимому, желѣзная руда, такъ какъ въ настоящее время здѣсь добывается желѣзная руда, а не мѣдная, и о нахожденіи въ этой мѣстности Урала мѣдныхъ рудъ свѣдѣній не имѣется.

Здѣсь прилагаются два фотографическихкія снимка съ этой лопаты и реставрированный рисунокъ ея. При этомъ считаю нужнымъ добавить, что имѣющаяся на этой лопатѣ трещина произошла недавно, очевидно отъ высыханія, такъ какъ первоначально этой трещины не было.







## ПАМЯТИ

**Александра Алексѣевича Дмитріева.**

(† 1-ю іюня 1902 г.)

Въ іюнь мѣсяцѣ настоящаго года Пермскій край по-  
песъ тяжелую утрату въ лицѣ рано скончавшагося изслѣдо-  
вателя этого края А. А. Дмитріева. Александръ Алексѣевичъ  
родился 22 февраля 1854 года въ заштатномъ городѣ Дедю-  
хинѣ, находящемся въ 25 верстахъ отъ г. Соликамска, гдѣ  
его отецъ былъ Совѣтникомъ Казеннаго Солянаго Правленія.  
По окончаніи курса въ Пермской Гимназіи, покойный въ  
1872 году поступилъ въ Казанскій Университетъ на истори-  
ко-филологическій факультетъ, который окончилъ въ 1876 го-  
ду. Официальный формулярный списокъ Александра Алек-  
сѣевича очень не сложенъ. Онъ былъ сначала преподавателемъ  
пермскихъ мужской и женской Маринской гимназій, а за-  
тѣмъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Гораздо сложнѣе  
неофициальный, ученый формуляръ покойнаго. Мы беремъ  
его съ первыхъ страницъ его „Пермской Старины“. Александръ  
Алексѣевичъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя и прави-  
телемъ дѣлъ Пермской Ученой архивной Комиссіи, редак-  
торомъ ея „Трудовъ“, затѣмъ предсѣдателемъ ея, членомъ-  
сотрудникомъ С.-Петербургскаго археологическаго института,  
членомъ-корреспондентомъ Финляндскаго общества Археоло-  
гіи въ Гельсингфорсѣ, членомъ Ростовскаго музея церковныхъ  
древностей, Тобольскаго Губернскаго музея и др. ученыхъ

учрежденій и обществъ. Покойный былъ дѣйствительнымъ членомъ и членомъ-сотрудникомъ общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ.

Историко-археологическая подготовка Александра Алексѣевича началась еще на университетской скамьѣ въ 1874—1876 г.г. подъ руководствомъ молодого тогда профессора Д. А. Корсакова. Александръ Алексѣевичъ два года занимался изученіемъ Русскихъ Лѣтописей, въ частности Новгородскихъ; въ то же время онъ основательно познакомился съ изданіями археографической комиссіи, Собраніемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ и другими архивными изданіями, обильно выходящими изъ печати въ то время. Двухгодичная спеціальная работа надъ историческими памятниками привела Александра Алексѣевича, какъ уроженца Пермскаго края, къ мысли заняться когда нибудь спеціально исторіей края, входившаго нѣкогда въ составъ новгородскихъ владѣній.

Обстоятельства помогли ему исполнить свое намѣреніе. Въ 1880 году Александръ Алексѣевичъ опредѣленъ преподавателемъ исторіи и географіи въ Пермскую Гимназію. Условія оказались подходящими для изученія мѣстной исторіи. Пользуясь руководствомъ знатоковъ мѣстной исторіи Д. Д. Смышляева и Н. К. Чупина, покойный приступилъ къ самостоятельнымъ трудамъ по разработкѣ исторіи Пермскаго края. Въ своихъ ученыхъ историко-археологическихъ занятіяхъ онъ держался экскурсіальнаго приѣма мѣстныхъ изслѣдованій. Учебная служба позволяла ему пользоваться капикулярнымъ временемъ для своихъ завѣтныхъ занятій. Безъ всякихъ пособій съ чьей бы то ни было стороны, при весьма ограниченномъ учительскомъ жалованіи, Александръ Алексѣевичъ умѣлъ просто урывками заниматься излюбленнымъ предметомъ. Какъ частный человекъ, онъ иногда ѣхалъ на удачу. Этотъ приватный характеръ сказался въ его ученыхъ маршрутахъ. Не въ правительственныхъ учрежденіяхъ, а у частныхъ лицъ онъ искалъ и часто находилъ весьма цѣнные акты даже XVII вѣка. Восемь частныхъ экскурсій безкорыст-

пому излѣдователю стоили до 3000 рублей. Это вѣдь цѣлый капиталъ для небогатаго учителя гимназiи!

Пермскіе архивы и библіотеки не удовлетворяли все болѣе и болѣе развивавшихся интересовъ Александра Алексѣевича. Онъ ѣдетъ въ Москву и Петербургъ для знакомства съ историческими столичными достопримѣчательностями. По пути онъ заѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ, во Владиміръ на Клязьмѣ, въ Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Кострому, и вездѣ онъ знакомился съ историческими древностями и достопамятностями и находилъ полезныхъ себѣ людей. Покойный нѣсколько разъ посѣщалъ Казань съ той же ученой цѣлью.

Восьмилѣтнія (1881—1888 г.г.) ученые скитанія Александра Алексѣевича не были безрезультатны. Плодомъ ихъ было до 40 статей по исторiи обширнаго края, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ и повременныхъ изданiяхъ. Большинство этихъ статей вошло въ капитальный сборникъ „Пермская Старина“, въ восьми выпускахъ, изданный всецѣло на средства самого автора. Впрочемъ, статьи по географiи и этнографiи края не вошли въ Сборникъ.

Первый выпускъ „Пермской Старины“ вышелъ въ 1889 году съ заглавіемъ „Древности бывшей Пермн Великой (до XVII вѣка)“; онъ содержитъ въ себѣ историко-археологическую монографію о Пермн Великой. Первой выпускъ составленъ вновь и служитъ какъ бы введеніемъ въ обширный сборникъ „Пермской Старины“. Второй выпускъ вышелъ въ 1890 году съ заглавіемъ „Пермь Великая въ XVII в.“

Были у покойнаго жалкіе завистники изъ чиновниковъ Оренбургскаго Учебнаго округа. Эта зависть весьма тревожила Александра Алексѣевича и каждую минуту заставляла его задумываться надъ печальной необходимостью оставить службу при гимназiи. Не сразу, но все же А. А. оставилъ гимназію. Видимо, преподаватель гимназiи, по взгляду высшаго начальства, въ своихъ познанiяхъ, хотя бы по спеціальному предмету, но долженъ былъ выходить изъ рамокъ учебника и заниматься какой-то археологіей и археографіей, не входящими въ гимназическую программу. Тѣмъ не менѣе

Александръ Алексѣевичъ не оставлялъ своихъ ученыхъ изслѣдованій по изученію исторіи Пермскаго края.

Въ 1888 году учреждается въ Перми Губернская Ученая Архивная комиссія. Александръ Алексѣевичъ избранъ въ правители дѣлъ ея. Обязанность весьма сложная. Вновь учрежденная Комиссія первые годы дѣйствовала весьма успѣшно. Она организовала музей и выставку археологическихъ коллекцій и предметовъ древности Пермскаго края. Александръ Алексѣевичъ въ первое время принималъ самое дѣятельное участіе въ занятіяхъ Комиссіи. Съ 1890 года начинаютъ выходить „Труды Пермской ученой Архивной Комиссіи,“ весьма богатые матеріалами по археологіи и исторіи края.

У Александра Алексѣевича получается полная возможность расширить кругъ дѣятельности на поприщѣ мѣстной археологіи. Подъ его редакціей выходятъ первый (1892 г.) и второй (1893 г.) выпуски „Трудовъ Пермской Ученой архивной Комиссіи“. Покойный трудился не только надъ редактированіемъ, но и надъ составленіемъ весьма цѣнныхъ трудовъ Комиссіи. Напр., во II выпускѣ „Трудовъ“ имъ издана впервые въ полномъ видѣ „Пермская книга воеводы Прокопія Елизарова по вотчинамъ Строгоновыхъ 1647 г.“, имѣющая значеніе источника первостепенной важности для исторіи колонизаціи Пермскаго края. Тамъ помѣщены и другія статьи его. Будучи предсѣдателемъ и редакторомъ трудовъ Пермской Ученой Архивной Комиссіи, Александръ Алексѣевичъ продолжалъ самостоятельно издавать „Пермскую Старину“, которая является уже не перепечаткой прежнихъ его статей, а систематическимъ изслѣдованіемъ Пермской исторіи XVII в.

Въ 1890 году Александръ Алексѣевичъ оставляетъ службу въ Пермской гимназіи съ ея однообразіемъ и замкнутостью, какъ выражается онъ самъ, и по собственному желанію переходитъ на службу въ инспектора народныхъ училищъ въ г. Соликамскъ. Должность инспектора народныхъ училищъ оказалась благотворной для его археографическихъ и историческихъ занятій. Онъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ велъ положительно свитальческую жизнь, исколесивъ весь Соли-

камскій уѣздъ (около 25,800 квадр. верстъ). Тутъ онъ попалъ въ частный архивъ Дубровиной, владѣлицы солеваренъ. Архивъ оказался драгоцѣннѣйшимъ: онъ содержалъ въ себѣ сборники писцовыхъ книгъ Соликамскаго уѣзда. На основаніи этихъ новыхъ матеріаловъ составленъ III выпускъ „Пермской Старины“ съ заглавіемъ: „Эпопомпическіе очерки Перми Великой (Чердынскій и Соликамскій уѣзды на рубежѣ XVI и XVII вѣка).“

Съ 1891 года Александръ Алексѣевичъ состоялъ инспекторомъ народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда. Въ Перми для него широко раскрылись двери мѣстныхъ библиотекъ. Этимъ счастливымъ поворотомъ въ своей жизни А. А. обязанъ вниманію къ его трудамъ академиковъ Аванасія Θεодоровича Бычкова и Леонида Николаевича Майкова, стоявшихъ тогда во главѣ Императорской Публичной Библиотеки. Но и Пермь со своими библиотеками не удовлетворяла Александра Алексѣевича. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ въ ноябрѣ 1898 года пишущему эти строки: „Премного благодаренъ Вамъ за доставленіе мнѣ вашихъ „Русскихъ Епархій“ тома 1-го. Эта книга по массѣ собранныхъ въ ней данныхъ мнѣ очень полезна, потому что мои занятія пермской стариной частью соприкасаются съ ней. Живя въ далекой *безкнижной* (курсивъ нашъ) Перми, я часто испытываю большія затрудненія въ пособіяхъ, коихъ требуется мнѣ весьма много, а на мѣстѣ доставнешъ мало. Въ этомъ смыслѣ каждый новый трудъ, подобный вашему, мнѣ имѣть необходимо постоянно подъ руками . . . . , который много разъ сослужитъ и мнѣ добрую службу“<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Письмо получено авторомъ «Русскихъ Епархій... т. 1» послѣ того, какъ онъ выслалъ почтеннѣйшему А. А. Дмитріеву свою книгу, какъ специалисту по исторіи Пермскаго края въ надеждѣ получить отзывъ о книгѣ и замѣчанія на нее. Авторъ не ошибся. Онъ получилъ и то и другое. Александръ Алексѣевичъ серьезно отнесся къ нашей работѣ и сдѣлалъ весьма существенныя поправки въ ней, о чемъ см. въ концѣ настоящей записки, посвященной памяти покойнаго.

Александръ Алексѣевичъ до конца своихъ дней не оставлялъ ученыхъ занятій, издавая „Пермскую Старину“; послѣдній VIII-й выпускъ ея вышелъ въ 1900 году. Помимо составленія и изданія на собственные средства обширнаго сборника „Пермской Старины“, онъ не отказывался помогать всѣмъ работникамъ по исторіи Пермскаго края. По смерти инициатора Сборника „Пермскій край“<sup>1)</sup> Д. Д. Смышляева кружокъ его почитателей въ 1895 году издалъ въ память покойнаго III томъ „Пермскаго Края“. Редактированіе его взялъ на себя тотъ же Александръ Алексѣевичъ, который въ первыхъ томахъ этого сборника помѣстилъ нѣсколько своихъ статей, состоя дѣйствительнымъ членомъ Комитета.

Дѣятельность Пермской Ученой Архивной Комиссіи постепенно слабѣла. Причина печальнаго явленія заключалась въ томъ, что горьдъ и земство перестали давать средства на ученныя изданія трудовъ. Прекратилось даже печатаніе отчетовъ. Александръ Алексѣевичъ, состоявшій въ 1894 г. редакторомъ трудовъ Комиссіи, откачнулся отъ дѣятельности, точнѣе отъ бездѣятельности ея, будучи занятъ своими специальными трудами „Пермской Старины“. Вотъ что онъ писалъ о Пермской Комиссіи въ 1897 году. „Пермская Ученая Архивная Комиссія, находящаяся въ хвостѣ у другой, главенствующей, такъ называемой Пермской же Комиссіи Уральскаго общества любителей естествознанія“ (что въ Екатеринбургѣ), послѣ четырехлѣтняго издательскаго отдыха разрѣшается наконецъ 3-мъ выпускомъ своихъ „Трудовъ“. Названіе „Архивной“ эта комиссія мало оправдываетъ, такъ какъ главная ея дѣятельность археологическая..... Главная задача Архивной Комиссіи-разработка мѣстныхъ архивовъ почти не двигается впередъ. Надо полагать, что таковой оригинальной „архивной“ Комиссіи нѣтъ во всей Россіи“.<sup>2)</sup> Очевидно, Александръ Алексѣевичъ не сочувствовалъ гробовопательству и землеройству.

<sup>1)</sup> „Пермскій Край“ издавался Губернскимъ статистическимъ Комитетомъ.

<sup>2)</sup> Пермская Старина, выи VII, Библиогр. Указатель, стр. VIII—IX.



Онъ стоялъ за историко-археографическую постановку занятой архивныхъ комиссій. Самъ онъ всегда оставался вѣрнѣе своихъ взглядамъ.

Дѣятельность Пермской Ученой архивной Комиссій снова возродилась въ 1900 году, когда и вышелъ 4-й выпускъ ея „Трудовъ“. Въ этомъ послѣднемъ выпускѣ самое видное мѣсто по отдѣлу исторіи мѣстнаго края принадлежитъ опять тому же Александру Алексѣвичу. Ему принадлежатъ три статьи: „По поводу столѣтія Пермской Епархіи,“ „Чердынскій Синодикъ“, „Слѣды Русскихъ поселеній въ Перми Великой до появленія Строгановыхъ“. Но главнымъ трудомъ Александра Алексѣвича былъ и всегда останется его учений Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, преимущественно о Пермскомъ Краѣ, именуемый „Пермская Старина“. Четвертый выпускъ ея подъ заглавіемъ „Строгановы и Ермакъ“ вышелъ въ 1892 году, пятый—„Покореніе Угорскихъ земель и Сибири“ въ 1894 г., шестой—„Первые годы послѣ Ермака и смутное время“—въ 1895 г., седьмой—„Верхотурскій край въ XVII вѣкѣ. Къ 300 лѣтію Верхотурья“—въ 1897 г., восьмой—„Къ исторіи зауральской торговли. Башкирія при началѣ русской колонизаціи“—въ 1900 году.

Восьмымъ выпускомъ закончился II томъ „Пермской Старины“. По первоначальному плану „Пермской Старины“ должно быть 12 выпусковъ въ III томахъ. Но недостаткъ времени, матеріальныя затрудненія и отсутствіе поддержки заставили неутомимаго труженика и безкорыстнаго изслѣдователя отложить дальнѣйшіе труды. Особенно огорчила Александра Алексѣвича рецензія г. Адрианова на пять выпусковъ „Пермской Старины“, представленныхъ на соисканіе Уваровской преміи. Сужденіямъ рецензента недостаетъ научнаго безпристрастія. Г. Адриановъ взялся за рецензію безъ достаточныхъ знаній въ той области, въ которой Александръ Алексѣвичъ былъ полнымъ специалистомъ. Въ VII выпускѣ „Пермской Старины“ покойный отвѣчалъ своему суровому критику и со

всей очевидностью опровергъ поправки рецензента, которыя справедливо названы въ отвѣтъ А. А. „пелѣпостями“. Плохую услугу оказали г. Адриановъ себѣ и Академіи Наукъ, взявшись криво судить о правомъ дѣлѣ. А главное—онъ весьма огорчилъ безкорыстнаго труженика. Александръ Алексѣевичъ все таки продолжалъ свои занятія, но не безъ нѣкотораго опасенія получить новые подобныя сюрпризы и поощренія за свои долготѣіе безмездные пруды. На восьмомъ выпускѣ прекратилось несомнѣнно полезнѣйшее изданіе „Пермской Старины“. Но для Александра Алексѣевича было достаточно и того, что онъ сдѣлалъ, благодаря своей эпергіи и безкорыстію.

Помимо многострадальной „Пермской Старины“ его перу принадлежатъ: „Очерки по исторіи губернскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 г. съ приложеніемъ лѣтописи города Перми съ 1845 до 1890 годъ (I—VII + 1—363 стр.) 1889 года“; брошюра „Историческій очеркъ развитія народнаго образованія въ г. Перми и въ Пермскомъ уѣздѣ“, написанная по поводу 25-лѣтія земскихъ училищъ, 1895 г. и мн. другія. Характерной чертой Александра Алексѣевича, какъ историка и изслѣдователя, была отзывчивость его на всякое событіе, касающееся Пермскаго Края. Ни одинъ, даже самый маленькій юбилей не проходилъ, чтобы покойный не отозвался на него въ печати. Всѣ дѣятели мѣстнаго края на общественномъ и литературномъ поприщѣ находили въ немъ достойнаго цѣнителя при жизни и по смерти. Памяти ихъ Александръ Алексѣевичъ посвящалъ горячія статьи. Укажемъ для примѣра замѣтки: „Къ полулѣтковой годовщинѣ смерти Петра Андреевича Словцова“, изслѣдователя Сибири, отлично знавшаго и Пермскій край, особенно Зауралье, и „Памяти Владимира Владимировича Голубцова“, знатока Пермскаго края. Обѣ замѣтки помѣщены въ Сборникѣ „Пермскій Край“ т. II. Онъ помянулъ также Дмитрія Дмитріевича Смышляева, Ивана Васильевича Вологодина, Егора Ивановича Красноперова и др. Одинъ перечень статей и отдѣльныхъ изданій, принадлежащихъ перу Александра Алексѣевича, займетъ не одну страницу. Мы не называемъ ихъ; онѣ перечислены самимъ авторомъ въ би-

біографическомъ указателѣ „Пермской Старины.“ Его статья „Древній Булгаръ и татарскія о немъ преданія“, напечатанная первоначально въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ 1888 г. №№ 180 и 181, перепечатана въ „Извѣстіяхъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ т. VII, 1889. Въ тѣхъ же „Извѣстіяхъ“ были напечатаны его статьи: „Забитый трудъ Писова о Строгановыхъ и Ермакѣ“ 1897 г. т. XIV, вып. 2, и „Бучумъ Пскерь на Иртышѣ“ 1900 г. т. XVI, вып. 2.

Александръ Алексѣевичъ зналъ положительно всю литературу, касающуюся Пермскаго края. Онъ постоянно слѣдилъ за новыми изданіями и отмѣчалъ ихъ въ біографическомъ отдѣлѣ „Пермской Старины“. Александръ Алексѣевичъ былъ всегда скромнень въ своихъ отзывахъ о чужихъ трудахъ. У него наблюдается даже своеобразная манера отзываться о чужихъ трудахъ. Понимая, что рецензія особенно интересна самимъ авторамъ, Александръ Алексѣевичъ направлялъ ее часто непосредственно къ составителямъ изслѣдованія въ формѣ письма. Мы собственнымъ примѣромъ можемъ подтвердить сказанное. Александръ Алексѣевичъ оказался единственнымъ человѣкомъ, который, получивъ даровой экземпляръ нашего изслѣдованія „Русскія епархіи въ XVI—XIX в.“ (т. I, XVI—XVII вв.) Казань. 1897 года, сдѣлалъ серьезныя поправки, касательно епархіальнаго устройства Пермскаго края. Такъ какъ эти поправки неизвѣстны въ печати, то мы предлагаемъ ихъ вниманію читателей въ настоящей статьѣ.

Замѣтки на книгу И. М. Покровскаго: «Русскія Епархіи XVI—XVII вв. т. I. Казань 1899 г.

1) При опредѣленіи границъ Пермь Великой въ XVI вѣкѣ, приведенныхъ авторомъ по «Пермской Старинѣ» (вып. I, стр. 142—143), гдѣ онѣ, въ свою очередь, указаны по Писцовымъ Книгамъ 1579 г. и другимъ первоисточникамъ для исторіи Пермь Великой, — г. Покровскій на стр. 118, въ подстрочномъ примѣчаніи, совершенно напрасно добавилъ слова: «Въ указанныхъ границахъ можно разобратъся по картѣ Екатеринбургскаго вѣдомства 1736 г., приложенной при второмъ томѣ сочиненія Смышляева «Пермскій Край. Пермь. 1893 г.»

Могу увѣрить автора, что по этой картѣ, первоначально составленной въ 1734—36 г.г. и изданной въ копіи Ловансія Кичигина 1744 года, наоборотъ, можно затемнить, а не уяснить себѣ границы Перми Великой, каковой въ тѣ времена уже не существовало въ ея старыхъ границахъ XVI вѣка, которыя далеко не совпадали съ административнымъ раздѣленіемъ той же территории въ XVIII вѣкѣ. Гораздо лучше было бы въ данномъ случаѣ сослаться, кромѣ I-го, и на II-й выпускъ моей «Пермской Старины», гдѣ указаны по источникамъ до мелкихъ подробностей и всѣ послѣдовательныя перемѣны въ этихъ границахъ, а также на мою работу: «Историческій очеркъ Пермс. Края» (краткій, но общій для всего обширнаго края) въ изданіи Пермскаго губернскаго вѣдства: «Обзоръ Пермскаго края» т. I-й и въ особыхъ оттискахъ, Пермь. 1896 г. Въ этой общей работѣ указана и взаимная зависимость всѣхъ городовъ Пермскаго края и сопредѣльныхъ съ нимъ за нѣсколько столѣтій, что важно и для историка церкви, почему я рѣшаюсь предложить эту работу вниманію автора «Русскихъ епархій».

2) На стран. 121 своего труда г. Покровский приводитъ подробно, опять по «Пермской Старинѣ» вып. II-й, административное раздѣленіе Перми Великой «ко второй половинѣ XVII вѣка», тогда какъ это дѣленіе было уже въ самомъ началѣ того вѣка. Перечисливъ, согласно со мною, шесть отдѣльныхъ частей Перми Вел., авторъ замѣчаетъ: «Указаны только 3 главныхъ монастыря Вел. Перми, тогда какъ во второй полов. XVII в. тамъ ихъ было больше». Но у меня состояніе каждой части Перми Вел. разсматривается отдѣльно въ 1-й и во 2-й половинѣ XVII в., при чемъ не трудно было усмотрѣть, что и въ первой половинѣ этого вѣка я рельефно отмѣтилъ особенное колонизаціонное значеніе Соликамскаго Вознесенскаго монастыря, важнѣйшаго во всей Перми Великой послѣ Пыскорскаго, но въ самомъ началѣ XVII в. еще не имѣвшаго своихъ отдѣльныхъ вотчинъ, стоявшаго въ чертѣ города, поему отдѣльно мною и не упомянутого при перечисленіи составныхъ частей Перми Вел. въ самомъ началѣ XVII вѣка. Но г. Покровскому при перечисленіи тѣхъ же частей территорій уже «ко второй половинѣ вѣка» обязательно было включить Соликамскій Вознесенскій монастырь въ число важнѣйшихъ въ Великопермскомъ Краѣ, чего однако онъ не сдѣлалъ едва-ли по моей винѣ. Во II вып. моей «Пермской Старины» этому монастырю посвящены страницы 112—124 (состояніе его въ 1-й половинѣ вѣка) и далѣе 209—221 (сост. во 2-й его половинѣ). Желательно, чтобы этотъ пробѣлъ былъ восполненъ въ трудѣ г. Покровскаго, въ которомъ и далѣе этого важнѣйшій послѣ Пыскорскаго монастырь Перми Великой не упомянуть ни словомъ.

3) Въ главѣ III: «Сибирская церковь» совсѣмъ не видно пользованія V, VI и VII выпусками «Пермской Старины»; между тѣмъ въ нихъ приводится много новыхъ свѣдѣній о Пермскомъ Зауральѣ и въ частности о Верхотурьѣ и его обширномъ уѣздѣ. Не указывая разныхъ фактовъ изъ гражданской исторіи Сибири, съ толкованіемъ коихъ авторомъ «Русскихъ епархій» я не согласенъ, отмѣчу лишь снова повторенную ошибку въ гео-

графическомъ положеніи Введенскаго монастыря за Ураломъ на р. Нейвъ, тогда какъ онъ былъ по сѣ сторону Урала на р. Яйвъ—(См. у г. Покровскаго стр. 514, строка 4-я снизу; у меня въ VII вып. «Перской Старинѣ» стр. 139).

4) Подобныя же историко-географическія неточности оставилъ авторъ безъ подстрочныхъ исправленій и оговорокъ и въ приложеніи II: «Вѣдомость о монастыряхъ»... и т. д. Въ Вятской епархіи (по счету XIV-й) встрѣчаемъ такія ошибки: № 6. Зосимо-Савватіева Оханія пустынь въ Соликамскомъ уѣздѣ при р. Камѣ, тогда какъ въ 1738—41 годахъ, къ коимъ относится вѣдомость, эта пустынь была въ вотчинахъ Строгановыхъ, которыя тогда составляли самостоятельную административную единицу. То же самое нужно сказать о трехъ другихъ пустыняхъ, подъ № 16 Успенской Верхъяввинской, № 18 Чусовской Успенской и № 19 Шерьянской Богородицкой, которыя всѣ находились въ 1738—41 г.г. въ вотчинахъ Строгановыхъ, а не въ Соликамскомъ уѣздѣ, какъ показано въ вѣдомости. Възъ въ этомъ именно случаѣ г. Покровскому могла бы сослужить службу карта тѣхъ же самыхъ годовъ (1734—1744), изданная въ сборникѣ «Перскій Край» томъ II, подъ редакціей Д. Д. Смышляева. На этой картѣ авторъ ясно увидалъ бы принадлежность упомянутыхъ 4-хъ пустынь къ вотчинамъ Строгановыхъ и исправилъ бы ошибку «вѣдомости», каковыми она столь изобилуетъ. Во второй же половинѣ XVII вѣка, начиная съ 1640 года, эти пустыни нѣкоторое время, дѣйствительно, состояли въ Усольскомъ уѣздѣ, о чемъ у меня подробно говорится во II вып. «Перм. Старинѣ» на стр. 146 и др., коимъ авторъ «Русскихъ епархій» воспользовался очень бѣгло.

5) Послѣднимъ обстоятельствомъ я объясняю и еще одну ошибку, повторяемую въ трудѣ г. Покровскаго многократно, начиная съ самаго оглавленія книги (стр. II), затѣмъ на стр. 42, 249—250 и др. Я разумѣю неправильное именованіе Строгановыхъ боярами, въ каковомъ званіи они никогда не бывали. До Петра В. (или до смерти Григорія Дмитріевича Строганова) они назывались «именитыми людьми» (объясненіе см. въ IV вып. «Перской Старинѣ»), цогомъ стали титуловаться «баронами» и въ нашемъ вѣкѣ «графами» (донинѣ).

А. Дмитріевъ.

Къ тому, что сказано въ замѣткахъ, Александръ Алексѣевичъ, зная наше намѣреніе заняться составленіемъ русскаго церковно-историческаго атласа, въ частномъ письмѣ прибавлялъ слѣдующее: „При составленіи церковнаго историко-географическаго атласа Вамъ не слѣдуетъ очень полагаться на атласъ проф. Замысловскаго, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Пермскаго края. У него есть крупныя погрѣшности, указанныя мною отчасти въ I-мъ, также во II-мъ и V-мъ выпускахъ моея „Пермской Старинѣ“. Нашу Пермь давно отождествля-

ють съ Біарміей, а это ведетъ къ разнымъ другимъ ошибкамъ. Желаю Вамъ для общей пользы составить этотъ атласъ на основаніи самыхъ послѣднихъ разысканій, не пренебрегая и мѣстными работами, въ которыхъ есть не мало такого, что принято игнорировать въ общихъ трудахъ историковъ, въ ущербъ научной истинѣ".

Мудрый совѣтъ почтеннѣйшаго изслѣдователя Пермскаго Края мы принимаемъ близко къ сердцу. Дѣйствительно, въ такомъ провинціальномъ изданіи, какъ „Пермская Старина“ Александра Алексѣевича, заключается много такого, чѣмъ съ благодарностью воспользуется историкъ Русскаго Государства и Русской Церкви.

Дай Богъ, чтобы въ Пермскомъ краѣ нашелся продолжатель дѣла, которому Александръ Алексѣевичъ посвятилъ свои умственные и нравственные силы, свой досугъ и свои средства. Мы лично, не будучи знаемы съ Александромъ Алексѣевичемъ, грустимъ о тяжелой утратѣ, которую понесъ весь Пермской край въ лицѣ беззавѣтно преданнаго изслѣдователя Пермскаго Края.

Много сдѣлалъ этотъ служитель науки для исторіи края, много могъ еще сдѣлать, но смерть прекратила его кипучую дѣятельность въ самомъ разцвѣтѣ лѣтъ для ученаго труженка, преждевременно надломившаго свое здоровье. Но для него достаточно и того, что сдѣлалъ. „Quod potui, feci; faciant meliora potentes“, говорилъ и писалъ Александръ Алексѣевичъ на страницахъ своей „Пермской Старины“, которая будетъ всегдашнимъ памятникомъ ученому труженнику.

Миръ праху твоему, дорогой нашъ соратникъ и рано скрывшійся отъ насъ усердный служитель науки!

Иванъ Покровскій.

Казань. 1902 года, Октября 22 дня.

## Церковно-археологическіе вопросы на XII археологическомъ сѣздѣ въ Харьковѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору дѣятельности отдѣленія церковныхъ древностей XII археологического сѣзда, скажемъ нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое производилъ вообще сѣздъ.

Первое, что бросалось въ глаза на этомъ сѣздѣ, была количественная бѣдность его членовъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ ниже даже своего непосредственнаго предшественника, также не блиставшаго многолюдствомъ. Въ частности рѣзко бросалось въ глаза полное отсутствіе довольно многочисленныхъ на предшествовавшемъ сѣздѣ славянскихъ гостей, а также снова повторившееся отсутствіе представителей ученаго міра Галицкой Руси, несмотря на устраненіе извѣстной причинъ, помѣшавшей имъ три года тому назадъ прибыть на сѣздъ въ Кіевъ. Но это несприятное впечатлѣніе совершенно сгладилось потомъ подъ вліяніемъ того въ высшей степени оживленнаго характера, какой носилъ сѣздъ. Довольно дальнія и весьма интересныя экскурсіи, прекрасно организованная выставка, дружная работа мѣстныхъ ученыхъ силъ, проявившаяся въ многочисленныхъ рефератахъ, посвященныхъ вопросамъ мѣстной исторіи, наконецъ поразительный интересъ, проявленный по отношенію къ сѣзду со стороны Харьковскаго общества, буквально переполнявшаго ежедневно съ утра до вечера довольно обширныя залы выставки,—все это производило впечатлѣніе настоящаго праздника науки. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ настоящее время подробно остановиться на обзорѣ выставки и въ частности ея церковнаго отдѣла, такъ какъ еще не вышелъ въ свѣтъ прекрасно задуманный альбомъ снимковъ съ выставленныхъ предметовъ: отлагая до его выхода специальную бесѣду о церковномъ отдѣлѣ выставки, теперь скажемъ только, что при воспоминаніи о необыкновенной бѣдности и, такъ сказать, безцвѣтности этого отдѣла выставки на предшествовавшемъ сѣздѣ невольно напрашивалось сопоставленіе, нелестное въ этомъ отношеніи для «прашура городовъ» съ сравнительно совсѣмъ юнымъ еще Харьковомъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣятельности отдѣленія церковныхъ древностей XII археологического сѣзда. Начнемъ съ перваго по времени и одного изъ наиболее интересныхъ сообщеній этой секціи—преподавателя Тульской духовной семинаріи Н. И. Троицкаго подъ заглавіемъ: «Древнѣй-

шій храмъ въ Херсонесѣ Таврическомъ, открытій при раскопкахъ въ настоящемъ году». Къ сожалѣнію, цѣльности впечатлѣнія въ работѣ почтеннаго автора нѣтъ: нѣкоторая ея, такъ сказать, архитектурная странность. Сказавъ нѣсколько словъ о печальной до недавняго времени судьбѣ Херсонесскихъ раскопокъ, авторъ переходитъ затѣмъ къ описанію открытаго въ 1902 г. древняго храма, но въ началѣ этого описанія, увлекшись найденнымъ тамъ между прочимъ мозаичнымъ изображеніемъ «Креста—древа жизни», посвящаетъ затѣмъ большую часть своего сообщенія исторіи этого изображенія и лишь подъ конецъ возвращается ко вновь открытому Херсонесскому храму для того, чтобы сказать о немъ буквально нѣсколько словъ. А потому и мы при разсмотрѣніи даннаго реферата должны ограничиться очень немногими данными относительно этого храма, именно: что онъ былъ крестообразный, съ равными концами, что восточный и южный концы были соединены стѣной и абсидой, что онъ былъ построенъ на могилахъ, соединенныхъ корридоромъ, отъ котораго идутъ вѣтки, и что полъ его былъ заполненъ мраморной мозаикой. Но за то гораздо болѣе интереснымъ является данное сообщеніе по отношенію къ вопросу о «крестѣ—древѣ жизни». Кому изъ лицъ, интересующихся нашей церковной стариной, невзвѣстенъ этотъ прекрасный образецъ нашей древней церковно-символической живописи? Но откуда онъ ведетъ свое начало? И вотъ, для отысканія корней этой композиціи, мы вслѣдъ за авторомъ углубляемся къ стѣдую древность, въ религіозныя идеи и преданія древняго Востока, и тамъ, въ Ассиро-Вавилонскихъ и Персидскихъ легендахъ, находимъ зародыши этаго символа. Тамашніи легендарныя представленія о древѣ безсмертія, сокъ котораго воскрешаетъ людей, переходятъ къ евреямъ, находя тамъ выраженіе въ апокрифической книгѣ Еноха, въ разсказѣ о горѣ изъ великолѣпныхъ камней, изъ которыхъ средній окруженъ дивными неувидающими деревьями, отъ плодовъ которыхъ, по словамъ архистратига Михаила, будетъ дана жизнь избраннымъ, когда Вѣчный Судія на этой горѣ воздвигнетъ тронъ свой для великаго суда. Отсюда сооруженіе седмисвѣчника, какъ прообраза этого чудеснаго древа жизни, отсюда далѣе примѣненіе этого прообраза пророками къ лицу Мессіи—вѣтви отъ корня древа Иссее; отсюда, наконецъ, Евангельское уподобленіе Христомъ себя виноградной лозѣ. Вполнѣ естественно затѣмъ переходъ этаго представленія въ Христіанскія понятія и выраженіе его въ Христіанскомъ искусствѣ.

Болѣе спеціальный интересъ имѣлъ слѣдующій по порядку докладъ профессора А. С. Хаханова: «Изъ путешествія по Аѳону. О спискѣ грузинской Библіи 981 г. и значенія этого списка для установленія текста Библіи на грузинскомъ языкѣ». Изученіе авторомъ грузинской Библіи, хранящейся на Аѳонѣ, привело его къ заключенію, во первыхъ, о постепенности искаженія грузинскаго библейскаго текста, а во вторыхъ, что первоначальный переводъ грузинской Библіи былъ сдѣланъ не съ греческаго текста, а скорѣе съ сирійскаго.

Профессоръ М. А. Остроумовъ въ своемъ докладѣ задался: «Вопросомъ о греческомъ оригиналѣ текста правнлѣ Славянской Кормчей или такъ



изв. Синописей церковных правил и его первоначальномъ значеніи. Установивъ прежде всего тотъ фактъ, что Синописиъ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, соответствующихъ по расположенію правилъ двумъ редакціямъ Номоканона, докладчикъ вывелъ отсюда служебное значеніе Синописиа. Это служебное значеніе заключалось въ томъ, что Синописиъ служилъ указателемъ къ правиламъ Номоканона. Слѣдя далѣе за его происхожденіемъ, можно усмотрѣть, что первоначально онъ состоялъ только изъ перечня заглавій правилъ Номоканона; равнившись ватѣмъ съ теченіемъ времени въ сокращенное изложеніе этихъ правилъ, онъ именомъ въ такомъ видѣ и перешелъ въ нашу Славянскую Коричуу.

Весьма интересенъ въ отношеніи не только теоріи, но и практики церковной былъ докладъ профессора А. П. Голубцова: «О мѣтрѣ среди церкви въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца». Символическое значеніе архіерейскаго орлеца извѣстно каждому изъ школьныхъ учебниковъ, но нельзя сказать того же объ его историческомъ происхожденіи. Дѣло въ томъ, что въ древности тѣ мѣста, на которыхъ полагается орлецъ, обозначались особаго вида и цвѣта мраморной плитой или какой нибудь, преимущественно круглой, мозаичной геометрической фигурой. Это - то и называлось «мѣтра среди церкви». Здѣсь становились священнослужители, ставились священные предметы. Эта «мѣтра среди церкви», по гречески омфалий, надревле стала украшаться въ греческихъ храмахъ мозаичнымъ изображеніемъ орла. Орелъ этотъ, по словамъ автора доклада, ведетъ свое происхожденіе прямо отъ тѣхъ орловъ, которые нѣкогда красовались на знаменахъ римскихъ легионовъ, стали ватѣмъ символомъ императорской власти, въ этомъ качествѣ перешли изъ Рима въ Византію и адѣсь въ XIII—XIV в. стали принадлежностью одѣвнія и, стало быть, знакомъ власти не только царской, но и высшихъ сановниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Подъ вліяніемъ той же классической древности, любившей въ центрѣ пола помѣщать какое либо символическое изображеніе, эти орлы стали изображаться мозаикой на полу, а впоследствии у насъ на Руси перешли на вышитыя шерстью и шелкомъ изображенія на кругломъ кускѣ матеріи. Практическій выводъ, дѣлаемый отсюда докладчикомъ, что теперь, когда храмы наши все чаще и чаще начинаютъ украшаться мозаичными полами, хорошо было бы храмостроителямъ возобновить этотъ обычай устраивать «мѣтру среди церкви».

Докладъ профессора Д. В. Айналова: «Даръ великой княгини Ольги въ ризницу церкви св. Софій въ Царьградѣ», разъясняетъ вопросъ о драгоценномъ блюдѣ, принесенномъ св. Ольгой въ даръ св. Софій по словамъ извѣстнаго паломника, впоследствии Новгородскаго архіерея Антонія. Дѣло въ томъ, что это извѣстіе противорѣчитъ показаніямъ византійскихъ историковъ, говорившихъ, что св. Ольга поднесла въ даръ св. Софій не блюдо, а чашу. Докладчикъ обратилъ вниманіе на характеръ изображеній, украшавшихъ это священное блюдо, а изъ сопоставленія его съ другими подобными же блюдами вывелъ заключеніе, что это было не что иное, какъ джескъ, а если такъ, то это вполне согласуется съ показаніями византійскихъ исто-

риковъ, при томъ предположеніи, что вмѣстѣ съ дискомъ св. Ольгой былъ поднесенъ и потиръ, исчезнувшій ранѣ паломничества Антонія.

Послѣднимъ докладомъ отдѣла церковныхъ древностей явился докладъ В. С. Малченко: «Архитектурные памятники въ Соликамскѣ». Изъ этого доклада выяснилось, какъ постепенно распространялось московскимъ зодчими вліяніе московскаго строительнаго типа даже до далекаго Соликамска, гдѣ оно выразилось въ концѣ XVIII вѣка постройкою цѣлаго ряда церквей характернаго московскаго типа. Во время преній по поводу этого доклада былъ поднятъ весьма любопытный вопросъ о такъ называемыхъ «голосникахъ», которые такъ часто приходится наблюдать въ нашихъ древнихъ церквахъ и которымъ обыкновенно приписывается значеніе резонаторовъ. Изъ сопоставленія того факта, что въ византійскихъ церквахъ голосниковъ нѣтъ, съ тѣмъ, что у насъ они встрѣчаются и въ церквахъ деревянныхъ, гдѣ они не могутъ имѣть акустическаго значенія, выяснилось, что на голосники слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на приспособленія, предназначавшіяся неискусными архитекторами стараго времени для облегченія тяжести свода.

Я считалъ бы свою задачу неисполненной, еслибы не упомянулъ нѣкоторыхъ другихъ докладовъ, хотя и не отнесенныхъ почему то къ отдѣлу церковныхъ древностей, но по содержанию своему прямо касающихся вопросовъ церковно-историческихъ.

Изъ такихъ докладовъ первымъ по времени является сообщеніе профессора Д. В. Айдалова: «Мраморы и инкрустаціи Десятинной церкви и Кіево-Софійскаго собора». Не велики оказываются остатки этой инкрустаціи какъ въ той, такъ и въ другой церкви, хотя Кіево-Софійскій соборъ поражалъ когда то иностранныхъ путешественниковъ разнообразіемъ своихъ мраморовъ. Грабелемъ уніатовъ уничтожилъ великолѣпіе Св. Софій. Но все же по сохранившимся остаткамъ можно до известной степени представить себѣ эту древнюю святиню во всемъ блескѣ ея красоты и величія. Соборъ былъ облицованъ мраморомъ, какъ соборъ Св. Марка въ Венеціи, его украшала портичь изъ мрамора, порфира и алебастра. Оказывается, что вообще мраморныя издѣлія были далеко не рѣдкостью въ древней Руси, не щадившей средствъ на украшеніе своихъ храмовъ.

Еще большій интересъ представилъ собою рефератъ профессора Е. К. Рѣдина: «Религіозные памятники искусствъ Харьковской губерніи». Къ сожалѣнію, подробную бесѣду объ этомъ докладѣ мы принуждены отложить до выхода въ свѣтъ вышеупомянутаго выставочнаго альбома, такъ какъ теперь лишены возможности сопроводять докладъ необходимой демонстраціей снимковъ съ разсматриваемыхъ здѣсь произведеній церковнаго искусства. Пока скажемъ только, что докладъ этотъ обнаружилъ въ высшей степени любопытное явленіе: въ то время какъ у насъ на Сѣверѣ въ XVI—XVII в.в. лишь въ слабой степени отражается въ церковномъ искусствѣ вліяніе итальянскаго Ренессанса, а въ XVIII в. волна западнаго вліянія сразу затопляетъ всѣ исконныя иконографическія преданія,—на югѣ во всей Слободской Украинѣ идетъ, въ это же самое время, въ церковномъ

искусствѣ борьба самыхъ разнообразныхъ направленій; тутъ замѣчается и вліяніе итальянское, въ особенности Перуджино, и вліяніе нѣмецкое, и даже вліяніе Мурильо. Но среди этихъ разнообразныхъ западныхъ теченій быть яркая струя украинской самобытности, вносящая много свѣжаго чувства въ заимствованные съ Запада художественные мотивы.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить сообщеніе профессора А. С. Лебедева: «Епископская дѣятельность Самуила Миславскаго въ Бѣлгородской епархіи». Личность Самуила Миславскаго до сихъ поръ мало освѣщена въ исторіи; между тѣмъ блестящая карьера, слѣланная имъ въ Екатерининское время, обильное богатство дарованіями на церковно-административномъ поприщѣ, извѣстное расположеніе къ нему Императрицы Екатерины заставляетъ во всякомъ случаѣ предполагать въ немъ личность недюжинную. И вотъ, докладъ профессора А. С. Лебедева ставитъ себѣ задачей пролить нѣкоторый свѣтъ на его первые административные шаги въ Бѣлгородской епархіи, явившейся первымъ мѣстомъ его архипастырскаго служенія. Къ сожалѣнію, авторъ освѣтилъ съ достаточной полнотой только одну сторону дѣятельности этого іерарха,—именно просвѣтительную. Объ остальномъ онъ говоритъ лишь вскользь. Но все же сообщенные имъ факты достаточны для значительнаго освѣщенія данной личности. Любопытно, наконецъ, то, что малороссъ по происхожденію, воспитанникъ Кіевской академіи, этой расадницы схоластическаго метода въ духовныхъ школахъ, Самуилъ относился къ этому методу вполне отрицательно и очень много сдѣлалъ для подъема преподаванія заглавнаго до тѣхъ поръ русскаго языка въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Усердно заботясь о насажденіи просвѣщенія въ невѣжественной духовной средѣ своей епархіи, Самуилъ нерѣдко дѣйствовалъ въ этомъ направленіи грозой своей власти. Эта ли невѣжественность его подчиненныхъ, или его индивидуальныя свойства заставляли его относиться отрицательно къ выборному началу въ ихъ средѣ, которое постоянно подавляло онъ авторитетомъ своей власти. Словомъ, предъ нами типичная фигура просвѣщеннаго іерарха Екатерининскаго вѣка, держащаго свое имя «честно и громко», и въ то же время усерднаго работника на поприщѣ духовнаго просвѣщенія—достойнаго современника Гавриила Петрова и Платона Левшина.

Въ высшей степени любопытенъ былъ докладъ г-жи А. Я. Ефименко: «Къ вопросу о братствахъ». Всѣмъ извѣстна дѣятельность церковныхъ братствъ въ Западной Руси, явившаяся подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тамъ православная церковь. Гораздо менѣе извѣстна дѣятельность братствъ, находившихся внѣ этихъ печальныхъ условий, именно братствъ Слободской Украины; здѣсь они являются учрежденіями просвѣтительными и благотворительными, ставятъ себѣ главной задачей устройство школъ и благоустройство церквей. А каковы были результаты этой дѣятельности по отношенію къ народному просвѣщенію—видно изъ того факта, что въ 1732 г. число школъ въ краѣ имѣло такое же отношеніе къ численности населенія, какъ и въ 1884 г. Но откуда ведутъ свое начало церковныя братства вообще? Это начало нужно искать въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства, именно въ христіанскихъ коллегіяхъ, широ-

ко распространенныхъ въ Римской имперіи. Распространившись затѣмъ по всей Западной Европѣ, братства, по мнѣнію докладчика, явились первоначальной формой той общественной организаціи, которая впоследствии, съ появленіемъ въ немъ элемента принудительнаго, обратилась въ такъ называемое церковное устройство. Остается пожалѣть, что при этомъ сопоставленіи братствъ всѣхъ временъ и народовъ Европы ни докладчикъ, ни оппоненты не обратили вниманія на наши великорусскія церковныя братства, когда-то процвѣтавшія въ особенности въ Новгородѣ и Псковѣ и несомнѣнно имѣвшія не малое вліяніе на развитіе древне-русской общественности.

Последнимъ докладомъ, относящимся къ данной категоріи, былъ докладъ г. В. А. Харламова: «Характеръ церковнаго управленія и церковной жизни въ Донской области въ началѣ XVIII в.», раскрывающій любопытную картину полной зависимости духовенства отъ войсковой власти. Только по поводу церковныхъ построекъ и поставленія священниковъ сносилось войско черезъ полевой приказъ съ мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола. Назначеніе священниковъ на мѣста, не говоря уже о нашемъ духовенствѣ, зависѣло вполне отъ войска; оно имѣлось даже и въ монастырское управленіе. Такое положеніе длилось до начала XIX в., являясь послѣднимъ остаткомъ бывшей независимости Донскаго казачества отъ Московскаго правительства.

Этимъ исчерпывается серія церковно-археологическихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, возбужденныхъ на минувшемъ съѣздѣ. Интересъ этихъ вопросовъ и тщательное ихъ разрѣшеніе не можетъ, однако, изгладить впечатлѣнія ихъ малочисленности. Припомнимъ сказанное нами въ началѣ нашего сообщенія относительно оживленности и интенсивности работъ съѣзда, въ особенности въ области мѣстной исторіи; нельзя не замѣтить, что церковная археологія заняла въ работахъ слишкомъ скромное мѣсто. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого почти систематическаго явленія, которое завело бы насъ быть можетъ слишкомъ далеко. Ограничимся пожеланіемъ, чтобы поскорѣе осуществилась мысль, выраженная по поводу предыдущаго археологическаго съѣзда почтеннымъ членомъ нашего общества И. М. Покровскимъ объ устройствѣ особыхъ церковно-археологическихъ съѣздовъ. Только тогда, можно думать, и на общихъ съѣздахъ ученыхъ археологовъ церковная археологія займетъ, наконецъ, подобающее ей мѣсто, соответствующее тому великому значенію, какое имѣло и имѣетъ православная церковь въ культурно-исторической жизни русскаго государства и народа.

Д. Васильевъ.

**Инструкция для членов редакционной комиссии Общества Археологов, Историков и Этнографов при Императорском Кавказском Университете.**

§ 1. Члены редакционной комиссии избираются из числа десяти лиц, участвующих в заседаниях Совета; количество их равняется трем; четвертым является, согласно § 62 устава Общества, председательствующий в заседаниях комиссии секретарь, он же главный редактор изданий Общества (§ 53 Устава).

**Примѣчаніе.** Въ случаѣ невозможности совѣщенія однимъ и тѣмъ же лицомъ обязанностей секретаря Общества и редактора его изданій, Советъ Общества имѣетъ право временно поручить главную редакцію своихъ публикацій другому лицу изъ числа десяти членовъ Совета.

§ 2. Председательствующій въ редакционной комиссіи вскрываетъ всѣ поступающіе на имя редакціи пакеты, письма и посланки, докладываетъ о нихъ редакціонной комиссіи, ведетъ дневникъ поступающимъ для напечатанія въ изданіяхъ Общества статьямъ и сообщаетъ о нихъ членамъ редакціонной комиссіи.

§ 3. Засѣданія редакціонной комиссіи созываются не менѣе одного раза въ мѣсяцъ (за исключеніемъ лѣтняго времени) и считаются состоявшимися при наличности троякъ членовъ; въ случаѣ неприбытія указаннаго числа членовъ, назначается новое засѣданіе, которое считается состоявшимся при всякомъ числѣ присутствующихъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія изъ Кавказа кого либо изъ членовъ редакціонной комиссіи, председательствующій приглашаетъ на засѣданіе комиссіи вмѣсто неявившихся кого либо изъ числа десяти членовъ Совета.

§ 4. Вопросы въ засѣданіяхъ редакціонной комиссіи рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства, голосъ председательствующаго даетъ перевѣсъ.

§ 5. Въ томъ случаѣ, если никто изъ членовъ редакціонной комиссіи не сочтетъ себя достаточно компетентнымъ для разсмотрѣнія какой либо статьи, предлагаемой къ напечатанію въ изданіяхъ Общества, комиссія обращается съ просьбою о содѣйствіи къ кому либо изъ членовъ Общества,

извѣстныхъ своими трудами въ данной области знанія, и голосъ избраннаго такимъ образомъ лица считается рѣшающимъ.

§ 6. Отъ редакціонной комиссіи зависитъ только рѣшеніе вопроса, можетъ ли та или другая статья быть помѣщена въ изданіяхъ Общества; согласіе или несогласіе на напечатаніе статьи скрѣпляется подписью каждаго члена комиссіи; время и порядокъ обнародованія принятыхъ статей всецѣло предоставляется усмотрѣнію главнаго редактора.

§ 7. Статьи, присланныя для помѣщенія въ изданіяхъ Общества, подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

§ 8. Оригиналы помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества статей хранятся въ теченіе 12 мѣсяцевъ со времени ихъ обнародованія; по истеченіи этого срока рукописи ихъ уничтожаются и никакія претензіи не принимаются во вниманіе.

**Примѣчаніе.** Это правило не относится къ протоколамъ Общихъ Собраній, которые по напечатаніи поступаютъ на храненіе въ архивъ Общества.

§ 9. Периодическое изданіе Общества выходитъ подъ названіемъ «Извѣстія Общества Археологій, Исторій и Этнографій при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» шесть разъ въ году, книжками отъ 7 до 8 печатныхъ листовъ in 8°, печатаясь на простой бумагѣ въ количествѣ 300 экземпляровъ, съ платою въ типографію по 13 р. 12 к. съ листа.

§ 10. Срокъ выхода отдѣльныхъ книжекъ «Извѣстій» зависитъ отъ обстоятельствъ; время появленія каждаго выпуска отмѣчается на его обложкѣ въ видахъ соблюденія § 8 настоящей инструкціи.

§ 11. Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторій и этнографій;

2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторій и этнографій Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азій и Сибири), а также и по вопросамъ, имѣющимъ значеніе для обще-русской археологій, исторій и этнографій;

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторій и этнографій Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторій и этнографій Восточной Россіи;

7) Протоколы Общихъ Собраній Общества и годичные отчеты его со списками членовъ и должностныхъ лицъ.

§ 12. Протоколи Общихъ Собраній Общества и отчетъ за предыдущій годъ со всѣми обычными приложениями составляютъ одну брошюру съ отдѣльной пагинаціей, входящую, какъ приложение, въ одинъ изъ выпусковъ «Извѣстій» и печатаемую также отдѣльно въ количествѣ 100 экземпляровъ для разсылки гг. членамъ-сотрудникамъ и продажи; въ типографію за всѣ 400 экземпляровъ платится по 13 р. 75 к. съ листа.

§ 13. Отдѣльные выпуски «Извѣстій» оцѣиваются по 1 рублю; по подпискѣ вараѣ на цѣлый годъ взимается 5 рублей; въ случаѣ выхода двухъ или трехъ выпусковъ вмѣстѣ цѣна книгѣ назначается пропорціонально ея объему: брошюра, заключающая въ себѣ годовой отчетъ и протоколы, продается по 40 коп.

§ 14. Утвержденный Общимъ Собраніемъ годичный отчетъ по Обществу со всѣми обычными приложениями къ нему, а равно и подписанные присутствовавшими въ засѣданіи дѣйствительными членами протоколы Общихъ Собраній Общества печатаются безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ редакціонною комиссіей.

§ 15. Составленіе оглавленій и текста обложекъ «Извѣстій», равно какъ и наблюденіе за ихъ внѣшностью, возлагается всецѣло на главнаго редактора, ему же предоставляется право подъ своею личною отвѣтственностью помѣщать въ «Извѣстіяхъ» неразсмотрѣнныя редакціонною комиссіей статьи и замѣтки, объемомъ не превышающія двухъ печатныхъ страницъ, напр. извлеченія изъ періодическихъ изданій и т. п.

§ 16. Помѣщаемыя въ «Извѣстіяхъ» статьи не должны занимать болѣе 4 печатныхъ листовъ крупнаго или 2 мелкаго шрифта; дробленіе статей на два или болѣе выпусковъ не допускается.

Примѣчаніе 1. Ограниченіе объема не распространяется на статьи, для печатанія которыхъ представляются постороннія средства; въ этомъ случаѣ требуется только полная оплата расходовъ ранѣе начала печатанія.

Примѣчаніе 2. Тексты на мѣстныхъ янородческихъ ямкахъ съ русскимъ ихъ переводомъ не должны занимать болѣе одного печатнаго листа въ номерѣ журнала.

§ 17. Сотрудники «Извѣстій», помѣстившіе въ нихъ статью объемомъ мѣсѣ половины печатнаго листа, получаютъ одинъ экземпляръ соотвѣтственнаго выпуска; авторы статей большаго объема получаютъ, кромѣ этого, 50 отдѣльныхъ оттисковъ своего сочиненія на бумагѣ «Извѣстій» (оттиски объемомъ болѣе 1 печатнаго листа снабжаются отдѣльною обложкою и заглавнымъ листомъ). Общество платитъ въ типографію за переверстку и печатаніе этихъ оттисковъ по 2 р. съ листа и 3 руб. за обложку. Оттиски печатаются исключительно по распоряженію редактора за его подписью съ обозначеніемъ количества на послѣдней корректурѣ.

Примѣчаніе. Оттиски могутъ быть выданы и въ большемъ количествѣ, и на лучшей бумагѣ, если авторы статей предварительно оплатятъ излишекъ расхода.

§ 18. Изъ изготовляемыхъ для гг. сотрудниковъ отдѣльныхъ оттисковъ ихъ статей 1 экземпляръ поступаетъ въ бібліотеку Общества.

§ 19. Изъ препровожденныхъ въ бібліотеку Общества двухъ экземпляровъ «Извѣстій» одинъ ни въ какомъ случаѣ изъ бібліотеки Общества не выдается.

§ 20. Для сужденія объ обмѣнѣ изданіями съ редакціями другихъ органовъ въ засѣданія редакціонной комиссіи приглашается бібліотекаръ Общества съ правомъ голоса по данному вопросу.

§ 21. Объявленія о чужихъ изданіяхъ въ «Извѣстіяхъ» не помѣщаются.

§ 22. О рѣшеніяхъ редакціонной комиссіи доводится до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ официальными, за подписью главнаго редактора, бумагами, зносимыми въ общій исходящій журналъ Общества съ помѣтою «отъ редакціи Извѣстій»; точно также записываются во входящій журналъ Общества всѣ бумаги, пакеты и посылки, поступающіе на имя редакціи.

---



«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 39.

Въ отдѣлѣ «Разныя Извѣстія» сообщается, что въ Казанскую инородческую учительскую семинарію поступили по экзамену два ученика-стипендіата Тургайской Области, киргизы: Буртинской волости Бисенгалій Джарылгасиновъ и Таушской волости Сатбаевъ. Судя потому, что учебное заведеніе это было много лѣтъ руководимо известнымъ ориенталистомъ и дѣятелемъ по инородческому образованію П. П. Ильминскимъ и отъ него наследовало лучшія традиціи, можно надѣяться, говоритъ газета, что вновь поступившіе ученики семинаріи, кромѣ сказать—первые изъ киргизовъ, сами пожелавшіе поступить именно въ эту семинарію, будутъ современемъ полезными людьми для своего народа въ качествѣ проводниковъ истиннаго знанія.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 40.—Успѣхи просвѣщенія въ степи.

Сообщается, что въ городѣ Кустанаѣ Тургайской Области, по почину военнаго губернатора, положено основаніе капиталу на учрежденіе русско-киргизской женской прогимназіи. На первый разъ собрано на это доброе дѣло 1478 рублей. Жертвователи были почти все мѣстные киргизы, принявшіе—кто 100 руб. кто 1 руб.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 41.—О сдачѣ киргизскихъ земель въ аренду.—Добрый ханъ. Киргизское преданіе.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 42.—Объ изъятіи дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ изъ вѣдѣнія народнаго суда.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 43.—Баянъ-Аульская покровская ярмарка въ 1894 году.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 43.

Въ отдѣлѣ «Разныя Извѣстія» сообщается, что 23 сентября Высочайше разрѣшено, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, перенести изъ Оренбургской гимназіи во вновь открытое реальное училище 6 стипендіи изъ числа 12, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Тургайской области, такъ-какъ для инородцевъ, не знающихъ русскаго языка, изученіе древнихъ языковъ очень обременительно, а для многихъ совершенно невозможно, и 25-лѣтній опытъ показалъ, что изъ киргизскихъ стипендіатовъ оканчиваютъ курсъ весьма немногіе, болѣе способные, остальные же не идутъ далѣе 4-го класса; реальное же училище даетъ возможность киргизамъ получать законченное общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 44.—Невѣрныя цифры о киргизскомъ скотоводствѣ.

Съ древнихъ временъ у кочеваго населенія скрывать дѣйствительное количество скота. Показаніе невѣрныхъ цифръ,

оправдываемое еще въ прежнее время, когда подать съ киргизовъ взыскивалась по количеству наличнаго скота, сохраняется и въ настоящее время, хотя, казалось бы, основаній для этого теперь уже нѣтъ никакихъ. Со времени введенія кибиточной подати, весь центр тяжести перешелъ на число кибитокъ; количество же скота относительно исчисления подати для правительства перестало имѣть значеніе. Требуя по количеству кибитокъ строго опредѣленную сумму, администрація не въшивается во внутреннюю раскладку, предоставляя это дѣло самимъ киргизамъ, по ихъ личнымъ соображеніямъ.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 46.—Грубая благодарность. Киргизская басня.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 47.—О суевѣріяхъ киргизовъ: легенды о происхожденіи земли, о явленіяхъ природы и объ эпизоотіяхъ въ связи съ послѣдними.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 48.—Киргизская сказка.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 49.—Нѣсколько словъ о довѣрчивости киргизовъ.

На ряду съ истинными проповѣдниками ислама, говорятъ авторъ, со времени распространенія магометанства въ степи являлись самозванцы, обманывавшіе суевѣрныхъ киргизовъ. Въ тѣ же дальнія времена многіе изъ татаръ разъѣзжали по степи въ качествѣ священныхъ особъ и сѣтелей религіозныхъ понятій и нравственныхъ убѣжденій и составляли себѣ большія состоянія. Богатства многихъ видныхъ теперь коммерческихъ дѣльцовъ имѣютъ въ основѣ подобное неприглядное прошлое. Далѣе авторъ рассказываетъ о тѣхъ проходивцахъ—татарахъ, память о которыхъ еще хорошо сохранилась въ степи.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 50.—Киргизы какъ рабочіе на приискахъ.—Три сына (правоучительный рассказъ).

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 51.—Лирическія пѣсни киргизовъ.—Депутація къ Бѣлому Царю.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 1.—О сѣменныхъ складахъ для киргизовъ.

Въ виду значительнаго развитія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ среди кочеваго населенія земледѣлія, рекомендуется учредить при сельско-хозяйственныхъ школахъ сѣменные склады, изъ которыхъ киргизы могли бы пользоваться хорошаго качества посѣвными сѣменами.

«Киргизская Степная Газета», 1893 г., № 2.—Киргизская лошадь въ Вятской губерніи.

Представителями Вятскаго земства было пріобрѣтено въ Акмолинской области 529 лошадей (220 въ Атбасарскомъ уѣздѣ и 309 въ Акмолинскомъ) для продажи ихъ крестьянамъ Вятской губерніи. Задавался цѣлью пріобрѣсти дешевыхъ, но пригодныхъ для сельско-хозяйственныхъ работъ лошадей, представители земства послѣ долгихъ колебаній, гдѣ покупать, предпочли Акмолинскую область. Атбасарская лошадь покупалась цѣною въ 27 руб. 85 коп., Акмолинская—въ 25 руб. 53 коп., а въ среднемъ каждая лошадь обошлась въ 26 руб. 67 коп. Накладныхъ расходовъ пришлось на лошадь 7 руб. 89 коп. Такимъ образомъ, вятскому земству по приходѣ на мѣсто каждая лошадь стоила 34 руб. 56 коп. Сформированный табунъ былъ отправленъ степью черезъ Троицкъ на Елабугу, откуда лошади распредѣлялись по уѣздамъ. Въ очень скоромъ времени всѣ лошади были распроданы за наличныя деньги и съ разсрочкой платежа крестьянамъ по цѣнѣ, въ среднемъ, 36 руб. 94 коп. за лошадь, такъ-что земство получило даже прибыль отъ этой операціи 1777 руб. 57 коп. Киргизскія лошади легко привыкають къ упряжкѣ и къ работамъ, а также къ корму изъ сѣна и соломы.

Въ этомъ же номерѣ помѣщена сказка—«Отчего зло на свѣтѣ».

«Киргизская Степная Газета», 1893 г., № 4.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о рыбномъ промыслѣ на озерѣ Норъ-Зайсанѣ.

Озеро это, названное однимъ извѣстнымъ путешественникомъ—Бремлеромъ золотымъ дномъ, издавна славится нестоющимъ запасомъ рыбнаго богатства; здѣсь водятся разнообразныя породы рыбъ, — какъ то: осетръ, стерлядь, нельма, окунь, щука, язь, лля, карась и проч. Рыболовство на этомъ озерѣ до сихъ поръ составляетъ монополию Сибирскаго казачьяго войска. Съ рыбопромышленниковъ въ пользу войска за право ловли рыбы въ Норъ-Зайсанѣ взимается въ два сезона—лѣтній и осенній—по 20 руб. съ cadaго, производящаго ловъ сѣтями, и 2 р. съ занимающагося ловлей удами,—сборъ этотъ поступаетъ въ доходъ войска. Для ловли рыбы на Норъ-Зайсанѣ прѣзжаютъ крестьяне изъ Бійскаго округа, Зѣиногорска, села Прапорщинова, казаки станицъ Батинской, Кокпектинской и киргизы Зайсанскаго уѣзда; для скуна же рыбы ѣдутъ занимающіеся торговлей—изъ Барнаула, Бійска, Копала, Сергіополя, Сузана, Зѣиногорска и Усть-Каменогорска. Главный ловъ рыбы производится около мысовъ этого озера—Тополоваго, Песчанова, Бакланьяго, Бархота и проч. Скушники въ осень 1894 году на Норъ-Зайсанѣ покупали рыбу, сравнительно съ 1893 годомъ по болѣе высокой цѣнѣ, что нужно отнести къ ограниченному улову ея,—платили на мѣстѣ за пудъ щуки—90 коп., язя и лля—1 р. 20 к., карася—70 коп., за нельму—2 р., красной рыбы въ продажѣ не было,—ловъ ея воспрещенъ, попавшая же въ сѣти отпускалась обратно въ озеро.—За обнаруженіе продажи этой рыбы рыбопромышленникъ подвергается довольно чувствительному денежному штрафу. Правило это въ отношеніи красной рыбы на Норъ-Зай-

санѣ установлено нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ предупрежденіе исчезновенія этой породы рыбъ.

Въ этомъ же номерѣ помѣщены «Лирическія пѣсни киргизовъ».

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 5.—Акмоллинскъ, какъ торговый пунктъ.

общее значеніе Акмоллинска, какъ торговаго центра въ степи, опредѣляется количествомъ прогоняемаго черезъ него скота и провозимыхъ продуктовъ. въ теченіе 1894 года пригнано въ Акмоллинскъ 142.204 барановъ, 12.692 головы рогатаго скота и 9.379 лошадей. Всѣ этотъ скотъ, за малымъ исключеніемъ, былъ проданъ и направленъ частью въ Оренбургскую губернію—на Оренбургъ, Міяскъ, Троицкъ и ст. Звѣриноголовскую, частью въ Тобольскую и Пермскую губерніи и меньшей частью на Тайнчакульскую ярмарку. 65 , рогатаго скота и барановъ принадлежали собственно населенію Акмоллинскаго уѣзда, остальные же киргизамъ Семипалатинской и Семирѣченской областей. Изъ числа 9370 лошадей: 2767 были отправлены въ Самарскую губернію и 4.314 въ Оренбургъ для продажи; остальные— въ Саратовъ, Троицкъ и Пермскую губернію. Сырыхъ животныхъ продуктовъ вывезено изъ Акмоллинска въ теченіе года: 44.036 кожъ отъ крупнаго рогатаго скота, 56.154 конскихъ кожъ, 3.759 верблюжьихъ, 573.342 овчинъ и козлинь, 49.761 пудовъ овечьей шерсти, 1.178 пудовъ козьей шерсти, 4.370 пудовъ конскаго волоса и друг. Все сырье за малымъ исключеніемъ было направлено въ г. Петропавловскъ, какъ складный пунктъ первой степени.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 6.—Торговля верблюдами и продуктами, полученными отъ нихъ, у Тургайскихъ и Оренбургскихъ киргизовъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 8.—Какъ должны производиться выборы.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 10.—Гололедница и волки.

Черлаковскую и Покровскую волости, Омскаго уѣзда, Кокчетавскій уѣздъ и частью Петропавловскій постигло несчастіе. Послѣ сильныхъ оттепелей наступили морозы, снѣгъ въ степи обледѣлъ и киргизскіе табуны лошадей начали падать отъ голода; запасовъ же сѣна у киргизъ было мало. Появилась масса волковъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 13.—Запрещеніе паловъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 14.—Городскіе джатаки. Корреспонденція изъ Акмоллинска.

Вѣчно нуждаясь въ средствахъ, городскіе джатаки, чтобы удовлетворить своимъ жизненнымъ потребностямъ, прибѣгаютъ къ разнымъ непо-

увальнымъ способамъ добыванія себѣ денегъ. На заработанные кое-какъ гроши они «алимстариничаютъ» и ловко обираютъ или обманываютъ своихъ стениныхъ собратьевъ, которые слишкомъ доверчиво относятся къ нимъ въ надеждѣ, что тѣ имъ свои люди — не обманутъ и не обидятъ. На добычу такимъ путемъ, т. е. неправдою, деньги джатаки нѣяствуютъ, покупаютъ табакъ и играютъ въ азартныя игры.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 16.—Корреспонденція изъ Байант-Аула.

О кражѣ лошадей и срѣзываніи конскихъ хвостовъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., №№ 17 и 18.—Къ вопросу о киргизскомъ землепользованіи.

Земли киргизовъ составляютъ государственную собственность и отданы имъ въ пользованіе, съ сохраненіемъ установленныхъ обычаевъ распоряженія земельными угодьями. Ранѣе всѣ земельные участки находились въ распоряженіи родовъ; всѣ вопросы, возникавшіе при владѣніи этими участками, разрѣшались представителями родовъ, теперь же, съ введеніемъ «Степного положенія» и съ организаціей волостныхъ управленій, земельныя угодья перешли въ распоряженіе волостныхъ и аульныхъ обществъ, и рѣшеніе поземельныхъ вопросовъ возложено на обязанность волостныхъ и аульныхъ управленій.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., №№ 19 и 20.—Охота у киргизовъ.

Если охотнику удастся убить кого-нибудь, то согласно «ресымажъ», т. е. обычаямъ, изъ вѣжливости онъ предлагаетъ добычу самому старшему изъ своихъ товарищей. Убитый крупный травоядный звѣрь дѣлится такъ: самъ охотникъ получаетъ шкуру, грудь животного и правое бедро, а остальное достается товарищамъ охотника; старшіе изъ послѣднихъ получаютъ болѣе крупныя доли, чѣмъ младшіе по лѣтамъ. Такой процессъ дѣленія называется «жуш» алмакъ». Въ давнія времена, какъ рассказываютъ старики, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ иногда встрѣчались бобры, которыхъ теперь нѣтъ. Хребетъ убитаго бобра получалъ самъ охотникъ, а брюшину его товарищи. Требованіямъ этихъ обычаевъ не подчиняется охотникъ-новичекъ, который только первый разъ выѣхалъ на охоту, или тѣ охотники которые выѣзжаютъ на охоту съ только что купленнымъ ружьемъ, прирученною птицей, выдресированной собакой, небывшей еще на охотѣ. Какъ первые, такъ вторые берутъ къ себѣ убитую дичь для «рыма». «Рымъ» установленный обычаями предразсудокъ; онъ состоитъ въ томъ, что, если охотникъ не возьметъ себѣ первой дичи, то ружье будетъ худо бить. Въ этомъ случаѣ охотникъ правой рукой беретъ убитую дичь, ея кровью окропляетъ прикладъ ружья или даетъ ее прирученной птицѣ. При возвращеніи домой охотникъ, входя въ юрту, бросаетъ дичь въ лѣвую «босагу» (часть рѣшетки юрты около праваго косяка), потомъ вѣшаетъ ее къ рѣшеткѣ юрты.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 20.— По поводу раннихъ браковъ у киргизовъ.

Выдача въ замужество несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ среди населенія, исповѣдывающаго исламъ, составляетъ довольно обыкновенное явленіе. Большинство толкователей Корана опредѣляютъ совершеннолѣтіе мусульманскихъ женщинъ временемъ появленія мѣсячныхъ очищеній. Этимъ признакомъ руководствуются при выдачѣ дѣвушекъ въ замужество, не смотря на то, что приходится часто выдавать на десятилѣтнемъ возрастѣ, такъ какъ и въ этомъ возрастѣ случаются появленія мѣсячныхъ очищеній, особенно у жителей южныхъ, теплыхъ странъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 21.—Нѣсколько словъ о свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Между многими достоинствами киргизовъ есть одинъ важный недостатокъ. Киргизы ради дружбы, злобы и въ угоду богатому человѣку очень часто говорятъ неправду даже предъ судомъ. Часто они даютъ самыя сбивчивыя показанія, искажая факты, нисколько не заботясь о томъ, что показаніе дано подъ присягой и что иногда отъ одного необдуманнаго слова зависить участь человѣка.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 22.—Объ улучшеніи породы степныхъ лошадей.

«Киргизская Степная газета», 1895 г. № 30.—Обороты Аулиеатинской Ярмарки. Одной изъ самыхъ важныхъ въ Туркестанскомъ краѣ слѣдуетъ признать аулиеатинскую ярмарку. Обороты ея съ каждымъ годомъ возрастаютъ. Въ 1894 году, напр., торговцы городовъ Симбирска, Нижняго-Новгорода и Тамбова скупили на ярмаркѣ 61000 пуд. бараньей шерсти, свыше 1500 пудовъ козьего пуха, до 5000 пуд. верблюжьей шерсти и 1000 пуд. волосяного аркана. Доказательствомъ успѣха аулиеатинской ярмарки служатъ не однѣ только цифры ея оборотовъ, но и разнообразіе районовъ, принимающихъ въ ней участіе. Кромѣ населенія Сыръ Дарьинской области, на ярмаркѣ торгуютъ жители сосѣдней Семирѣченской области, причемъ, во время ярмарки минувшаго года особенное участіе проявляли уѣзды: Копальскій, Вірненскій, Токмакскій и Джаркентскій. Общій оборотъ торговли продуктами скотоводства въ эту ярмарку достигъ 311809 руб., а торговля скотомъ 684600. Крупнѣйшимъ скупщикомъ являлся Фергана, скупившая однихъ барановъ свыше 55000 головъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 31.—Путешественники французы въ киргизской степи.

Эти путешественники—морской офицеръ запаса Виконтъ де—Кювервилъ, командированный въ Россію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Французской республики съ этнографической цѣлью, а также для изученія современнаго научнаго и промышленнаго состоянія Россіи, и баронъ де—Бай, занимающійся изученіемъ археологій.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 36.—Врачебная помощь.

Авторъ говоритъ между прочимъ о «табибахъ», «баксахъ» и «дуанахъ». На долю этихъ лицъ надасть лѣченіе киргизовъ. Табибм—татарскіе выходцы, страшно эксплуатирующіе населеніе и употребляющіе въ своихъ дѣйствіяхъ такія сильныя средства, какъ сулема и кинюварь; они пользуются невѣжествомъ киргизовъ и собираютъ обильную дань за свое очень часто вредное лѣченіе. Баксы и дуаны, хотя сохранились только въ киргизскихъ заволокустахъ, но тѣмъ не менѣе продолжаютъ зловредствовать. Тамъ, гдѣ киргизы стали культурнѣе, надъ баксами уже смѣются.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 37.—Къ вопросу о киргизскомъ народномъ образованіи.

Авторъ говоритъ о трудности для степного киргиза дать школьное образованіе своему сыну. Отправлять своихъ дѣтей въ общія школы не по средствамъ громадному большинству киргизовъ,—да и состоятельному человѣку сдать въ школу ребенка не всегда и удается,—и вотъ киргизъ, желающій поучить своего сына порусски, везетъ его въ станицу, къ казаку. Понятное дѣло, что казакъ самъ малограмотный не можетъ ничему научить мальчика. Везти мальчика въ городъ, заплатить за квартиру, за ученье, за книги—все это стоитъ не одну сотню рублей, а у самаго богатого киргиза, хотя и много бываетъ скота, но обыкновенно недостаточно наличныхъ денегъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 39.—Корреспонденція изъ Кызыль-Тала, Устькаменогорскаго уѣзда.

Въ корреспонденціи говорится о спокойной жизни киргизовъ хлѣбопашцевъ и о воровской жизни степныхъ киргизовъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 42.—По вопросу объ образованіи киргизовъ.

По числу жителей одно учебное заведеніе приходится въ Тургайской области на 6422, въ Акмолинской 25.575, въ Семирѣченской на 15.762

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 45.—Какія школы полезнѣе въ степномъ краѣ?

Школы для киргизовъ должны носить свой особый характеръ: устройство ихъ должно соответствовать тому образу жизни, который ведутъ киргизы, т. е. они должны быть кочующими, какъ и само населеніе; такъ что, если аулъ откочевываетъ на другое мѣсто, то вмѣстѣ съ нимъ туда же слѣдуетъ школа и учитель. Такія школы въ настоящее время могутъ вполне удовлетворить потребностямъ населенія, потому что тогда будутъ устранены препятствія къ правильному посѣщенію школъ учениками, а это самое важное; кромѣ того и учениковъ изъ киргизовъ будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь, даже взрослые и тѣ, не нанося существеннаго ущер-

ба своему хозяйству, будутъ въ состояніи посѣщать школу. Эти странствующія школы по объему программы, по содержанію ея и по продолжительности курса должны быть трехъ родовъ: одні съ сельскохозяйственной окраской и съ учителями специалистами. Программа обученія въ нихъ должна приблизительно равняться программѣ обыкновенной начальной школы или даже меньше, съ добавленіемъ нѣсколькихъ специальныхъ сельскохозяйственныхъ предметовъ (земледѣліе, скотоводство и еще хотя одинъ изъ такихъ предметовъ, которые бы имѣли мѣстное значеніе). Курсъ обученія въ нихъ— три года, при чемъ каникулъ быть не должно, потому что ученики всегда могутъ бывать у своихъ родныхъ, и если допустить ихъ, то самыя непродолжительныя (1 мѣсяць). Другія школы должны быть только видоизмѣненіемъ обыкновенныхъ начальныхъ школы; предметы обученія въ нихъ тѣ же, что и въ начальной школѣ, продолжительность курса тоже 3 года, но только каникулы должны быть значительно меньше, такъ какъ ученики опять таки не будутъ имѣть въ нихъ большой надобности. Въ третьихъ же школахъ будутъ учить только читать, писать и считать, на что вполне достаточно двухъ лѣтъ, даже если допустить непродолжительныя каникулы; это-тѣ же школы грамотности, но только странствующія.

«Киргизская Стенная Газета», 1895 г., № 48.—Вѣсти изъ Баянъ-Аула.

Объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ въ окрестностяхъ Баянъ-Аула.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г. № 3.—Изъ залы суда.

Уголовное дѣло по обвиненію киргиза Котургульской волости, Кокчетавскаго уѣзда, Абдуллы Чокемепова въ убійствѣ киргиза той-же волости—Мысикова.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г. № 7.—О бѣсныхъ рѣшеніяхъ.

Какъ людъ темные, бѣи, при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, часто выходятъ изъ предѣловъ предоставленной имъ закономъ власти. При разборѣ дѣла, они не обращаютъ вниманія на то, подсудны-ли имъ разсматриваемыя дѣла, или нѣтъ, или же за проступки и преступленія назначаютъ такія наказанія или изысканія, которыя не допускаются закономъ. Обвиняемые или отвѣтчики, часто бѣдные, слабые люди, ни за что терять такое возмездіе, которое далеко превышаетъ нормы наказаній, определенныхъ закономъ за извѣстныя дѣланія, а выигравшіе дѣло—сильные и богатые киргизы требуютъ исполненія рѣшеній бievъ во всёхъ частяхъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 11, 12 и 14.—Обрядъ торжества при объявленіи по Всевысочайшей Ея Императорскаго Величества конфирманціи киргизскому средней орды Валию Султану Хапскаго достоинства и при учиненіи на то присяги въ 1 день ноября быть имѣющаго.



«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 15. — Открытіе Кокчетавскаго окружнаго приказа въ 1824 году.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 21. — Изъ Копальскаго уѣзда. Корреспонденція объ охотѣ.

Многіе киргизы занимаются охотою, какъ промысломъ. Охота производится на волковъ, лисицъ, дикихъ козь разныхъ породъ, мараловъ и медвѣдей. Охота на послѣднихъ не всегда бываеъ удачна и представляетъ большія опасности.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., №№ 23 и 27. — Г. А. Колпаковскій † 23 апрѣля 1896 года.

Биографическія свѣдѣнія о Г. А. Колпаковскомъ, бывшемъ степномъ генералъ-губернаторѣ.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 29. — Аульская школа на выставкѣ.

Обученіе населенія Тургайскаго округа быстрыми шагами идетъ впередъ. Киргизскія общества охотно обезпечиваютъ и постройку, и содержаніе школъ, а частныя лица дѣлаютъ на нихъ крупныя пожертвованія. Теперь въ рѣдкомъ аулѣ Тургайскаго округа нѣтъ кочевой школы.

Учителя всѣ почти русскіе и часто семейные живутъ одною жизнью съ киргизами. Многіе не выдерживаютъ и скоро отказываются, хотя матеріальное положеніе ихъ въ степи сравнительно съ положеніемъ русскихъ учителей лучше: они получаютъ 240 руб. въ годъ.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 32. — † А. Я. Фриде. Некрологъ.

9-го іюля 1896 года скончался въ Ярославлѣ, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, ярославскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Алексѣй Яковлевичъ Фриде, бывшій военный губернаторъ Семирѣченской области (1882 г. — 1887 г.). Приведемъ краткій очеркъ службы Алексѣя Яковлевича до назначенія его ярославскимъ губернаторомъ, газета говоритъ, что особенно симпатичною является дѣятельность А. Я. Фриде въ бытность его начальникомъ Семирѣченской области во время ужаснаго землетрясенія въ г. Вѣрнонѣ 28 мая 1887 г., унесшаго массу жертвъ и причинившаго мѣстности столько несчастій. Землетрясеніе это превышало силою и разрушительнымъ дѣйствіемъ всѣ подобныя явленія, бывшія доселѣ не только въ области, но и во всей Россіи, и обнимало собою огромное пространство отъ Сыръ-Дарьи до Сергіополя. Населеніе растерялось и упало духомъ. Нужно было немедленно озаботиться принятіемъ надлежащихъ мѣръ къ успокоенію его, къ обезпеченію продовольствія, къ охраненію брошеннаго въ развалинахъ города имущества. И вотъ, не смотря на то, что А. Я. самъ страшно пострадалъ отъ землетрясенія, былъ разбитъ и раненъ въ голову, онъ ни на минуту не забывалъ въѣреннаго ему населенія. Все возможное и необ-

ходимое было своевременно сдѣлано, и населеніе, въ первый же день катастрофы обезпеченное продовольствіемъ и кровомъ въ юртахъ, благодаря заботамъ и распоряженіямъ Алексія Яковлевича, — успокоилось и занялось устройствомъ своихъ жилищъ и приведеніемъ въ порядокъ своего имущества.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 33.—Киргизскія былины.

Высказывается общій взглядъ на былины, которыя у киргизовъ не представляютъ изъ себя цѣльнаго цикла пѣсней, но состоятъ изъ отдѣльных, самостоятельныхъ пѣсней про могучихъ таповъ, богатырей, про ихъ дѣла и подвиги. Лучшимъ другомъ богатыря во всѣхъ былинахъ является конь, который, подобно самому богатырю, обладаетъ преувеличенными способностями бѣга, зрѣнія, силы и т. д.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 35.—Конокрадники киргизы въ тюрьмѣ. Корреспонденція изъ г. Тюкалинска.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 46.—Каркаралинская ярмарка.

Въ 1892 г. на Каркаралинской ярмаркѣ было продано разнаго рода товаровъ на 212,376 руб., въ 1893 г.—453,433 руб., въ 1895 г. цифра сбыта превышала уже 500,000 р. Кромѣ скота, кожи, шерсти и конскаго волоса кочевники—киргизы привозятъ на ярмарку тысячи кошмъ, соль, разныя атрибуты юртовскаго убранства и предметы степного обихода, остовы юртъ, продукты охоты—шкурки дикихъ козловъ, лисицъ, хорьковъ, барсучья, волчьи и медвѣжьи.

Въ этомъ же номерѣ помѣщена статья подъ заглавіемъ—«Къ открытію школъ въ степи». Въ статьѣ сообщается, что киргизы Атбасарскаго уѣзда, Акмолинской области, постановили открыть въ память священнаго коронованія Государя Императора Николая Александровича съ Государшией Императрицей Александрой Феодоровной русско-киргизскую школу съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 5000 рублей (по 400 рублей съ волости и по 36½ коп. съ кибитки).

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 51.—Корреспонденція изъ Баянъ-Аула.

О конокрадахъ.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 1.—Корреспонденція изъ Устькаменогорскаго уѣзда.

Говорится объ уменьшеніи конокрадства.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 4.—Высочайшая благодарность.

Государь Императоръ на всенароднѣйшемъ докладѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ о выраженіи вѣрноданинскихъ чувствъ и поздрав-

лній, по случаю Священнаго Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, киргизами Байтюгеевской и Токъ-Арустановской волостей, Джаркентскаго уѣзда, Семирѣченской области, ознаменовавшими это событіе постановленіемъ объ устройствѣ для киргизскихъ дѣтей школы русской грамотности, изволилъ собственноручно начертать: «Прочель съ удовольствіемъ. Искренне благодарю». Киргизы названныхъ волостей постановили отпустить изъ общественныхъ суммъ на школы: Байтюгеевцы—ежегодно 250 руб. и Токъ-Арустановцы 200 руб. 20 коп.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., №7.—Ссылка киргизовъ конокрадовъ. Корреспонденція изъ г. Тюкалинска.

Русская поговорка гласитъ—«Всякому дѣлу бываетъ конецъ»,—такъ поступило начальство съ конокрадами киргизами въ Тюкалѣ. Въ Тюкалинскомъ округѣ въ недавнее время конокрадство составляло для гражданъ и крестьянъ большое зло. Подъ руководствомъ одного ссыльнаго-поселенца черкеса въ Тюкалинскомъ округѣ дѣйствовала цѣлая шайка конокрадовъ, среди которыхъ были и киргизы. Кавказецъ-черкесъ былъ пойманъ полиціею, а съ нимъ и киргизы его товарищи. Всѣ они послѣ продолжительнаго заключенія въ острогѣ были сосланы въ Восточную Сибирь.

Въ отдѣлѣ «Разныя Завѣстія» между прочимъ сообщается, что въ Кустанай съ 1895 г. устроена женская прогимназія для дѣтей горожанъ и киргизовъ. Послѣ открытія этого учебнаго заведенія, предполагалось реорганизовать его въ Маріинское училище, но въ настоящее время вопросъ этотъ разрѣшенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ смыслѣ сохраненія существующаго типа, въ предположеніи о переносѣ въ Кустанай областныхъ учреждений и могущей быть необходимости переобразования прогимназіи въ гимназію.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., №10.—Пушной промыселъ въ киргизскихъ степяхъ.

Пушной промыселъ въ Тургайской и Акмолинской областяхъ для мѣстныхъ кочевниковъ является одной изъ довольно важныхъ статей дохода. Въ послѣднее время охота за этими хищниками приняла особенно значительные размѣры. По статистическимъ свѣдѣніямъ въ періодъ 1890—1896 годовъ изъ Тургайской области вывезено 9625 волчьихъ шкуръ, продано на мѣстныхъ рынкахъ 4144 шт., общее же количество достигаетъ довольно солидной цифры 13.769 шкуръ, что, при средней цѣнѣ въ 2 р. 50 к. за штуку, въ этотъ семилѣтній періодъ дало кочевникамъ 31.422 р. 50 к., не считая преміи. Въ Акмолинской области за то же время добыто 16.442 шкуры. Въ 1895 и 96 годахъ въ Тургайской области добыча волчьихъ шкуръ поднялась съ 600 до 3700, а въ Акмолинской съ 900 до 5000. Лисьихъ шкуръ въ 1896 г. въ Тургайской области добыто 14119 и въ Акмолинской 20794, что, при средней стоимости въ 3 руб. за шкуру, дало кочевникамъ 104769 руб. дохода. Относительно добычи этихъ шкуръ замѣчается, что въ послѣднее время охота за лисницей приняла въ киргизскихъ степяхъ хищническій

характеръ. почему администраціей должны быть изданы правила, ограничивающія истребленіе зѣбры, безвреднаго для хозяйства кочевниковъ. Кромѣ волка и лисицы, въ сказанныхъ областяхъ добывается около 35000 штукъ хорька, цѣною, смотря по качеству, отъ 30 до 50 руб. за сотню и большее количество корсака, горностая, барсука, сайгака и зайца. Въ общей сложности, охота за пушными зѣбромъ доставляетъ киргизамъ, кочующимъ въ двухъ стѣнныхъ областяхъ, свыше 300000 руб. ежегоднаго дохода.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 11.—Корреспонденція изъ Усть-Каменогорскаго уѣзда.

Авторъ говоритъ между прочимъ слѣдующее. Бѣдные киргизы могли съ большою выгодною заниматься хлѣбопашествомъ въ подспорье или даже взаимно падающаго скотоводства. Не слѣдуетъ смущаться возможностью неурожая, такъ-какъ сборы одного урожайнаго года могутъ съ избыткомъ покрыть недоборы нѣсколькихъ лѣтъ неурожая; притомъ всѣмъ извѣстно, что неурожайные годы приходятъ гораздо рѣже, чѣмъ годы съ хорошимъ урожаемъ. Не слѣдуетъ также киргизамъ воздерживаться отъ перехода къ земледѣльческому хозяйству, вслѣдствіе опасенія неумѣло взяться за дѣло: опыты научить, а трудъ, приложенный къ полезному дѣлу, вознаграждать земледѣльца стипендіей. Съ переходомъ киргизовъ къ осѣдлому образу жизни, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе можетъ обезпечить жизнь населенія, этотъ способъ хозяйства можетъ совершенно укрѣпиться.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 16.—Русско-киргизская школа.

О Досовской аульной школѣ въ Тургайской области.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 17.—Стремленіе къ образованію.

Отмѣчается стремленіе киргизовъ Тургайской области къ полученію русскаго образованія, выражающееся не только въ многочисленныхъ ходатайствахъ объ открытіи новыхъ аульныхъ школъ и о зачисленіи дѣтей въ разныя учебныя заведенія, но и въ крупныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ на увеличеніе образовательныхъ средствъ. За послѣдніе три года пожертвованы слѣдующіе капиталы: 1) въ концѣ 1893 г. киргизомъ Чубарской волости, Кустанайскаго уѣзда, Хакимжаномъ Мишайдаровымъ 1000 руб. на постройку зданія Чубарской волостной школы,—2) въ началѣ 1894 г. киргизами Актюбинскаго уѣзда внесено 8000 руб. на учрежденіе при С.—Петербургскомъ университетѣ стипендіи имени Военнаго губернатора области генералъ-лейтенанта Якова Федоровича Барабашъ,—3) въ 1895 г. киргизами того же Актюбинскаго уѣзда, въ память брасосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, внесенъ капиталъ въ суммѣ 16000 руб. на учрежденіе 2-хъ стипендіи при Московскомъ сельскохозяискомъ институтѣ.—4) въ 1896 году киргизъ № 1 аула Чубарской волости, Кустанайскаго уѣзда, Исманлъ Яманчаловъ пожертвовалъ въ память рожденія Великой Княжны Ольги Ни-

коллаемъ 1790 р. на построение и содержаніе въ теченіе 7 лѣтъ аульской школы, которая уже и открыта,—5) въ 1896 году, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, киргизами Пргизскаго уѣзда собрано 20000 руб. на открытіе въ г. Пргизѣ сельско-хозяйственной киргизской школы и 6) въ первыхъ числахъ апрѣля 1897 г. представители отъ киргизовъ явились въ Оренбургъ и заявили военному губернатору области о желаніи населенія учредить при Оренбургскомъ реальномъ училищѣ стипендію съ присвоеніемъ ей имени Н. П. Крафтѣ. Видимо, киргизы Тургайской области хорошо понимаютъ пользу просвѣщенія и не жалѣютъ средствъ на учрежденіе школъ. Въ этомъ отношеніи они далеко превосходятъ своихъ сородичей въ другихъ областяхъ степного края.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 18.—Итоги всеобщей переписи населенія

По губерніямъ и областямъ Сибири и Степного края населеніе это распределяется слѣдующимъ образомъ: въ Акмолинской области 683720 д. обоего пола, въ Семипалатинской 688.639 и въ Семирѣченской 990.243.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 20.—Неблаго- видные приемы партійной борьбы. Корреспонденція изъ Павлодарскаго уѣзда.

Желая баллотироваться на должность волостного управителя, атаманы прежде всего подсчитываютъ голоса выборныхъ, состоящихъ въ родствѣ съ ними, т. е. лицъ, снабженныхъ полномочіемъ выборныхъ и принадлежащихъ къ одному роду съ кандидатомъ. Если такихъ родственниковъ окажется большинство среди всего наличнаго числа выборныхъ, то побѣда претендента на выборахъ обезпечена, такъ какъ «родственникъ» всегда подаетъ голосъ за своего родовича. Если же родственниковъ у претендента недостаточно среди выборныхъ, то послѣднему для составленія большинства приходится покупать голоса у тѣхъ выборныхъ, которые, располагая ничтожнымъ числомъ голосовъ, не имѣютъ никакихъ шансовъ провестись въ управители своего кандидата. Такіе выборные охотно продаютъ свои голоса тому изъ выступившихъ на баллотировку кандидатовъ, который въ нихъ нуждается и пожелаетъ купить. Голоса этихъ выборныхъ всегда такимъ образомъ на счету у баллотирующихся противниковъ, такъ какъ одинъ купилъ ихъ у однихъ выборныхъ, другой—у другихъ. Баллотировка обыкновенно только подтверждаетъ и даетъ извѣстное официальное выраженіе закулисной предварительному «подсчету» конкурирующихъ кандидатовъ, основанному на подкупѣ.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 27.—Истребленіе волковъ.

Волки, какъ извѣстно, наносятъ сильный ущербъ киргизскому скотоводческому хозяйству почти повсюду въ степи. За 1896 годъ въ Тургайской области волками было истреблено: въ Актюбинскомъ уѣздѣ 1305 лошадей, 567 головъ крупнаго рогатаго скота, 98 верблюдовъ, 4425 овецъ и 713 козъ; въ Пргизскомъ—2446 лошадей, 833 головы крупнаго рогатаго

скота, 790 верблюдовъ, 8591 овца и 1022 козы; въ Кустанайскомъ уѣздѣ— 3716 лошадей, 1359 головъ крупнаго рогатаго скота, 86 верблюдовъ, 5361 овца и 1364 козы — всего 8188 лошадей, 3389 головъ крупнаго рогатаго скота, 1296 верблюдовъ, 30998 овецъ и 4403 козы. Истребленіе волковъ въ Тургайской области идетъ, однако, довольно успѣшно, благодаря главнымъ образомъ выдачѣ денежныхъ наградъ за каждого убитаго волка изъ областныхъ земскихъ сборовъ. За этотъ годъ въ области уничтожено волковъ: стрижнинными пилулями 757 штукъ и другими способами 1338 штукъ; всего 2595 штукъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 28.—Киргизн-земледѣльцы Тургайской области.

Киргизы Тургайской области изъ-года въ-годъ все увеличиваютъ площадь посѣва хлѣбовъ. Они отлично научились налаживать сабаны, которыми пашутъ, не спорачивая борозды. Не рѣдкость увидѣть, что киргизъ, управлявшій сабаномъ, пустивъ таковой изъ одного конца загона, идетъ до другого, заложивши руки за спину, развѣ только застрявшій соръ заставитъ его взяться за деревянную лопаточку и поворошить его изъ-подъ «грядилки». Пашутъ борозду довольно широко, ровно и-пласть широкій. Боронятъ они обыкновенной же бороной; посадятъ мальчугана верхомъ, онъ пройдетъ раза два по одному мѣсту, а затѣмъ уже начинаетъ брать рядомъ по свѣжему мѣсту. Когда вырастетъ просо, то оно стоитъ обыкновенно рядами, только между пластовъ. Только благодаря плодородной землѣ киргизы намолачиваютъ въ урожайные годы до 200 пуд. съ десятины, тогда какъ у русскихъ, которые сѣютъ на киргизской землѣ, въ такіе годы урожай бываетъ до 250 и болѣе пудовъ. Затѣмъ, киргизы не умѣютъ во время собирать т. е. сжать просо. Жнутъ они обыкновенно сами, но, какъ люди, привыкшіе болѣе къ праздной жизни, они не встаютъ на работу рано, а, вставши, непременно пачьются чаю, а потомъ и за работу. Поэтому жатво идетъ крайне медленно. Посѣвшаго проса при сильныхъ вѣтрахъ много высккиается на землю, такъ много, что иной разъ оно почти закрываетъ землю, доставаясь потомъ дикимъ уткамъ, возвращающимся осенью на свои зимнія стоянки. Врагомъ земледѣлія у киргизовъ являются дикія утки, которыя налетаютъ въ громадномъ количествѣ. Приходилось наблюдать, что оставшіяся съ вечера сотни три сноповъ утромъ представляли изъ себя одну солому.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 34.—Подготовка учителей для народныхъ школъ Тургайской области.

Стремленіе къ русскому образованію съ каждымъ годомъ все болѣе охватываетъ киргизское населеніе области, почему въ степи вырастаютъ новыя и новыя школы, а въ разныхъ виѣ-областныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ Оренбургской киргизской учительской школы и кончая столичными университетами, въ спискахъ стипендіатовъ появляются и постепенно прибываютъ имена дѣтей киргизовъ Тургайской области. Мѣстная администрація съ полнымъ сочувствіемъ идетъ на встрѣчу столь отрадннмъ

побужденіямъ киргизовъ, изыскивая средства къ удовлетворенію ихъ желаній просвѣщенія, при чемъ всѣ расходы на образованіе съ совершенной готовностью принимаются киргизами, лично жертвующими на этотъ предметъ не мало денегъ. Возникновеніе и развитіе въ области русскихъ поселковъ, составляющихъ предметъ большихъ заботъ администраціи, также требовало насажденія въ селеніяхъ школъ, но быстрое нарожденіе школъ въ области обнаружило недостатокъ въ учителяхъ, соответственно подготовленнымъ для обученія дѣтей, почему должности учителей пришлось предоставлять лицамъ, не достаточно или даже совсѣмъ не подготовленнымъ къ педагогической дѣятельности. Въ 1896 году (изъ 135 учителей въ школахъ Тургайской области) лицъ, получившихъ спеціальную подготовку, насчитывалось только 66; остальные 69 не получили соответствующаго образованія, при чемъ 20 изъ нихъ даже вовсе не имѣли права на преподаваніе. Для разрѣшенія такой настоятельной нужды въ подготовкѣ учителей для школъ области г. военный губернаторъ въ 1895 году вошелъ въ сношеніе съ г. попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа, признавшимъ также полную необходимость въ расширеніи средствъ подготовки учителей. Въ виду неимѣнія ни въ учебномъ вѣдомствѣ, ни въ распоряженіи г. военного губернатора матеріальныхъ средствъ на какое-либо прочное и болѣе обширное мѣропріятіе къ удовлетворенію названной нужды, было учреждено при Оренбургской киргизской учительской школѣ 17 стипендій для киргизовъ на суммѣ земскихъ сборовъ. Въ 1897 году расходъ по содержанію сказанныхъ 17 стипендіатовъ министерствомъ финансовъ разрѣшено отнести на счетъ остатковъ земскихъ сборовъ по смѣтѣ Тургайской области 1897 года.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 36. — Къ чему иногда ведетъ партійная борьба.

Баймулла былъ молодъ, извѣстенъ и богатъ, ему пришло въ голову сдѣлаться волостнымъ управителемъ. Онъ потратился на организацію партіи много. Всѣ табунъ лошадей онъ роздалъ подъ «май», собралъ ихъ только часть и то изнуренныхъ—кости да шкура. Дѣло было глубокою осенью, зима же по несчастію случилась суровая. Къ веснѣ всѣ эти лошади пали. Всѣ свои наличныя деньги Баймулла потратилъ на удовлетвореніе аппетитовъ ненасытныхъ аткамынеровъ, а такъ какъ денегъ все-таки еще далеко не хватало, то пришлось покойному продать барановъ, которыхъ и такъ было на половину перерѣзано на угощеніе. Денегъ все не хватало. Къ несчастію Баймуллы, въ самую критическую минуту нужды, ему предложилъ свои услуги бывшій его пріятель, толмачъ Александръ. Онъ ссудилъ ему 200 рублей. Выборы прошли для Баймуллы неудачно и за этимъ послѣдовало полное раззореніе. Даже съ Александромъ рассчитаться было не чѣмъ, а онъ частенько напоминалъ долгъ, грозя, въ случаѣ неуплаты, обратиться въ судъ, а Баймулла больше всего боялся суда. Завелъ съ кредиторомъ тамырство, старался по возможности задобрить подарками: то шубу свезетъ ему, то коверъ, то лошадь сведетъ—и чѣмъ чаще сталъ возить подарки, тѣмъ чаще неумолчный тамыръ сталъ напоминать о долгѣ, не переставая однако обѣщать погасить долгъ тамырствомъ. Наконецъ, ресурсъ Баймуллы

окончательно подорвались, средства истощились, не осталось ни вещей, ни лошадей, а кредитор не забывал напоминать о долге, потому не видя подарков, предъявил в суд иск. Так и разорился в конце Байжулла.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 37. — Образование киргизских оседлых поселений в Семирѣченской области.

Говорится объ образовании в Пишпекскомъ уѣздѣ 5 киргизскихъ селеній: Абдрахмановки, Темика, Талызина, Николаевского и Кечетинскаго.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 37 и 38.

Приводится Высочайшее повелѣніе образовать врачебную часть въ уѣздахъ областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Уѣзды областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской подраздѣляются, въ врачебномъ отношеніи, на участки.

2) Въ каждомъ участкѣ состоятъ: участковый врачъ, фельдшеръ и фельдшерница-акушерка.

3) Участковые врачи опредѣляются къ должностямъ военными губернаторами, по представленіямъ областныхъ врачебныхъ инспекторовъ. Фельдшера и фельдшерница-акушерки назначаются врачебными инспекторами.

4) Опредѣленіе границъ участковъ и мѣстъ пребыванія участковыхъ врачей представляется степному генералъ-губернатору, по представленіямъ подлежащихъ военныхъ губернаторовъ.

5) На участковыхъ врачей возлагается: А) подаііе медицинскоіі помощи, въ предѣлахъ вѣренныхъ имъ участковъ, сельскому населенію, а равно городскому въ тѣхъ городахъ, гдѣ не имѣется особыхъ городскихъ врачей; Б) распространеніе оспoprививанія и обученіе оному учениковъ изъ мѣстныхъ жителей и В) исполненіе обязанностей по судебно-медицинской и медико-полицейской частямъ.

6) Пользованіе населенія и отпускъ ему медикаментовъ производится чинами по врачебной части бесплатно.

7) Суммы, назначенныя по каждой области на медикаменты, поступаютъ въ распоряженіе областныхъ врачебныхъ инспекторовъ, для снабженія врачей лѣкарствами или деньгами на пріобрѣтеніе оныхъ.

8) Участковые врачи, фельдшера и фельдшерница-акушерки снабжаются, для разъѣздовъ по дѣламъ службы вдоль почтовыхъ и земскихъ трактовъ, открытыми листами на полученіе земскихъ подводъ безъ платежа прогоновъ.

9) Степному генералъ-губернатору представляется остатки отъ кредитовъ, ассигнуемыхъ, по смѣтамъ земскихъ повинностей каждой изъ вѣренныхъ ему областей, на содержаніе врачебной части въ уѣздахъ, обращать на пріобрѣтеніе инструментовъ и аптекъ для врачей, а равно на постепенное устройство лѣчебницъ и пріемныхъ покоевъ.

10) Порядокъ отпуска и расходованія суммъ на устройство и содержаніе врачебной части устанавливается министерствомъ внутреннихъ



дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ.

11) Ближайшія правила о порядкѣ исполненія обязанностей служащими по врачебной части опредѣляются инструкціями министерства внутреннихъ дѣлъ.

Это Высочайшее повелѣніе въ значительной мѣрѣ расширяетъ возможность для мѣстнаго населенія пользоваться врачебною помощью. Въ каждомъ уѣздѣ должно быть по нѣскольку врачей, фельдшеровъ и фельдшерницъ-акушеровъ, при чемъ медицинскому персоналу мѣстопробываніе назначается въ наиболѣе населенныхъ пунктахъ, что обезпечитъ возможность большому числу лицъ находить медицинскую помощь безъ далекихъ поѣздокъ. Впрочемъ, чины медицинскаго персонала должны и сами дѣлать разѣзды, въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ участковъ, по врачебной надобности. Пользованіе населенія и отпускъ ему медикаментовъ врачами, свертыванія медицинской помощи, возложена также важная обязанность—распространять оспопрививаніе и обучать оному учениковъ изъ мѣстныхъ жителей. Увеличенный численно медицинскій персоналъ и снабженный при томъ въ достаточной мѣрѣ медикаментами и другими врачебными средствами, очевидно удовлетворитъ въ большей степени, чѣмъ это было раньше, потребности въ медицинской помощи, какъ у русскихъ, такъ и у киргизовъ.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 40.—Танабай и Бабыръ. Рассказъ изъ киргизскаго быта.

«Киргизская Степная Газета» 1897 г., № 41.—Жизнь киргизовъ въ Тюкалинскомъ округѣ. Корреспонденція изъ г. Тюкалинска, Тобольской губерніи.

Между прочимъ говорится, что съ прибытіемъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи въ Тюкалинскій округъ и съ водвореніемъ ихъ на крестьянскихъ земляхъ и на казенныхъ участкахъ, многое измѣнилось, какъ для киргизовъ, такъ и для сибиряковъ—старожилловъ. Пржняго приволья не стало. Нѣкоторые киргизы, оставивъ свои зимнія стойбища, удалились теперь въ Акмолинскую область. Другіе остались, но жизнь ихъ уже не прежняя.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 45.—Мишь и змѣя. Киргизская басня.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 46.—Простой способъ борьбы съ джутомъ.

Киргизы Ишимской волости Акмолинскаго уѣзда придумали и практикуютъ слѣдующій простой способъ добывать для скота кормъ во время гололедицы. Покрытое льдомъ пространство разбораниваютъ обыкновенными земледѣльческими бородами, затѣмъ по разбороженному льду прого-

няют крупный скотъ, подъ тяжестью котораго ледъ трескается. Наконецъ растрескавшійся ледъ разбиваютъ молотилками киргизскаго устройства (толстое бревно до 2-хъ аршинъ длинн съ вбитыми въ него толстыми клиньями, вращающаеся на оси). Послѣ послѣдней операціи для мелкаго скота становится совершенно возможнымъ тебелевать подножный кормъ.

Нельзя не пожелать возможно широкаго распространенія и примѣненія этого простаго способа борьбы съ величайшимъ для киргизовъ бѣдствіемъ—джутомъ, время отъ времени постигающимъ то тотъ, то другой районъ степи.

Въ этомъ же № находится киргизская сказка—«Мудрый Аязъ» (Не все то золото, что блеститъ).

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 47.—Асанкайгы.—Киргизская легенда.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 51.—Иди туда,—принеси сюда. Киргизская сказка.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 1.—Замѣчательное рѣшеніе съѣзда народныхъ судей о конокрадахъ. Корреспонденція изъ Баянъ-Аула.—«Иди туда—принеси сюда». Киргизская сказка (оканчивается въ № 2).

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № № 2 и 3.—О значеніи и цѣли производящагося нынѣ статистическаго изслѣдованія киргизской степи.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 4 и 5—Бати. Рассказъ изъ киргизскаго быта.

Бати была писанная красавица, средняго роста, стройная чернобровая и румяная брюнетка. Она сразу обратила на себя вниманіе мѣстной молодежи. Джигиты на перерывъ ухаживали за нею и тѣмъ болѣе были настойчивы въ желаніи понравиться, что мужъ такой красавицы былъ одиннадцатилѣтній мальчикъ. Какъ ни горько было молодой женщинѣ терпѣть такую пронію судьбы, но она оставалась твердой, не поддавалась никакимъ соблазнамъ. Бати была мастерницей на всякую работу и старалась трудомъ скрасить свою жизнь. Въ теченіе цѣлаго года ей пришлось, кромѣ того, переносить много обидъ и горя отъ родителей мужа, въ особенности отъ старухи—тещи. Они ее оскорбляли и за глаза и въ глаза, попрекая молодыми людьми, которые за ней ухаживали. Старики даже и думать не хотѣли, чтобы Бати могла быть вѣрна мужу—ребенку. Безконечныя придирки и оскорбленія ихъ стали наконецъ невыносимы, и Бати рѣшилась уйти въ аулъ къ отцу.—Зимній короткій день быстро клонился къ вечеру. Началъ дуть холодный пронзительный вѣтеръ. Кое гдѣ тропинку уже занесло и тяжело стало идти, но все-таки Бати шла, думая, что до вечера, можетъ быть, дойдетъ до какого-нибудь аула, гдѣ ее накормятъ и согрѣютъ. Вѣтеръ

все усиливался и уже крутилъ вихри изъ снѣжныхъ ледяныхъ крушинокъ и билъ ими больно въ лицо. Дышать было трудно. Время отъ времени вѣтеръ какъ бы съ бѣшеной силой срывался откуда то, тогда все исчезало изъ виду и совсѣмъ уже нельзя было идти дальше. Холодъ пронизывалъ нутницу до костей. Она сбилась съ дороги и, ощутившись на снѣгъ, задремала. Ей представилась, какъ на яву, вся ея жизнь. Она вспоминала родной аулъ, свое дѣтство и сверстниковъ. Кажется, вотъ подходитъ ея мать, гладитъ ее по головѣ и ласкаетъ.... Сердце Бати невыносимо ныло. Вѣтеръ продолжалъ бешевать надъ ея головою и все болѣе и болѣе заносилъ Бати снѣгомъ.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 6 и 7.—Лучшія породы киргизской лошади. Аргамакъ. Заимствовано изъ «Правительственнаго Вѣстника».

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 8 и 9. Годная степь и ея преданія.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 13. О современномъ положеніи киргизскаго хозяйства.

Измѣненіе формъ киргизскаго хозяйства въ направленіи къ болѣе урегулированному кочевому и затѣмъ къ осѣдлому строю жизни совершается подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Главную роль здѣсь играетъ естественный приростъ населенія, когда волей неволей приходится прибѣгать кочевнику къ восполненію своимъ трудомъ или своею заботою того, что не можетъ уже дать природа для наличнаго числа населенія. Большое значеніе имѣли въ хозяйственномъ смнслѣ расселеніе кочевниковъ изъ худшихъ мѣстностей степи въ лучшія. Сильное вліяніе оказываетъ на киргизское хозяйство русская колонизація. Сокращеніе площади пастбищъ является первымъ результатомъ появленія каждаго русскаго населенія въ степи. Затѣмъ слѣдуетъ увеличеніе киргизами запашекъ, иногда въ чрезвычайно значительныхъ размѣрахъ. Съ 1884 по 1894 г. въ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ уѣздѣ киргизскія запашки увеличились, по официальнымъ даннымъ, съ 2 до 200 тыс. десятинъ, т. е. въ теченіе десяти лѣтъ—въ сто разъ. Далѣе, русскій поселокъ, являясь экономическимъ центромъ известнаго степнаго района, производитъ съ киргизами обмѣнъ продуктами и рабочею силою, арендуетъ у нихъ земли и пр. Земледѣльческая культура вступаетъ постепенно въ конкуренцію со скотоводческою, и самое хозяйство кочевника постепенно принимаетъ формы осѣдлаго быта.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 18.—Къ вопросу о школьномъ образованіи киргизовъ Акмолинской области.

«Киргизская Степная Газета». 1898 г., № 26. Осѣдлая населенія киргизовъ.

Въ средѣ киргизовъ Семирѣченской области земледѣліе постепенно развивается и стремленіе ихъ въ охладное состояніе уже проявляется, хотя не во всѣхъ еще уѣздахъ и не въ значительныхъ размѣрахъ. Мѣстная областная администрація выработала рядъ поощрительныхъ мѣръ къ занятію киргизовъ земледѣліемъ и къ переходу ихъ въ охладное состояніе.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 28.—Корреспонденція изъ Омскаго уѣзда.

9-го іюля на урочищѣ Кара-Уйчукъ, въ предѣлахъ Омской волости, киргизъ № 5 аула Сатимбай Хамитовъ, въ числѣ 15 человекъ сообщниковъ, ночью напалъ на аулъ киргизовъ № 4 той же волости, съ цѣлью увести дочь Окшаубая Айчувакова, Салиху. Они ворвались въ юрту, украли Салиху и, избивъ ея родителей, скрылись.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 32.—Хитрый Бекжанъ. Киргизская сказка.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., №№ 32 и 33.—Нѣдравовъ киргизовъ во время партійныхъ раздоровъ.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 33.—Наказанный хитрецъ. Киргизская басня.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № № 34—36, 37.—Эреже (постановленіе) чрезвычайнаго сѣзда народныхъ судей Устькаменогорскаго и Семипалатинскаго уѣздовъ.

Дѣла брачныя и семейныя.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 42.—Стенные заправилы.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № № 48 и 49.—Пастухъ мальчижъ. Киргизская сказка.

«Киргизская Степная Газета», 1899 г., № 13.—Ворона называетъ своихъ дѣтонимшей голосистыми, а ежъ — мягкими. Киргизская сказка.

«Киргизская Степная Газета», 1899 г., № 14.—Вѣсти изъ Атбасарскаго уѣзда.

Сообщается, что киргизскія волости юга Атбасарскаго уѣзда страдаютъ отъ нашествія волковъ, которые губятъ массу мелкаго и крупнаго скота.

«Киргизская Степная Газета», 1899 г., №№ 15, 16, 17 и 18.—О способахъ улучшить качества киргизской лошади.

Киргизъ. — Киргизы-джатаки. Этнографическій очеркъ. — Русская Рѣчь, 1879 г. (авг.).

Рисуетса положеніе пограничныхъ осѣдлыхъ киргизовъ, отношеніе между ними и ихъ собратьями, кочующими въ степи.

Киттары, М. <sup>1)</sup>.—Гора Богдо и озеро Баскунчакское.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1848 г., ч. XXIV.

Описание горы Большое Богдо и Баскунчакскаго озера: ихъ мѣстоположеніе, видъ и т. п., а также приводятся сказанія, связанныя съ горой и озеромъ.

Киттары, М.—Киргизскій туй.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1849 г., ч. XXV.

Описание киргизскаго праздника и пара, на которомъ авторъ присутствовалъ.

Киттары, М.—Ставка хана Внутренней Киргизской орды.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1849 г., ч. XXVIII.

Подробное описание Ставки и ханскаго дворца.

Киттары, М.—Киргизская степь «Оренбургскія Губернскія Вѣдомости», 1850 г., № 14.

Киттары, М.—Къ торговлѣ Внутренней Букревской орды.—«Оренбургскія Губернскія Вѣдомости», 1850 г., № 14.

Кіій, Д. Замѣтка о религіи киргизовъ.—«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1860 г. № 45.

Клеменць, Д.—Письмо въ Редакцію.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1899 г., № 96.

Видъ волнующейся нивы, говоритъ Д. А. Клеменць, очень красивъ; но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ мѣстностей, въ которыхъ скучены наши кочевые инородцы, это зрѣлище можно устраивать только съ большими издержками, да и то не каждый годъ. На кочевой бытъ и юрту, продолжаетъ г. Клеменць, я не считаю возможнымъ смотрѣть, какъ на какое-то уродливое явленіе; наоборотъ, уродливо насильственное приуроченіе къ земледѣлію и осѣдлости кочевниковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбона-

---

<sup>1)</sup> Модестъ Яковлевичъ Киттары—извѣстный технологъ, воспитанникъ Казанскаго университета, родился въ 1825 году, на 25 году былъ уже докторомъ естественныхъ наукъ и выдвинулся своими зоотомическими работами, но съ 1850 г. посвятилъ себя технологіи. Въ 1853 году Киттары занялъ кафедру технологіи въ Казанскомъ Университетѣ, и подъ его вліяніемъ впервые проникли рациональные методы въ заводско-фабричную промышленность Поволжья. Въ 1857 году Киттары приглашенъ былъ въ Московскій университетъ на кафедру технологіи, открытую по ходатайству московскаго купечества, которое поставило Киттары и во главѣ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Умеръ въ 1880 году. (Энци. Сл.)

шество, если и можетъ быть введено, то съ большимъ рискомъ и издержками. Нельзя игнорировать того факта, что кочевое скотоводство даетъ самое дешевое мясо, а мясо для питанія Россіи,—по крайней мѣрѣ—второй по важности продуктъ послѣ хлѣба. У насъ, въ Европейской Россіи, степное, кочевое скотоводство сокращается и будетъ еще сокращаться, по мѣрѣ того, какъ южныя степи будутъ занимать земледѣльцами. Не то въ обширныхъ нашихъ азіатскихъ кочевникахъ; въ солончаковыхъ и каменистыхъ степяхъ, съ сухимъ климатомъ и безснѣжными зимами. И тамъ, конечно, можно путемъ издержекъ и усилій, насадить кое-гдѣ земледѣліе,—но желательно ли? Для всякой мѣстности—своей тицѣ хозяйства. Гдѣ въ наличности имѣются благоприятныя почвенныя и климатическія условія, не только буряты, алтайцы, качинцы, но монголы и китайскіе подданные—киргизы начинаютъ сѣять хлѣбъ, но смотря на то, что тамъ администрація смотритъ на это косо и даже запрещаетъ закономъ распахку пелей въ Монголіи.

Книга глаголемая Большой чертежъ. Изданіе Г. Н. Спасскаго 1 ч. 1846 г. Москва.

«Книжный Вѣстникъ»<sup>1)</sup> 1891 г. № 1.—0 книгъ:—«Н. Н. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года», В. Витевскаго (Казань, 1891 г.).

Ко (Александровъ, А. Е.)—Къ мудрости ступенька. Азбука для учениковъ начальныхъ русско-киргизскихъ школъ. Москва, 1891 г.

Къ азбуцѣ приложенъ киргизско-русскій словарь.

Кобелевъ.—Степные коробейники.—«Киргизская Степная Газета», 1893 г., № 29 и 30.

Въ этой статьѣ авторъ, близко наблюдавшій степныхъ торговцевъ, даетъ очеркъ ихъ дѣятельности во многихъ отношеніяхъ не симпатичной, но объяснимой условіями захолустной степной жизни. Мелкою разноскою торговлею въ степи занимаются почти всегда сами киргизы. Это обыкновенно бѣдные люди, имѣющіе скота всего только одну лошадь да корову, а иногда и того не имѣютъ, а берутъ въ наемъ у другихъ. Торговцы эти, большею частью, люди малотрудлюбивые, склонные къ праздному житію и способны отъ природы къ торгашеству.

Кобланъ.—Новый годъ въ киргизской школѣ. Изъ воспоминаній.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 453.

---

<sup>1)</sup> «Книжный Вѣстникъ»—журналъ книжно-торговой, издательской и литературной дѣятельности въ Россіи, органъ русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, выходитъ въ С.-Петербургѣ, издается съ 1884 года.

Статья весьма любопытная. Никогда еще школьники-киргизята, говорить авторъ, не видали въ стѣнахъ своего училища такого праздника, какой былъ устроенъ нами для нихъ въ день киргизскаго новаго года; праздникъ этотъ былъ, кажется, единственный за все время существованія школы. Но крайней мѣрѣ, до этого раза—ничего подобнаго не устраивалось, да, думается, и впоследствии ничего не предпринималось для повторенія торжества... Праздникъ, устроенный нами, въ то время принялъ характеръ общественнаго событія, такъ-такъ мѣстность, гдѣ находилась школа, хорошими событиями вообще бѣдна. Лежитъ эта мѣстность среди глубокихъ, сыпучихъ песковъ, «ни сосенки кудрявыя, ни ивки вокругъ нея». Куда ни обратите вы свой взоръ, вы всюду увидите пески, да легкіе кустики «чагра»... Жизнь заброшенныхъ въ эту печальную пустыню «русскихъ людей» тянется монотонно, тоскливо, до тошноты однообразно: нынче, какъ завтра, завтра, какъ вчера. Чиновенство ходитъ на занятія, а въ свободныя часы—пьетъ и въ карты играетъ: «прочее сословіе»—торгуетъ и пьетъ. Для разнообразія обыватели силетничаютъ, враждуютъ между собой, мирятся и опять расходятся. Такъ проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, часы... мелкія ссоры смѣняются крупной враждой, крупная вражда мелкими ссорами и не видно конца этому ягlistому существованію... При такихъ-то условіяхъ, праздникъ въ нашей школѣ неминуемо долженъ былъ принять характеръ общественнаго событія и сдѣлаться предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ, среди населенія, стать мишенью, на которой сосредоточивалось все вниманіе обывателей...

О праздникѣ, предполагавшемся въ школѣ, прослышали и ближайшіе киргизы. Ежедневно почти являлись они къ намъ, учителямъ, съ распросами: какъ да что будетъ? Интересовало ихъ и то обстоятельство, всѣ-ли дѣти примутъ участіе въ праздникѣ или только нѣкоторые, напр., дѣти богатыхъ родителей, лучшіе ученики и т. п. Когда же узнали, что весь наличный составъ школьниковъ, безъ всякихъ исключеній, будетъ присутствовать на торжествѣ, что праздникъ устраивается для всѣхъ, скуластыя лица киргизовъ просвѣтились, ихъ широкія, стениныя горла издавали різкіе звуки, означавшіе удовольствіе. Нѣсколько дѣтей, учившихся въ школѣ, были изъ мѣстностей, удаленныхъ отъ школьнаго пункта верстъ на 60 и болѣе. За такими дѣтьми, «по примѣру прежнихъ лѣтъ», пріѣзжали посильные или сами отцы, съ цѣлью забрать на «наурузъ» ребятнишекъ домой, но, когда узнали, что дѣти будутъ праздновать новый годъ въ школѣ, то не настаивали на отпускѣ..

За недѣлю до 1 марта (день киргизскаго новаго года) у насъ почти все было готово: припасены подарки, куплены разныя сласти, дѣтьми изучались нѣсенки русскія и киргизскія; такъ какъ школьное зданіе предполагалось иллюминировать, то нами, учителями, при помощи самихъ дѣтей, клеились фонарики, на которыхъ вырѣзывалась фраза «пусть новый годъ будетъ счастливъ»—по киргизски. Больше всего пришлось работать одному учителю, который былъ удивительный мастеръ на всякія «художества»: сладить, сгромадить, склеить—на все это былъ способенъ «Патехоричъ»,

такъ звали учителя обыватели, переверкавъ его отчество—Елпидифоровичъ. Между тѣмъ, другой учитель усердствовалъ съ изученіемъ ребятшиками пѣсень, какъ русскіихъ, такъ и киргизскіихъ. Первые у киргизятъ не ладились, но за то вторые выходили на славу..

Обыватели мѣстечка только и толковали, что о школьномъ праздникѣ. Иные относились къ нему добродушно, а такъ называемые «патріоты»—со злобой.

Что это, въ самомъ дѣлѣ, выдумали?—говорила одна барыня нашему инспектору:—съ какой стати для дѣтскихъ дѣлъ да такіе праздники? Ужъ, если хотѣли, то собрали-бы нашихъ, покрайней мѣрѣ, свои—русскіе.

Другая барыня съ схиствомъ замѣтила нашему Патехормичу.

— Что это вы такъ усердствуете? ужъ полно, не понравилась-ли вамъ какая изъ стениныхъ красавицъ, не породниться-ли съ нею намѣреваетесь?

При чемъ тутъ красавица, какое отношеніе вообще могли имѣть красавицы къ школьному празднику,—барыня, вѣроятно, и сама не знала.. Патехормичъ, понятно, псечѣлся..

Одинъ чиновникъ задалъ намъ такой вопросъ:

— Послушайте, господа, я не понимаю, что вамъ за охота возиться съ этими безобразными дѣтшиками грязныхъ киргизовъ? Неужели вамъ недостаточно, что вы ихъ учите?... Пѣть, я не одобряю вашей пріязни къ этимъ стенинкамъ: они, чего добраго, слишкомъ возмечтаютъ о себѣ. Спорить съ этимъ господиномъ значило бросать слова на ветеръ, а потому его «снѣтнія» мы прямо игнорировали, сказавъ, между прочимъ,—«что-же, батенька, дѣлать? Наро-же и киргизскимъ ребятшикамъ какое-нибудь развлечение.

Но были, какъ уже сказано, и сочувствовавшіе идеѣ школьнаго праздника и такихъ сочувствующихъ оказалось больше, чѣмъ недовольныхъ. Иъ-которые изъ сочувствовавшихъ оказали даже матеріальную поддержку намъ, пожертвовавъ кое-какія вещи для подарковъ дѣтямъ..

Какъ бы, впрочемъ, ни было,—и довольные, и недовольные, всѣ на время позабыли съ своихъ мелкихъ интересахъ, сосредоточивъ вниманіе на школьномъ «событіи».

Настало утро 1 марта. Дѣти, всѣ чистенько одѣтыя, попарно отправились въ ближайшую мечеть, гдѣ совершали вмѣстѣ съ своимъ законоучителемъ-муллою намазъ и къ 10 часамъ возвратились въ школу. Мы, учителя, поздравивъ юныхъ стенинковъ съ новымъ годомъ, роздали имъ, пока не большіе, подарки, состоящіе изъ книгъ, карандашей, бумаги и т. п. Бѣднѣйшимъ дѣтямъ выданы были рубашки, кушачи и нѣкоторые другіе предметы. Затѣмъ дѣтямъ была, послѣ хорошаго завтрака, представлена полная свобода до вечера, такъ какъ главное торжество должно было произойти именно въ вечернюю пору; сами же мы, учителя, отправились пока въ гости въ ближайшій аулъ одного богатаго киргиза, приглашавшаго насъ на «наурузъ». Киргизята-школьники не могли все-таки остаться безъ надзора на время нашего отсутствія, почему одинъ изъ насъ, не пожелавшій ѣхать съ визитомъ, порѣшилъ сидѣть дома до нашего возвращенія.



Отсутствіе наше не могло пролиться особенно, такъ какъ, во-первыхъ, аулъ былъ не далеко, а во-вторыхъ, мы должны были непременно всѣ присутствовать на обѣдѣ воспитанниковъ...

Дѣйствительно, въ гостяхъ насъ не задержали: заинтересованное школьнымъ праздникомъ, съ нами пожелали побѣхать въ мѣстечко и хозяинъ, въ кибиткѣ котораго мы были, и гости, находившіеся у него, такъ что въ мѣстечко мы въѣхали «большою гурьбою», словно какія владѣтельныя особы...

Столовая школьниковъ въ 2 часа дня приняла необычный, праздничный видъ: всюду чистота, у дѣтей физиономіи самыя развеселія, оживленныя.. Поваръ Мухаметка, въ чистомъ фартукѣ, разносилъ громадную чашку лаши съ «маханомъ»; каждый воспитанникъ черпалъ изъ чашки большимъ ковшомъ жирную и вкусную лашу и наливалъ въ свой деревянный «аякъ» (маленькая чашка). Въ столовой, на полу, около стѣнъ, возсѣдало нѣсколько киргизовъ—родственниковъ и знакомыхъ дѣтей; одѣтые въ праздничные костюмы, они съ любопытствомъ смотрѣли на трапезу школьниковъ... Русскіе жители мѣстечка отложили свое посѣщеніе до вечера, такъ что днемъ почти никого изъ нихъ ни являлось...

Первое блюдо обѣда—лаша уничтожено было въ короткое время, причемъ въ уничтоженіи принимали участіе и находившіеся въ столовой «гости». За лашой Мухаметка притащила грандіозныхъ размѣровъ «самаръ» (большая деревянная чашка) съ шловомъ, который также былъ потребленъ въ скоромъ времени—«Дѣти покушали, ложки обтерли (языкомъ) и сказали—спасибо». Гости, вкусившіе отъ дѣтскихъ блюдъ, выразили свою благодарность отирательнымъ рыганьемъ, заключеннымъ словомъ «Алда рази болсун», поднялись съ своихъ мѣстъ, взяли въ руки нагайки, съ которыми никогда не расстаются киргизы, и вышли на «воздухъ». Дѣтямъ-же былъ предложенъ чай.

Въ 5 часовъ вечера приступлено было къ освѣщенію классныхъ комнатъ, откуда была заранѣе вынесена вся мебель. Въ большой комнатѣ готовился «столь» съ закусками. Къ 7 часамъ съ наружной стороны школьнаго зданія были развѣшаны разноцвѣтные фонари, на которыхъ ярко выдѣлялись киргизскія крупныя буквы, въ общемъ составляющія фразы: «джана жыл-мененъ! Джана жыл кайры болсунъ!», что значило—«съ новымъ годомъ! пусть будетъ счастливъ новый годъ!» Откуда-то было добыто нѣсколько плашекъ, ихъ разставили по столбамъ и зажгли. Патехоричъ еще заранѣе приготовилъ фейерверкъ, зажечь который предпологалось «въ заключеніе спектакля», какъ говорится.

Въ 7 часовъ въ школу стали сходитьсь приглашенные. Дѣтей разбили по отдѣленіямъ, около каждого отдѣленія всталъ «свой» учитель и съ прибытіемъ инспектора—праздникъ начался.. Толпа дѣтей человекъ въ 50, въ числѣ которыхъ русскихъ было не болѣе десятка, подъ регентствомъ одного изъ учителей, грянула народный гимнъ «Боже, Царя храни!» Странно было какъ-то слышать этотъ гимнъ въ исполненіи киргизскихъ дѣтей, среди необычной для русскихъ обстановки, въ глухой киргизской мѣстности,

гдѣ о царѣ русскомъ вообще имѣются смутныя понятія. Новъ то же время какое-то необъяснимое хорошее чувство охватывало слушателя во время исполненія гимна, забывалась разница происхожденій и религиозныхъ вѣрованій..

Гимнъ былъ исполненъ три раза и каждый разъ громкое «ура» дѣтей и всѣхъ присутствовавшихъ заключало это прекрасное произведеніе композиторской музы Ливова.

Затѣмъ, ребятамъ учителями розданы были сладости: конфеты, пряники, орѣхи; изъ вещей: платки, вѣчки и еще что-то, теперь не помню... Гостямъ предложенъ былъ чай. Послѣ небольшого отдыха дѣти запѣли монотонную киргизскую пѣсню, если не ошибаюсь, называющуюся «Жазъ», начало которой таково:

Саурде кутерилеръ рахметъ тум. . .  
Курниеръ кок жузиде каз-бенъ кум,  
Кокгенъ жамгыръ, таулардамъ суларъ журипъ  
Жаиларъ жеръ жузиде кардымъ сум. . .

Такъ какъ мартъ—весенній мѣсяцъ, то пѣсенка эта подходила какъ нельзя болѣе кѣсати, что въ ней говорится о наступленіи весны. Пѣсня эта, довольно длинная сама по себѣ, благодаря монотонному напѣву тянулась долго. Исполненіе ея шло не сразу всѣми школьниками въ другъ, а такимъ образомъ, что сначала одинъ пѣлъ два первые стиха, а потомъ уже всѣ подхватывали послѣдній.

#### Запѣвалъ:

Саурде кутерилеръ рахметъ тум  
Курниеръ кокъ жузиде каз-бен кум. . .

#### Хоръ:

Курниеръ кокъ жузиде каз-бен кум. . .

Пѣсня смѣнилась дѣтскими играми, распространенными среди киргизовъ: жуп-такъ (четь-нечетъ), орамалъ жасруга (жгуты) и др. Взрослые, не мѣшая дѣтямъ, оставались простыми зрителями. Учителя находились при школьникахъ и принимали непосредственное участіе въ ихъ играхъ. Игры смѣнились опять пѣснями, въ большинствѣ русскихъ, взятыми преимущественно изъ «Роднаго Слова». . . Присутствовавшіе на праздникѣ киргизы взрослые съ большимъ любопытствомъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ. То и дѣло среди нихъ слышались возгласы «караш, кандай кызык» (смотри, какъ весело); нѣкоторые такъ просто только «ночкивали» отъ удовольствія... Что было потѣшнаго на этомъ праздникѣ, такъ это удивленіе, выказанное киргизами при видѣ «инспекторскаго» аристана. Этотъ «музыкальный инструментъ» осматривался и ощупывался сынами степей со всѣхъ

сторонъ: ужасно поражала степниковъ легкость, которою сопровождается управленіе аростономъ. Расиросамъ—какъ, изъ чего и кѣмъ устроенъ аростономъ—не было конца..

Подъ звуки аростома нѣкоторые изъ русскихъ школьникъ впустились въ плясъ, чѣмъ доставили большое удовольствіе степнымъ гостямъ. Подзадоренные русскими, киргизскіе мальчики пожелали также показать свою удачу. Живо между присутствовавшими киргизами отыскался хорошій игрокъ на балалайкѣ, былъ отысканъ и этотъ инструментъ, и веселье приняло иной характеръ: изъ числа школьникъ-киргизятъ отдѣлились два танцора и подъ звуки балалайки принялись выдѣлывать различныя фигуры и руками, и ногами, и головой, пуская въ дѣло даже языкъ... Хохоту, одобрительнымъ возгласамъ—не было, казалось, предѣла...

Когда школьники вдоволь наигрались, маѣлись и наугощались, рѣшено было зажечь фейерверкъ. Послѣдній приготовили на открытомъ мѣстѣ передъ школьнымъ зданіемъ. Народу собралось, съ цѣлью посмотрѣть эту диковинную штуку—множество, больше всего киргизовъ, такъ какъ русскихъ въ мѣстечкѣ немного. Буквально все мѣстечко спрудилось около школы... Патехормычъ зажегъ сначала какую-то удивительную, имъ самимъ придуманную штуку. Съ трескомъ вспыхнула «штука» и вызвала со стороны зрителей крикъ восторга. За этой штукой загорѣлось «колесо», потому что заблестѣлъ полумѣсяцъ, горѣли еще какія-то «фигурки», и каждая новая штука вызвала въ степной публичкѣ самый дѣтскій восторгъ. О школьникахъ и говорить нечего; они находились на верху блаженства, если можно такъ выразиться. Когда погасла послѣдняя фигура фейерверка, дѣти опять собрались въ школу, разставились по-парно и, прощѣвъ снова «Боже, Царя храни», отправились въ столовую, гдѣ для нихъ приготовленъ былъ ужинъ. Около 11 часовъ ночи трапеза была «поручена» и ребятиамъ командовано было разойтись по спальнямъ.

Такъ былъ отпразднованъ новый годъ въ киргизской школѣ. Отпразднованъ онъ болѣе чѣмъ просто, скромно, тѣмъ не менѣе доставилъ много удовольствія для кочевниковъ и ихъ дѣтей, а жителямъ мѣстечка далъ тему для разговоровъ по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ.

Кобловъ, А. Споры и клузы.—«Тургайскія Областныя Вѣдомости», 1899 г., № 12.

Кобловъ, А.—Переселенцы.—«Тургайскія Областныя Вѣдомости», 1899 г., № 16—17.

Кобловъ, А.—Къ вопросу о переходѣ киргизовъ къ осѣдлому образу жизни.—«Тургайскія Областныя Вѣдомости», 1899 г., №№ 12 и 23.

Ковалевскій, В. П. Производительныя силы Россіи. Характеристики различнымъ отраслей народнаго труда. С.-Петербургъ, 1896 г.

Сѣверо-восточная половина Астраханской губ. отъ лѣваго берега Волги занята киргизами и, по имени кочевавшаго здѣсь въ концѣ прошлаго столѣтія султана Букея, получила названіе Букеевской орды. Вся эта мѣстность представляетъ изъ себя сплошную степь, въ которой только на сѣверѣ попадаются незначительныя площадки чернозема, занятыя подъ хлѣбопашество; въ общемъ же, вслѣдствіе неплодородія почвы, орда чрезвычайно бѣдна растительностью—на громадныхъ пространствахъ произрастаютъ только полынн и солянки; въ болѣе благоприятныхъ мѣстахъ встрѣчаются различныя виды ковила. Южная часть орды, кромѣ того, постоянно засыпается подвижными песками, иногда образующими горы (барханы). Случае нескы происходятъ здѣсь съ одной стороны изъ отложенія моря, а съ другой—вслѣдствіе разрыхленія непрочныхъ почвъ сѣотомъ и вырубкы послѣднихъ остатковъ лѣса и поросли<sup>1)</sup>. Орда страдаетъ крайнимъ недостаткомъ влаги. Климатъ лѣтомъ жаркій, зимой суровый. Такимъ образомъ почвенныя и климатическія условія исключаютъ для населенія возможность другого рода занятій, кромѣ скотоводства, въ которомъ и проходитъ вся жизнь киргиза, при чемъ лошади играютъ въ ней главную роль—мясо ихъ служить въ пищу, изъ молока кобылъ киргизы приготавливаютъ кумысъ, кожи идутъ на утварь и сбѣла и т. д.

Богатство киргиза опредѣляется количествомъ скота и главнымъ образомъ по числу лошадей. Лѣтомъ киргизы Букеевской орды кочуютъ въ войлочныхъ юртахъ (кибиткахъ), а зимою живутъ въ землянкахъ, устроенныхъ въ мѣстахъ, по возможности защищенныхъ отъ вѣтровъ и стужи. Скотъ и лошади круглый годъ находятся подъ открытымъ небомъ на подножномъ корму. Лѣтомъ они страдаютъ отъ сильнаго зноя, недостатка водопоевъ и массы оводовъ и мухъ, осаждающихъ табуны, зимою же принуждены добывать кормъ изъ подъ снѣга, съ большимъ трудомъ разрывая его ногами. Иногда послѣ оттепели быстро наступаютъ морозы, и степь покрывается слоемъ льда (гололедица); лошадямъ приходится съ огромными усиліями разбивать ледяную кору, доставая изъ-подъ нея кормъ ничтожными количествами. Сильныя метели (бураны) и снѣжные заносы иногда въ нѣсколько дней губятъ массу животныхъ, истощенныхъ и обезсиленныхъ отъ продолжительной голодовки. Но помимо всѣхъ этихъ суровыхъ и неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ вырастаетъ, развивается и живетъ киргизская лошадь, особенно пагубно отражается на коневодствѣ производство кумыса, которымъ почти однимъ питаются киргизы въ теченіе всего теплаго времени года, и потому его требуется огромное количество. Для приготавливанія кумыса выдаиваютъ почти всѣхъ кобылъ, а такимъ образомъ жеребята даже въ первый годъ своей жизни лишены питательнаго корма и должны довольствоваться одной скудною травой, съ наступленіемъ же зимы вѣстѣ съ взрослыми лошадями переносить уже всѣ невзгоды. Конечно, масса

---

<sup>1)</sup> Въ видахъ сохраненія остатковъ лѣса и возможнаго возстановленія прежняго растительнаго покрова для борьбы съ песками, въ 1891 г. въ центрѣ орды на 15½ тысячахъ десятинъ устроено Парыньское лѣсничество.

жеребятъ гибнуть, зато тѣ, которые вырастаютъ, оказываются лошадыми, удивительно выносливыми, непритотливыми на кормъ и способными перенести всевозможныя лишения.

По даннымъ военно-конскимъ переписямъ 1893 года общее поголовье лошадей въ ордѣ опредѣлено въ 112,412 кони, но при этомъ было замечено, что въ высшей степени суровыя зимы 1891 и 1892 г.г. сократили коневодство киргизовъ почти на 50%.

Киргизское коневодство существуетъ повсюду, гдѣ кочуютъ киргизы; такимъ образомъ, въ Европейской Россіи, кромѣ Астраханской губ., киргизскія лошади разводятся въ степяхъ Оренбургской губ., а затѣмъ по ту сторону Урала на всемъ громадномъ пространствѣ степей средне-азиатскихъ владѣній Россіи, а именно въ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской областяхъ и сѣверо-западнымъ уѣздамъ Сыр-Дарьинской области. Киргизскія степи занимаютъ слишкомъ 200 милліоновъ десятинъ; онѣ только мѣстами пригодны для земледѣлія, на всемъ же остальномъ протяженіи въ силу природныхъ условій населеніе занимается скотоводствомъ и ведетъ кочевой образъ жизни. До настоящаго времени обследованы только ближайшіе къ Европейской Россіи районы степей—Тургайская и Уральская области. Лучшія мѣстности здѣсь находятся въ сѣверной части, лежащей на сѣверъ приблизительно отъ 50-й параллели с. ш. Благодаря достаточному количеству проточныхъ и стоячихъ водъ, мѣстность довольно орошена и имѣетъ луга. Эта болѣе плодородная полоса составляетъ Кустанайскій и Актюбинскій уѣзды Тургайской области, Уральскій и небольшую часть Калмыковскаго уѣзда Уральской области. Земли, расположенныя къ югу, совершенно неплодородны; солонцеватая почва мѣстами покрыта песчаными наносами и чрезвычайно бѣдна прѣсными водами. Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, доходящихъ до 40° В, вся мѣстность принимаетъ совершенно пустынный видъ; населеніе уже съ февраля мѣсяца начинаетъ трогаться со своихъ зимовыхъ стойбищъ, перегоняя скотъ и табуны на сѣверъ, чтобы до наступленія лѣтняго зноя пройти бесплодную часть степи. Жителямъ наиболѣе удаленныхъ мѣстностей, напримѣръ, Сыр-Дарьинской области, приходится проходить для этого до 1000 верстъ. Киргизы Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ Тургайской области, благодаря плодородію занимаемыхъ ими земель, а также поселенію среди нихъ русскихъ, начинаютъ уже заниматься хлѣбопашествомъ, хотя еще въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, и переходить къ полуосѣдлому образу жизни. Они имѣютъ постоянныя жилища, обыкновенно землянки, въ которыхъ производятъ зиму, лѣтомъ же выкочевываютъ очень недалеко—не болѣе какъ на 40—60 верстъ.

Коневодство киргизовъ Семирѣченской области находится въ нѣсколькихо нѣмыхъ условіяхъ. Гористая и каменная мѣстность выработала здѣсь лошадей замѣчательно сухихъ, съ сильно развитой мускулатурой и твердыми копытами. Защищаемая горами, особенно юго-восточная часть области не представляетъ такого простора для вѣтровъ и метелей, какъ безпріютныя степныя пространства, и потому въ горной части Семирѣчен-

ской области не может быть таких всеобщих бедствий для коневодства, какія случаются въ степяхъ.

Лучшими въ смыслѣ породности изъ всѣхъ киргизскихъ лошадей надо признать лошадей Семирѣченск. области, въ которыхъ замѣтны еще признаки кровности прежнихъ конскихъ породъ Туркестана. По мѣрѣ удаленія на западъ отъ Семирѣчья, типъ киргизской лошади дѣлается грубѣе, сохраняя, однако, всѣ свои выдающіяся качества.

Средній ростъ киргизской лошади обыкновенно ниже 2 аршинъ; она некрасива, но сложена удивительно крѣпко, ноги короткія, но сухія и прочныя, масти обыкновенно свѣтлыя: соловая, саврасая, буланая, свѣтло-рыжая и т. д.

Къ 1 января 1895 г., по свѣдѣніямъ военнаго губернатора Тургайской области, въ послѣдней числилось 464.789 головъ лошадей; все же киргизское коневодство составляетъ поголовье приблизительно до 4-хъ милліоновъ лошадей.

Такое богатство конскаго матеріала и прекрасныя качества киргизской лошади, какъ боевого коня, доказанныя ею во всѣхъ степныхъ походахъ, давно обратили на киргизское коневодство вниманіе правительства. Съ другой стороны, уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ выяснилось съ полною убѣдительностью, что производство ремонтной лошади, сосредоточенное преимущественно въ области Войска Донскаго, въ Новороссійскомъ краѣ и на Кавказѣ, замѣтно сокращаясь съ каждымъ годомъ, оказывается не въ силахъ по своей сравнительной малопродуктивности успѣшно конкурировать съ овцеводствомъ, земледѣльствомъ и другими видами сельской промышленности. Процессъ постепеннаго сокращенія размѣровъ верхового коннозаводства, вызванный всѣмъ ходомъ экономической жизни государства, показалъ, что на Донскую область и другія степныя пространства Европейской Россіи уже нельзя смотрѣть, какъ на изсякаемый источникъ коневыхъ средствъ. Это обстоятельство, въ связи съ затрудненіями въ приобрѣтеніи лошадей кавалерійскаго сорта, побудило Главное управленіе государственнаго коннозаводства принять рядъ мѣръ въ возможному воздѣйствію на улучшеніе коневодства въ той части киргизской степи, которая по своему географическому положенію находится ближе къ Европейской Россіи. Такимъ, именно, райономъ оказывается сѣверо-западная часть степи. Имѣя въ виду, что при умѣломъ и настойчивомъ веденіи дѣла киргизское коневодство можетъ обезпечить нашу армію лошадьми, Главное управленіе поставило себѣ двѣ задачи: 1) дать кочевому населенію и коневодамъ осязательныя доказательства выгоды отъ производства улучшенной лошади и 2) предоставить въ распоряженіе кочевниковъ достаточное число лучшихъ жеребцовъ-производителей. Съ этою цѣлью въ 1835 г. было устроено для киргизскихъ лошадей нѣсколько пунктовъ выставокъ, съ назначеніемъ призовъ цѣнными вещами и жеребцами-производителями государственныхъ конскихъ учрежденій. Выставки эти имѣли цѣлью подготовить населеніе къ принимаемымъ мѣропріятіямъ и ознакомить съ требованіями, предъявляемыми къ ремонтной лошади. Затѣмъ въ 1836 г. были открыты: одна

заводская конюшня въ г. Оренбургѣ съ комплектомъ въ 50 жеребцовъ и два отдѣленія—одно въ Уральскѣ и другое близъ г. Орска въ урочищѣ Пстай-Уткуль (Актыбнискіа уѣзда, Тургайской области), въ центрѣ зимовокъ киргизскихъ кочевниковъ. Въ 1887 г. послѣднее отдѣленіе преобразовано въ самостоятельную заводскую конюшню (Тургайскую) со штатомъ въ 60 жеребцовъ, а составъ Уральского отдѣленія увеличенъ до 50 производителей. Въ 1888 г. открыта третья степная конюшня-Кустанайская (въ г. Николаевскѣ, нинѣ Кустанай, Тургайской области) на 50 жеребцовъ. Въ 1890 г. комплектъ производителей для степныхъ конюшенъ былъ назначенъ по 500 жеребцовъ въ каждую, съ тѣмъ, чтобы число это пополнилось постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ томъ же году закрыто Уральское отдѣленіе, а жеребцы розданы казакамъ въ нѣ коневодство. Въ виду недостаточности получаемого изъ государственныхъ конскихъ заводовъ количества жеребцовъ и особенно опасности для нихъ при обращеніи въ косячную случку, а съ другой стороны—въ силу необходимости пріобрѣтенія производителей для дополненія штата степныхъ заводскихъ конюшенъ, Главное Управление государственнаго коннозаводства заключило долгосрочные контракты съ крупнымъ коннозаводчикомъ калмыцкой степи, Астраханской губ., Зайсаномъ Энгель-Убуши Дондуковымъ и коннозаводчикомъ задонской степи М. Н. Курочкинымъ, которые обязались, обративъ принадлежащія имъ табуны въ расадники для пополненія степныхъ конюшенъ соответствующими производителями, подъ непосредственнымъ контролемъ государственнаго коннозаводства, предоставлять весь приплодъ жеребчиковъ, за самыми незначительными исключеніями, въ распоряженіе Главнаго управленія, по установленной контрактномъ цѣнѣ <sup>1)</sup>. Къ 1-му декабря 1895 г. составъ степныхъ конюшенъ былъ уже слѣдующій: Оренбургская—361, Кустанайская—355 (въ томъ числѣ на постоянномъ пунктѣ въ Семипалатинской области 33) и Тургайская—345 жеребцовъ.

Въ видахъ облегченія киргизамъ пользованія казенными жеребцами и возможнаго сокращенія расходовъ казны по содержанію степныхъ конюшенъ, выработаны особыя правила обращенія въ случку косячныхъ жеребцовъ, составленныя примѣнительно къ обстановкѣ кочевой жизни и первобытнымъ пріемамъ табунаго коневодства. Согласно этихъ правилъ, всѣ косячные жеребцы раздаются ежегодно въ табуны наиболее благонадежнымъ киргизскимъ-коневодамъ на полное ихъ иждивеніе и безъ взиманія платы за пользованіе жеребцами съ тѣхъ коневодовъ, которые согласятся оставить у себя жеребцовъ и на зиму.

Въ книгѣ г. Ковалевскаго <sup>2)</sup> находимъ также обстоятельныя свѣдѣнія о степной торговлѣ, о развитіи образованія у киргизовъ и т. д.; это—рѣдкій выдающійся трудъ.

---

<sup>1)</sup> Въ 1896 году М. Н. Курочкинъ и Зайсанъ Дондуковъ отъ контракта освобождены.

<sup>2)</sup> Владиміръ Ивановичъ Ковалевскій сельскій-хозяинъ и администраторъ-финансистъ, родился въ 1844 году. Получивъ высшее специальное образо-

Ковалевскій, Г. О.—О народномъ судѣ у киргизовъ.—«Киргизская Стенная Газета», 1894 г., №№ 16, 17, 21 и 22.

Ковалевскій, Е.—Народное образованіе на Всероссийской выставкѣ въ Н.Новгородѣ въ 1896 г.—С.Петербургъ, 1897 г.

Изъ труда г. Ковалевского видно, что показатель народнаго образованія въ киргизской степи Астраханской губерніи 1, 45,—Уральской области 0,806.

Ковалевскій, Е. Н. —Странствователь по сушѣ и морямъ. 3 части, С.Петербургъ, 1843—45 гг.

Ковалевъ, Е.—Похороны у каракиргизовъ. «Православный Благовѣстникъ», 1894 г., № 22.

— ковъ. Киргизы.—«Воскресный Досугъ», 1864 г., №№ 72 и 73.

Говорится о смутномъ происхожденіи киргизовъ и общемъ характерѣ мѣстности: помѣщены описанія кибитки, характера киргизовъ, баранты, религіи, пѣсни; авторъ касается и другихъ бытовыхъ сторонъ. Приложены два рисунка типовъ-киргиза и киргизки. (А. Н. Карузинъ).

Козбергъ, Акджанна. Киргизская легенда.—«Окраина», 1890 г., № 143.

Легенда касается почитаемаго въ Туркестанѣ Рустама-батыря.

Козловъ, П.—Байга у киргизовъ.—«Сибирская Газета», 1882 г., № 13.

Описывается празднество, соединенное съ Байгой.

Козловъ, П.—Памятная книжка Западной Сибири. Омскъ. 1882 г.

---

ваніе въ бывшемъ С.Петербургскомъ земледѣльческомъ институтѣ, поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ заведывалъ статистическимъ отдѣломъ и состоялъ членомъ ученаго комитета министерства; перейдя въ министерство финансовъ, получилъ назначеніе директоромъ мануфактуръ и торговли.

<sup>1)</sup> Егоръ Петровичъ Ковалевскій—путешественникъ, родился въ 1811 г. въ Харьковѣ; въ качествѣ горнаго инженера, произвелъ геологическое исследование Сибири, киргизскихъ степей и другихъ мѣстъ, въ 1847 г. получилъ золотыи рубли во внутренней Африкѣ, въ 1851 г. заключилъ съ Китаемъ торговый договоръ въ Кульджѣ, по которому для русской торговли открылась вся западная часть Китая. Съ 1856 года Ковалевскій—директоръ азиатскаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ президентъ Императорскаго Географическаго Общества. умеръ въ 1868 году въ С.Петербургѣ (Н. Энци. Сл.).



- 19) О погребальных обрядах якутов Вилюйского округа Якутской области. Д. А. Кочнев а. 1895. Цѣна 10 коп.
- 20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.
- 21) О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библиотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.
- 22) Трошанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.
- 23) О древнихъ могилахъ у Михеты, насльдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ. В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.
- 24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Каванской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библиотекѣ. Составилъ И. О. Токмаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.
- 25) Оземльѣ полосоцкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аристова. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.
- 26) Двухсотлѣтней памяти И. Н. Ненюева. 1894. Цѣна 25 коп.
- 27) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- 28) Катановъ, Н. О. Описание одного мегалитическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Ср снимкомъ). Цѣна 15 коп.
- 29) Уставъ Общества Арх. Ист. и Этн. при Император. Каван. Унив.: изд. 1878 г. 13 стр. 8°. ц. 10 к.  
1895 г. 7 стр. 8°. ц. 10 к.  
1898 г. 11 стр. 8°. ц. 10 к.
- 30) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1900 годм по 25 коп.
- 31) Пономаревъ, П. А. Аманьинскій могильникъ. 1892. стр. 34. 8°. 35 к.
- 32) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Каван. губ. 1877. стр. 160. 8°. ц. 1 р.
- 33) Магницкій, В. К. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. 1881. стр. 267. 8°. ц. 1 р. 50 коп.
- 34) Спицикъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886. стр. 30. 8°. ц. 10 коп.
- 35) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8°. ц. 10 коп.
- 36) Замятка по поводу реферата Г. Н. Потанина «У ютйковъ Елабужскаго у.» С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.
- 37) Инструкціи, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1879. Стр. 7. 8°. 5 коп.
- 38) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.
- 39) Магницкій, Къ биографіи Василя Авапасьевича Сбосва. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Каван, Гостинный дворъ, № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ), б) Карлъ Риккеръ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14), в) Книжный магазинъ «Новаго Времени» (Москва, Неглинный протвдъ, д Дяпре), г) Н. Киммельъ въ Ригѣ и д) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.).

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Каванъ, Университетъ) пользуются 30% уступки и бесплатною переслалкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателя вънимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

*Канцелярія и книжный складъ Общества открыты ежедневно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4 до 6 час. веч., а библиотечка Общества—по понедѣльникамъ съ 1 до 3 час. дня.*

Въ 1903 г. «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и  
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Универ-  
ситетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками  
въ 7—8 листовъ in 8°.



Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ  
случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную  
сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ раз-  
мѣръ 5 р. и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ  
изданіе бесплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются: Въ г. Казань, Университетъ,  
Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Цѣна этого выпуска 1 рубль.

5000  
19













3 2044 022 473 383

This book should be returned to  
the Library on or before the last date  
stamped below.

A fine is incurred by retaining it  
beyond the specified time.

Please return promptly.





